

TIPOLOGÍA LÉXICA

RAFAEL GUZMÁN TIRADO
IRINA A. VOTYAKOVA
(ED.)

GRANADA 2013

TIPOLOGÍA LÉXICA

RAFAEL GUZMÁN TIRADO
IRINA A. VOTYAKOVA
(ed.)

TIPOLOGÍA LÉXICA

GRANADA
2013

© LOS AUTORES.
RAFAEL GUZMÁN TIRADO, IRINA A. VOTYAKOVA (ED.).
TIPOLOGÍA LÉXICA.
ISBN: 978-84-938920-4-3. Depósito legal: Gr./ 560-2013
Edita: Jizo Ediciones.
C/ Maestro Vives, nº 8-4º G
Granada 18005
Maqueta: Atticus ediciones, atticusediciones@gmail.com
Imprime: Entorno Gráfico. Atarfe. Granada.

Impreso en España

Printed in Spain

Cualquier forma de reproducción, distribución, comunicación pública o transformación de esta obra sólo puede ser realizada con la autorización de sus titulares, salvo excepción prevista por la ley. Diríjase a CEDRO (Centro Español de Derechos Reprográficos www.cedro.org), si necesita fotocopiar o escanear algún fragmento de esta obra.

PRÓLOGO

La presente publicación recoge los trabajos del III Coloquio Internacional sobre Tipología Léxica (LEXT-III), que se celebró del 17 al 19 de septiembre de 2012 en la Facultad de Traducción e Interpretación de la Universidad de Granada. En él han participado de forma presencial y a distancia más de 60 lingüistas de 12 países.

Es la primera vez que se celebra en España la edición de este prestigioso Coloquio; las dos ediciones anteriores se celebraron en Moscú y en Aix-Marseille (Francia) respectivamente y fueron también organizados por Grupos de Investigación del Instituto de Lingüística de la Academia de Ciencias de Rusia, el Grupo de Investigación de “Tipología Léxica de Moscú” (uno de los centros de investigación más importantes del mundo en este campo), el “Centro de Estudios Cognitivos” de la Universidad Estatal de Moscú “M. V. Lomonosov”, la Universidad Nacional de Investigación «Escuela Superior de Economía» y la Universidad de Aix-Marseille (Francia).

Los organizadores eligieron en esta ocasión, la Universidad de Granada para la celebración de su tercera edición porque desde hace tres años en el Grupo de Investigación “Eslavística, caucología y tipología lingüística” del Área de Filología Eslava de la Universidad de Granada, se viene realizando el proyecto “La semántica de los verbos que expresan “rotación” desde una perspectiva tipológica”, (FFI2009-09514) del Ministerio de Ciencia e Innovación de España. En el Coloquio se presentaron los resultados del mismo, que concluyó en 2012.

El objetivo del Coloquio ha sido reunir a los investigadores que trabajan en el estudio comparativo de vocabulario y discutir los diferentes enfoques sobre los problemas de la lexicología comparada y la tipología léxica. El Coloquio ha contado con las siguientes secciones: Tipología léxica y traducción, Tipología léxica y didáctica, Terminología y tipología léxica, Modelos de conceptualización lingüística. Durante el Coloquio se han tratado los siguientes aspectos de la tipología léxica: la búsqueda de leyes comunes en la realización de determinadas zonas léxicas en las diferentes lenguas del mundo, las particularidades de una

determinada zona léxica en una lengua concreta, la tipología léxica y los problemas de la traducción, el lugar de la tipología léxica en los planes de estudio universitarios y el lugar del léxico en la enseñanza del curso de gramática.

En el marco del Coloquio, además de la presentación de ponencias y comunicaciones, se celebraron dos mesas redondas: “¿Tipología semántica o tipología léxica?” y “La visión del mundo lingüística o ingenua? ¿Ciencia o pseudociencia?” El Coloquio de Granada ha servido, además, de escenario para la presentación de varios proyectos de tipología léxica mundial, entre ellos, “La semántica de los adjetivos”.

El Coloquio fue organizado por el Grupo de Investigación “Eslavística, caucología y tipología lingüística” del Área de Filología Eslava de la Universidad de Granada, el Instituto de Lingüística de la Academia de Ciencias de Rusia, el Grupo de Investigación de “Tipología Léxica de Moscú”, el “Centro de Estudios Cognitivos” de la Universidad Estatal de Moscú “M. V. Lomonosov”, la Universidad Nacional de Investigación «Escuela Superior de Economía», la Universidad de Aix-Marseille y el Proyecto FFI2009-09514 del Ministerio de Ciencia e Innovación de España. Colaboraron en la organización del mismo: MAPRYAL (Asociación Internacional de Profesores de Lengua y Literatura Rusas), la Junta de Andalucía, la Facultad de Traducción e Interpretación, el Departamento de Traducción e Interpretación, el Colegio Mayor San Bartolomé y Santiago, el Área de Filología Eslava, el Patronato de la Alhambra y el Generalife, el Vicerrectorado para la Garantía de la Calidad, el Vicerrectorado de Relaciones Internacionales y Cooperación al Desarrollo y el Centro de Lenguas Modernas.

Rafael Guzmán Tirado

INTRODUCCIÓN

О МОСКОВСКОЙ ЛЕКСИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУППЕ (MLEXT)

Е.В. РАХИЛИНА

Московская лексико-типологическая группа была создана для реализации лингвистических проектов, которые трудно осуществить в одиночку – прежде всего ввиду сложности, разнородности и большого объема исследуемых данных. Ее участники сравнивают и обобщают сочетаемое поведение лексики с похожим значением в разных языках с тем, чтобы установить правила организации и развития лексических систем. Это та область, которая до недавнего времени была недоступна лингвистике: во-первых, потому что раньше не было инструментов и ресурсов для ее изучения (таких, как подробные словари или мощные корпуса текстов), а во-вторых, потому что долгое время господствовало представление, согласно которому лексика (в отличие от грамматики) в принципе не вписывается в научные интересы лингвистов. Немалую роль в пренебрежительном отношении к лексике как особому объекту лингвистического исследования играло и то, что теоретики не усматривали системных отношений между лексическими единицами.

В этом отношении демонстрация типологической релевантности свойств лексических систем на основе их подробного сравнительного анализа могла бы стать серьезным аргументом в пользу того, что лексика системна и действительно представляет лингвистический интерес.

Эта задача объединила группу (в основном московских) специалистов по разным языкам: германистов, японистов, китаистов, индологов, корейцев, славистов, кавказоведов, финно-угроведов, африканистов и др., которые согласились совместно разрабатывать лексико-типологические анкеты и базы данных, собирая и систематизируя материал по одному и тому же плану и сверяя друг с другом результаты своих исследований. Так образовалась группа MLexT. Методика, которой она следовала, состояла в

контекстном сравнении, и в общем, воспроизводила технику, принятую в Московской семантической школе для анализа квазисинонимов (Апресян 1974, НОСС 2004, Апресян 2009 и мн. др.). Для каждого семантического поля составлялись списки слов, покрывающих это поле в данном языке, и сопоставлялись контексты их употребления. Последующий семантический анализ позволяет получить информацию о значениях, когнитивно важных для носителей естественного языка в целом. Как правило, это те смысловые единицы, которые склонны к лексикализации и в большинстве языков выражены специальной лексемой (или каким-то иным образом проявляющие себя в языковой системе).

Работа началась с описания глаголов плавания и нахождения в воде (Aquamotion см. сайт [<http://aquamotion.narod.ru/>], а также Майсак, Рахилина 2007); их исследование проводилось на довольно представительной выборке, примерно для 50 языков мира. Полученные результаты оказались очень вдохновляющими: выяснилось, что системы значений концентрируются вокруг нескольких основных фреймов – активное движение (прототипически – плавание человека), движение судов, пассивное движение объекта по течению и нахождение на поверхности воды. Типы систем воспроизводятся от языка к языку, по-видимому, следуя некоторым когнитивным правилам (реконструкцию которых предложили авторы описания). Более того, от каждой группы лексикализирующихся в языках значений образуется свой круг метафор, причем пути метафоризации тоже воспроизводятся в разных, (генетически) не связанных друг с другом лексических системах.

Следующий крупный проект группы MLexT (он выполнялся вместе с украинскими коллегами из Института языкознания в Киеве) был специально посвящен исследованию систем метафор, и в качестве материала было выбрано особенно богатое метафорами семантическое поле болевых ощущений: анализировались системы глагольных метафор, описывающих боль (см. Брицын и др. 2009, Reznikova et al. 2012).

Некоторые источники метафорических переносов в зону боли оказались особенно интересны с лексико-типологической точки зрения – и среди них глаголы звука, которые затем стали предметом нового большого исследования [<http://nevmenandr.net/zvukim/search.php>], ср. также Рахилина 2010, Rakhilina 2011. Проект по звукам был результатом сотрудничества с французскими лингвистами из Экс-ан-Прованса, именно в университете Экс-Марсель были организованы первые коллоквиумы по лексической типологии, на которых обсуждались, в том числе, и проблемы методики построения лексико-типологического описания.

Новым объектом исследования MLexT стали глаголы вращения [Круглякова 2010]; они изучались совместно с группой специалистов под эгидой университета Гранады (проект FF12009-09514 Министерства Науки Импании, руководитель проф. Рафаэль Гусман-Тирандо) см. также публикацию в настоящем сборнике), поэтому третий коллоквиум, который, в частности, подводил итоги трехлетней работы, было решено провести в этом университете.

Таким образом, первая секция коллоквиума была посвящена типологии вращения. Здесь обобщались данные отдельных языков, прежде всего хинди и китайского, а также, в отдельных докладах, примеры метафорических сдвигов глаголов вращения, собранных в ходе проекта по пятнадцати языкам, а также материал диахронического исследования испанских глаголов вращения. Вращение стало еще одним полигоном для отработки методики лексико-типологического исследования: выделения релевантных признаков, разработки анкет, приемов работы с информантами и корпусами и др.

Пилотные результаты – на небольшой выборке – говорят о том, что в этой семантической области тоже можно выделить устойчивые фреймы, значимые для самых разных языков и требующие особых лексических единиц для своего кодирования. К ним относится, например, вращение на высоте (например, птицы, которая ищет добычу), вращение вокруг своей оси (например, флюгера, колеса или фигуриста на льду), контактное вращение на поверхности, которое сопровождается поступательным движением (например, бревна с горы) и некоторые другие. Устойчивые пучки смыслов, или фреймы, образуют структуру; опираясь на нее можно сравнивать не только уже рассмотренные 15 языков, а, как представляется, любые произвольно взятые. Результат сравнения – лексико-семантические карты, на которых отражаются и сходства, и различия в стратегиях объединения фреймов при лексикализации; эти объединения не случайны, они тоже воспроизводятся – отсюда мы делаем вывод о системности лексики и в этой семантической зоне.

На коллоквиуме была и еще одна секция, которую представила группа MLexT – она была посвящена типологии признаков слов, прототипически характеризующих предметы: ‘мокрый’, ‘сырой’, ‘толстый’, ‘тонкий’, ‘ровный’, ‘гладкий’, ‘скользкий’, ‘шершавый’, ‘прямой’, ‘кривой’, ‘сладкий’, ‘кислый’, ‘горький’, ‘кислый’ и др. С семантической точки зрения, область признаков слов не менее трудна для описания, чем зона боли: признаки предметов отражают человеческие ощущения, а они трудноуловимы и слишком субъективны: кажется, что разница между, например, ‘мокрый’ и ‘сырой’ сводится только к индивидуальной оценке говорящим степени, в которой, с его точки зрения, проявляется данный признак.

Между тем, для лингвиста семантическая задача состоит прежде всего в классификации признаков смыслов – и работа участников MLexT показывает, что основания для нее можно найти, если исследовать сочетаемостные свойства этих лексем. В частности, в лексике всех языков четко противопоставлены ощущения, которые возникают при восприятии объекта разными органами чувств – тактильные, визуальные, слуховые и др. Такого рода оппозиции работают, например, в зоне ‘ровный – шершавый’ или ‘мягкий – твердый’: ровные дороги и поля, которые человек воспринимает только визуально, как правило, иначе лексикализуются в языках, чем ровные или гладкие (тактильно) столы; и те, и другие, в свою очередь, часто противопоставляются скользкому льду. Точно так же, пухлые (на вид) щеки кодируются иначе, чем мягкий (на вкус) хлеб, и часто иначе, чем мягкий (тактильно) стул.

Важный фактор, влияющий на выбор прилагательного и в целом определяющий богатство системы – это функциональность. Поэтому, как правило, признаки артефактов, ориентированных на использование человеком, могут иметь в языке другое лексическое выражение, чем признаки природных объектов, потому что оказываются с точки зрения человека непохожи и плохо сопоставимы друг с другом – как, например, вьющиеся растения или волосы – и свернутая (не вьющаяся) веревка или скрученная проволока или полая тыква и пустая комната.

Правильному функционированию объекта (природного или артефакта) способствуют только те признаки, которые изначально присущи объекту; если же признак приобретен под внешним воздействием, то, как правило, он связан с потерей функциональности. Такой признак иначе характеризует объект, подразумевая причину своего возникновения (другими словами, ему соответствует фрейм более сложной структуры), поэтому он тоже может выражаться особой лексемой, ср. кит. *ruan* ‘мягкий’ (в противоположность твердому) и *lan* (‘мягкий об объектах, которые должны были быть твердыми’). Подобных лексем может быть много, если язык стремится расклассифицировать ситуации, в которых происходит «порча объекта», ср. русск. *мягкий* (исходное свойство предмета) VS. *размягченный* (например, о масле), *вялый* (о растениях), *ветхий* (об одежде или строениях) и др. – приобретенные свойства, с эффектом «порчи» и потери функциональности.

Сведение всех значимых признаков в единую базу данных (с возможностью поиска) и последующая их более общая надязыковая классификация – вот задача, которая сейчас ставится в рамках данного исследования. Решая ее, можно частично опираться на базу прилагательных и наречий, построенную в свое время для русского языка на основе НКРЯ [Рахилина и др. 2010]. В ней при каждой лексеме отражено множество релевантных для нее признаков значений, включая значения, полученные при семантических сдвигах (стандартных – как метафора или метонимия и нестандартных, не подчиняющихся общим правилам). База русских признаков лексем служит ресурсом, который позволяет, с использованием переводных словарей и беглого корпусного анализа, строить гипотезы о том, насколько интересным может оказаться тот или иной признак в типологической перспективе. Другое ее свойство – ориентированность на полисемию: охватывая переносные значения, она «умеет» автоматически строить семантические сети, которые наглядно, графически описывают внутриязыковую полисемию. Лексико-типологической базе понадобится способность автоматически сравнивать такие сети и выявлять сходные фрагменты в разных ее частях для разных языков.

Первые результаты работы над новой, типологической, базой также были предъявлены на коллоквиуме.

До сих пор мы говорили о теоретической важности лексико-типологических разработок MLexT, представляя их как ответ своего рода ответ на вызов теоретиков и грамматистов. Теперь обсудим, могут ли у такого рода деятельности быть прикладные аспекты. Мы видим их прежде всего в теории перевода,

лексикографии и преподавательской деятельности – именно поэтому на коллоквиуме были представлены соответствующие секции.

Действительно, наш сегодняшний опыт работы с лексикографическими источниками очень пессимистичен: словарь может стать только самым первым, исходным импульсом для лингвиста, и никогда – полноценным источником информации. Это значит, что и переводчику одного только словаря всегда будет недостаточно. Все дело, конечно, в отсутствии «универсального лексического набора» смыслов, которые затем распределяются по лексемам – разным образом в разных языках, и (возможно, с добавлением мелких нюансов), воспроизводящих ту самую систему, поиски которой и составляют смысл существования MLexT.

Если представить себе, что такая система была бы построена для какого-то, пусть скромного по объему, но представительного набора семантических зон, причем для каждой – хотя бы на каком-то небольшом, пилотном подмножестве языков, то появилась бы возможность сделать проект мультязычного словаря как базы данных, входом в которую служили бы типовые контексты. «Ответом» на каждый контекст стал бы его перевод (желательно – с естественным примером из корпуса текстов данного языка). Собственно, предлагаемая группой MLexT признаковая база данных является своего рода моделью такого словаря, только для очень узкой области и совсем маленького перечня языков.

Заметим, что переносные значения, которые в обычных словарях выносятся в отдельные строки или «за ромб», в базе должны быть представлены иначе. Прямые контексты, в принципе, в достаточной степени универсальны, поэтому соответствующие строки легко могут быть переведены и заполнены (можно даже обсуждать создание специальных корпусных технологий, которые бы позволили *автоматически* вырезать из корпусов предложения, содержащие подходящие к данному контексту сочетаемостные фрагменты). Особенность переносных контекстов в том, что многие из них в принципе не переводятся на другой язык с помощью лексем данного поля (а некоторые – не переводятся вовсе). Значит, для этой части мультязычного словаря о буквальной сопоставимости информации говорить не приходится: он может только фиксировать все такие употребления (нам представляется, что и эта часть работы может быть в недалеком будущем автоматизирована). Однако (ручная) разметка полученных строк по результирующему значению (опыт которой есть в русской признаковой базе MLexT) дает возможность существенных обобщений и для переносных значений – с тем, чтобы выделить типологически релевантные сдвиги значения (стандартные метонимии, базовые метафоры и др.), а значит – для следующего шага к оптимизации словаря как источника лингвистической информации.

Результаты лексико-типологических исследований прекрасно применимы и в области новых педагогических технологий, которая пока только начинает развиваться: как и современная лексикография, педагогика тоже постепенно начинает использовать корпусные технологии. В первую очередь эта

тенденция коснулась самой передовой области – обучения иностранным языкам: методисты и технологи стали создавать корпуса ошибок. Одни из самых интересных в лингвистическом отношении ошибки – это ошибки на смешение лексем и конструкций разных языков: родного и изучаемого. Пока неясно, каким стратегиям следует говорящий, когда ошибается в выборе подобных языковых единиц, но ясно, что ошибки возникают далеко не в любом месте текста. Описания, выполненные в духе лексической типологии, сравнивающие объем часто смешиваемых слов и обнаруживающие, в чем состоит та разница, которой пренебрег учащийся, могли бы помочь ответить на этот вопрос. Этой любопытной теме был посвящен один из пленарных докладов коллоквиума.

Еще одно приложение лексической типологии можно было бы назвать культурологическим; живая и плодотворная дискуссия посвященная культурным концептам, тоже стала частью коллоквиума. На ней обсуждалась проблема систематизации наших представлений о том, что сегодня принято называть «картиной мира» и что изучается в рамках учебных курсов под многообещающим названием «Межкультурная коммуникация». Как правило, самыми острыми сюжетами для них оказываются даже не анекдоты из жизни иностранцев в чужой стране, а сугубо лингвистические вопросы – прежде всего, о разнице концептов, которые стоят за употреблением переводных эквивалентов в сопоставляемых языках. Акцент делается на *разнице* – и часто эта разница сводится к констатации того, что тот или иной компонент смысла (или целый конгломерат смыслов), лексически выраженный в одном языке, в другом полностью или частично отсутствует; в классических работах по этой тематике обычно говорят о русских *судьбе, уюте, авось* и под. (ср. прежде всего Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005, 2012 и др.).

Между тем, методика таких сопоставительных исследований всегда достаточно фрагментарна (впрочем, есть и блестящие, на наш взгляд, исключения, см. статью Зализняк, Шмелев 1997): во всех случаях она опирается на родной язык. Более добросовестные авторы (их мы здесь уже упомянули) делают анализ родного языка достаточно тщательно, но большинство (а количество сопоставительных исследований языковых картин мира в России стремительно растет, как видно из подробной библиографии и обзора в Безродный, Павлова 2010, 2011, Павлова 2011 и других работах этих авторов) довольствуется фрагментарными иллюстрациями. Между тем, методически и теоретически не проработан главный вопрос: на какой базе должны возникать эти различия, иными словами, семантическое сходство какой степени мы в принципе ожидаем от лексем разных языков? Верно ли, что это именно и только *уют, судьба и авось* и др. подобные им культурно специфические, как считается, лексемы, создают дисбаланс в языковых картинах исследуемых языков или лексическая семантика в принципе никогда не может быть абсолютно тождественна – ни для двух похожих слов, взятых из разных языков в той же степени, ни для квазисинонимов внутри одного языка?

Есть и еще некоторые вопросы, полноценный ответ на которые, на наш взгляд, может дать исключительно лексическая типология, а именно: обязательно ли концептуальные различия между отдельными лексемами выстраиваются в единую и цельную КАРТИНУ МИРА – как это навязывает нам уже принятый термин?

Действительно, мир атрефактов у разных народов, в особенности стоящих на разных ступенях цивилизации или живущих в разных широтах, конечно, существенно отличается друг от друга. Даже глобализация и европейское сообщество не стерли здесь пока всех значимых различий: «ненужная» лексика (как и «ненужные» вещи) всегда заимствуется. Но в какой степени сопоставима лексика тактильных ощущений, оценочных слов, даже ругательств и под., касающаяся *внутреннего* мира человека, какие здесь могут быть системы и какие лакуны? Пока ответа на этот вопрос нет хотя бы для какой-то одной, скромной семантической зоны, – строго говоря, невозможно делать никаких научных утверждений на эту тему.

Оптимизм внушает лексическая типология: если можно описать метафоры вращения, боли или звука и экспериенциальные признаки объектов, то почему не оценочные слова?

ЛИТЕРАТУРА

- АПРЕСЯН, Ю.Д. (1974): *Лексическая семантика: синонимические средства языка*. М.: Наука.
- АПРЕСЯН Ю.Д. (2009): *Исследования по семантике и лексикографии. Т.1.: Парадигматика*. М.: Языки славянских культур.
- БРИЦЫН, В.М.; РАХИЛИНА, Е.В.; РЕЗНИКОВА, Т.И.; ЯВОРСКАЯ, Г.М. (ред.) (2009): *Концепт БОЛЬ в типологическом освещении*. Киев: Видавничий Дім Дмитра Бураго.
- ЗАЛИЗНЯК А.А., ШМЕЛЕВ А.Д. (1997): *Время суток и виды деятельности // Арутюнова Н.Д., Янко Т.Е. (ред.) Логический анализ языка: Язык и время*. М., Индрик.
- ЗАЛИЗНЯК АННА А., ЛЕВОНТИНА И.Б., ШМЕЛЁВ А.Д. (2005): *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. М.: Языки славянской культуры.
- ЗАЛИЗНЯК А.А., ЛЕВОНТИНА И.Б., ШМЕЛЕВ А.Д. (2012): *Константы и переменные русской языковой картины мира*. М.: Языки славянской культуры.
- КРУГЛЯКОВА В.А. (2010): *Семантика глаголов вращения в типологической перспективе*. Дисс...канд. филол. наук. М.: РГГУ.
- МАЙСАК Т.А., РАХИЛИНА Е.В. (Ред.) (2007): *Глаголы движения в воде: лексическая типология*
- НОСС 2004: *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим рук. Ю.Д. Апресяна*. М., Вена: *Языки славянской культуры, Венский славистический альманах* (Изд. 2-е, исправленное и дополненное).

- РАХИЛИНА Е.В. (2010): Звуки Му // *Проблемы грамматики и типологии: Сб. статей памяти В.П. Неद्याлкова*. М.: Знак. 283-302.
- РАХИЛИНА Е.В., РЕЗНИКОВА Т.И., БОНЧ-ОСМОЛОВСКАЯ А.А. (2010): Типология преобразования конструкций: предикаты боли // *Е.В. Рахилина (отв. ред.) Лингвистика конструкций*. М.: Азбуковник.
- АННА ПАВЛОВА (2012): *Можно ли судить о культуре народа по данным его языка? Антропологически форум*. №16
- ПАВЛОВА А.В., БЕЗРОДНЫЙ М.В. (201 (2012):): Хитрушки и единорог: образ русского языка от Ломоносова до Вежбицкой // *Toronro Slavic Quarterly*. № 31.
- ПАВЛОВА А.В., БЕЗРОДНЫЙ М.В. (2010): Ложный вызов // *Toronto Slavic Quarterly*. № 31
- RAKHILINA E. 2010. Animal sounds: a human vantage point // *Oslo Studies in Language* Vol 2, No 2.
- REZNIKOVA, T.; RAKHILINA, E.; BONCH-OSMOLOVSKAYA, A. (2012): Towards a typology of pain predi-cates // *Linguistics. Volume 50, Issue 3*, pp. 421–465.
- Сайт Aquamotion: <http://aquamotion.narod.ru/>
База данных «Звуки Му» <http://nevmenandr.net/zvukim/search.php>

CAPÍTULO I.
LA SEMÁNTICA DE LOS VERBOS
QUE EXPRESAN “ROTACIÓN”

LA TIPOLOGÍA LÉXICA Y LA SEMÁNTICA DE LOS VERBOS QUE EXPRESAN “ROTACIÓN”

RAFAEL GUZMÁN TIRADO

El presente trabajo es el resultado de un proyecto que ha estado dedicado al análisis tipológico de la semántica del grupo de verbos que expresan “rotación” en una selección de lenguas genética y tipológicamente diferentes. En particular, se ha utilizado material del español, de varias lenguas caucásicas (el abjazo-abazo como representante del grupo occidental), el georgiano, el ruso, el chino y el udmurto.

Se ha elegido este grupo de verbos porque constituyen un objeto muy apropiado para este tipo de investigaciones, dado que son concretos y describen fenómenos físicos bastante sencillos, presentes en lenguas de diferentes sistemas y no dependen de las particularidades de un determinado pueblo.

En el marco del proyecto se han resuelto las siguientes tareas específicas:

1. Se ha elaborado una relación total de los verbos que describen una situación de rotación en las lenguas investigadas.
2. Se han distinguido los “marcos” cognitivamente relevantes, sobre cuya base se produce la lexicalización del significado de rotación en las lenguas indicadas. Se ha analizado la posibilidad de su combinación en un solo lexema, y de establecer las normas que la rigen y los límites existentes.
3. Se ha valorado la universalidad o especificidad lingüística de los marcos indicados y la relación de los que forman parte de un conjunto universal.
4. Se han descubierto los parámetros semánticos que influyen en la lexicalización de los significados de rotación, y analizando cómo se relacionan entre sí, de qué forma se estructuran en los marcos de rotación y qué lugar ocupan en la semántica de lexemas concretos.
5. Se ha descrito la organización de los sistemas de los verbos de rotación en las lenguas investigadas y analizado las semejanzas y diferencias en la estructuración del campo semántico de dichas lenguas.

El presente proyecto se ha llevado a cabo en el marco de la tipología léxica de las lenguas, una de las direcciones de investigación lingüística que se están desarrollando de forma más dinámica en las últimas décadas y que, en nuestra opinión, cuenta con mayores perspectivas.

El estudio tipológico de las lenguas tiene ya una larga tradición, siendo los campos más desarrollados hasta ahora la tipología gramatical y la sintáctica. En las últimas décadas se han publicado numerosos trabajos dedicados a estas ramas de la lingüística.

Como es sabido, la tipología, en general, se ocupa del establecimiento de los universales, es decir, de los fenómenos relevantes para todos los sistemas lingüísticos. Hasta no hace mucho tiempo se consideraba que los componentes semánticos universales eran propios del sistema gramatical de las lenguas; en ellas se descubrieron oposiciones gramaticales idénticas, categorías nominales y verbales parecidas, servidas por indicadores gramaticales especiales y organizados en sistemas. Tanto las categorías por separado como los sistemas de significados gramaticales en las diferentes lenguas se pueden comparar con facilidad, formando una especie de conjunto gramatical universal. Al mismo tiempo, la tarea de la tipología gramatical se puede formular como la descripción de ese conjunto universal presente en cada lengua.

Hasta no hace mucho tiempo se consideraba que, a diferencia de la gramática, el léxico era extremadamente irregular e individual, y que, por ese motivo, no debía entrar en los proyectos dedicados a la comparación tipológica de las lenguas. Nuevas investigaciones teórico-experimentales de los últimos años han cuestionado esa hipótesis. Se ha descubierto que, pese a su diversidad, el léxico, al igual que la gramática, está constituido por sistemas. Consecuentemente y para este nivel de la lengua se pueden extraer ideas comunes, describir principios de organización de los campos semánticos y construir un conjunto universal de significados léxicos.

Además, es esencial el hecho de que, precisamente, los significados léxicos son los que más se corresponden plenamente con la clasificación de la realidad reflejada en las diferentes lenguas. El mundo que nos rodea se organiza en la conciencia del ser humano con ayuda de unidades léxicas, de esta forma, la presencia o ausencia de lexemas con un determinado significado indica en qué nivel y en qué fragmentos del mundo físico son cognitivamente relevantes y universales. Los significados léxicos, en cada lengua, en gran medida están determinados por la realidad extralingüística, sin embargo las relaciones lógicas, las oposiciones y el sistema de organización de estos significados está determinado exclusivamente por la lengua.

La tipología léxica se dedica también al estudio de este tipo de fenómenos, y entre sus tareas incluye el análisis de los fenómenos del nivel léxico que se repiten en las diferentes lenguas con el fin de explicar de qué forma se expresan determinados elementos por medio de las palabras de cada lengua. Para esto, es imprescindible dar respuesta a las siguientes preguntas: ¿qué significados pueden ser expresados por una palabra en las diferentes lenguas?, ¿qué significados

universales y lingüísticos específicos son expresados de forma regular por un determinado lexema? ¿existen limitaciones en la lexicalización de los significados? ¿qué significados y con qué reglas pueden combinarse en el marco de un único lexema?

Pero, además, la tipología léxica se ocupa de la búsqueda del conjunto universal de parámetros semánticos, cuyos elementos están representados en cada lengua concreta.

A diferencia de lo que ocurre con las investigaciones fonéticas, gramaticales y sintácticas, cuyo objeto de investigación es posible contemplarlo directamente, la complejidad de las investigaciones semánticas reside en que su objeto son, en primer lugar, los componentes del significado.

En segundo lugar, la frecuencia de las unidades léxicas es inferior a las morfológicas e, incluso, a las sintácticas, lo que limita enormemente las posibilidades del investigador en el proceso de selección del material.

En tercer lugar, el nivel de estudio del nivel léxico de las lenguas es notablemente inferior al de la fonología y la gramática, lo que se debe a que el léxico es un sistema menos estructurado y formalizado pero más complejo.

Los verbos que expresan rotación constituyen uno de los subgrupos que indican una determinada forma de movimiento. Estos verbos son objeto de investigación tipológica ya que son concretos, describen fenómenos físicos bastante sencillos, están presentes en lenguas de diferentes areales y carecen de componentes culturales específicos. Desde el punto de vista lingüístico presentan especial interés puesto que en su semántica no entran otros componentes esenciales en los verbos de movimiento como el punto inicial y final del movimiento, el medio o la dirección. El primer elemento imprescindible en los verbos de rotación es el propio sujeto, y el segundo, el punto de referencia, alrededor del cual tiene lugar la rotación. Sin embargo, las situaciones de la rotación pueden diferenciarse según toda una serie de parámetros, que hasta la actualidad no han sido descritos en la lexicología tipológica ni en el plano teórico ni en el práctico.

Desde el punto de vista teórico nuestro proyecto se ha apoyado sobre todo en las ideas de la “Gramática de las construcciones”, teoría semántica propuesta a principios de los noventa por el lingüista americano Charles Fillmore y desarrollada activamente en la actualidad por tipólogos de los EE. UU y Europa como Adele Goldberg, William Croft, Hans Boas y Miriam Fried. De acuerdo con esta teoría, la percepción de la realidad por el ser humano se estructura por medio de “marcos” (frames) lingüísticos o “construcciones”, en las que de forma inequívoca se distinguen los papeles y las funciones de los participantes en la situación»¹. Consecuentemente, para investigar los verbos de rotación en una etapa inicial se analizaron todas las situaciones de rotación que pueden distinguirse léxicamente

1. Fillmore, Ch., J. & Kay, P. *Construction Grammar Course Book*, Berkeley: Univ. of California, 1992.

en las lenguas con ayuda de diferentes verbos. Para esto fue imprescindible dividir la situación en diversas partes componente y establecer las relaciones entre ellas, los diferentes elementos combinatorios representados en las lenguas y si coincidían o no con los frames establecidos. Así, normalmente el marco de la rotación incluye el objeto que rota, el eje de rotación, la orientación, el plano en el que tiene lugar la rotación, etc. Cada uno de estos elementos posee sus propias características, que pueden combinarse entre sí de diferente forma. Por ejemplo, el objeto que rota puede ser animado o inanimado, puede ser redondo o no, puede rotar verticalmente o de forma horizontal, alrededor de un eje interno o de otro objeto que realiza el papel de punto de orientación, puede hacerlo rápida o lentamente, etc.; como resultado de este análisis se descubrieron una serie de marcos cognitivamente relevantes, cada uno de los cuales no solo refleja la particularidad específica de una lengua concreta o de un grupo de lenguas, sino también describe las particularidades universales de la percepción de la situación de rotación por el ser humano.

Nuestro proyecto se ha llevado a cabo sobre lenguas de estructuras diferentes y de sistemas distintos de Europa, el Cáucaso y Asia. Las lenguas seleccionadas representan un material genético y areal suficientemente variado, lo que ha permitido establecer una gran cantidad de marcos tipológicamente relevantes en una situación de rotación, así como los parámetros semánticos aislados que influyen en la lexicalización de las situaciones de rotación en las diferentes lenguas. Los resultados obtenidos permitirán crear una clasificación bastante completa de los sistemas de los verbos de rotación existentes en dichas lenguas, que además tendrá un carácter de predicción. Con ayuda de esa clasificación se podrá emprender el estudio y descripción de otras lenguas, partiendo ya de unos esquemas concreto y de unas líneas de investigación establecidas. Este trabajo tendrá gran importancia tanto para el desarrollo de la teoría como de la práctica de la tipología lexicológica.

No es la primera vez que la semántica de los verbos de rotación es objeto de investigación. Existe un artículo de E.V. Rachilina y de I. A. Prokofieva «Las lenguas emparentadas como objeto de la tipología léxica: los verbos de rotación rusos y polacos»², dedicado a la semántica de los verbos de rotación en ruso y en polaco. En estas lenguas emparentadas, el campo semántico de la rotación lo forman verbos cuya mayoría son palabras etimológicamente cercanas, que conservan una semejanza fonética. El resultado de esa investigación demostró otra vez que lenguas cercanas pueden diferenciarse sustancialmente por sus parámetros semánticos y por el modo de la estructura de un mismo campo semántico; se establecieron también una serie de situaciones espaciales de la rotación y los parámetros abstractos sobre cuya base se lexicaliza un determinado tipo de rotación.

2. Voprosy yazykoznanija, 2004, № 1

Sin embargo, es preciso señalar que los verbos de rotación aún no han sido objeto de investigación al más alto nivel.

Investigadores del proyecto:

- 1) Rafael Guzmán Tirado, investigador responsable y fundador del grupo de investigación: *Eslavística, caucasología y tipología de las lenguas*. (Código: HUM: 827) de la Universidad de Granada.
- 2) Validimir A. Plungyan, Director de la Sección de Tipología Lingüística del Instituto de Lingüística de la Academia de Ciencias de Rusia.
- 2) Ekaterina V. Rachilina, Investigadora del Instituto de Lengua Rusa de la Academia de Ciencias de Rusia (Moscú).
- 3) Zinaida Gabunia, Miembro de la Academia Internacional de Ciencias de Adygea (Cáucaso), Miembro de la Academia Estatal de la República de Abjasia, Miembro de la Academia de Ciencias, Universidad Kabardino-Balkaria de Nalchik (Cáucaso, Federación Rusa).
- 3) Irina Votyakova, Profesora del Departamento de Lengua Rusa, y Lingüística Teórica y Aplicada, Universidad de Udmurtia, en Izhevsk (Federación Rusa).
- 4) Kruglyakova Victoria A., Centro de Lingüística Tipología, Universidad Estatal de Humanidades de Moscú, profesora de español del Departamento de Lenguas Europeas RGGU.
- 5) Lilya Khokhola, profesora de español del Departamento de Lenguas Universidad Estatal de Humanidades de Moscú.
- 6) Ketevan Svanidze, profesora del Departamento de Lengua Rusa de la Universidad “Shota Rustaveli” de Batumi (Georgia).

La metodología del presente proyecto se ha basado en el uso del método de análisis de la conducta lingüística, es decir, del análisis de la combinatoria de las unidades lingüísticas y que es utilizado ampliamente por la Escuela Lingüística de Moscú. Con este fin se ha empleado un cuestionario realizado para pasar a los informantes, hablantes nativos de las lenguas estudiadas. Además de los trabajos de campo y de dicho cuestionario en el trabajo se utilizarán los datos de los corpus de textos existentes para las lenguas que ya cuentan con ellos. Con su ayuda se ha logrado establecer las variantes combinatorias de los verbos estudiados así como los datos estadísticos cuantitativos.

La investigación llevada a cabo en el presente proyecto no solo favorecerá las investigaciones léxicotipológicas y permitirá realizar una contribución a la tipología cognitiva y a la teoría semántica sino que también tendrá un significado práctico directo para la enseñanza de las diferentes lenguas pues permitirá imaginarse mejor los rasgos comunes y específicos de la organización de los sistemas léxicos de estas lenguas, incluidas las diferencias en el sistema español. Los resultados de la investigación serán también e utilidad para la elaboración de manuales lexicográficos teóricos y prácticos.

МЕСТО ХИНДИ В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ДИХОТОМИИ «ГЛАГОЛЬНЫЕ – САТЕЛЛИТНЫЕ» ЯЗЫКИ

Л.В. ХОХЛОВА

Л. Талми предложил исследовать типологию глаголов движения на основании того, какой из компонентов конструкции содержит указание на направление движения, или «ядерную схему» движения (*core schema*). Выделяются языки «глагольного типа» (*verb framed languages*), в которых «ядерная схема» отображается в глаголе, в то время как способ действия выражается обычно обстоятельствами, и языки «сателлитного» типа (*satellite-framed languages*), где глагольный корень отображает способ движения, а «ядерная схема» выражена в «сателлитах» - глагольных префиксах, постпозитивных адвербиальных частицах и др. типах глагольных модификаторов «помимо флексий, вспомогательных глаголов или именных аргументов» [Talmy 1985: 102].

Применяя дихотомию Л. Талми к хинди, Бхувана Нарасимхан (*Bhuvana Narasimhan 2003*) относит последний к языкам «глагольного типа», так как, по ее мнению, глагольный корень в хинди указывает на направление движения, при этом способ движения выражается различными обстоятельствами:

1. *raamuu langRaate hue kamre mE aayaa /kamre se niklaa*
Раму хромая комнату в вошел-Pst/комнаты из вышел-Pst
'Раму хромая вошел в комнату/вышел из комнаты'

Ср. правильное в английском (2) и неверное в хинди (3), где способ действия выражен глагольным корнем:

2. Sydney hobbled in/out (of the room)

3. * *raamuu kamre mE langRaayaa*
Раму комнату в прихромал- Pst
'Раму «прихромал» в комнату'

Однако конструкции с так называемыми интенсивными глаголами ставят под сомнение однозначное отнесение хинди к языкам глагольного типа. Интенсивные глаголы состоят из главного предиката в форме основы и частично десемантизированных глаголов из ограниченного списка, выражающих вид, время, модальность, имеющих также дейктическое и некоторые другие значения, как, например, нежелательность или внезапность действия.

4. *tel ke dhabbe duusre kinaare bah gaye*
 нефть Gen пятна другой берег плыть/идти-Pst
 'Нефтяные пятна поплыли/уплыли на другой берег'

В приведенном примере основной смысловый глагол выражает способ действия, вспомогательный – направление движения. Такие конструкции близки к конструкциям с сериальными глаголами, в которых одной финитной формой выражается способ движения, а другой направление, при этом способ движения не является синтаксически подчиненным маршруту, как в языках «глагольного» типа. Д. Слобин выделяет языки с сериальными глаголами в особый, третий «эквивалентный» тип, к которому относятся некоторые языки Западной Африки и др. (Slobin 2004a).

Однако в отличие от сериальных глаголов, состоящих из равных по статусу морфем, в интенсивных глаголах второй компонент играет подчиненную роль. Л. Талми считал 'light verbs', к которым обычно относят образующие интенсивных глаголов, типичными сателлитами (Talmy 1985). При сравнении индоарийских языков с русским многие исследователи сопоставляют функции образующих интенсивных глаголов с функциями таких типичных сателлитов, как русские приставки. Итак, с точки зрения выражения способа и направления движения хинди относится к языкам «смешанного» типа, в котором часть конструкций демонстрирует свойства языков «глагольного», другая часть – свойства языков «сателлитного» типа.

Языки «глагольного» и «сателлитного» типа различаются также употреблением глаголов способа действия в конструкциях, выражающих предельный процесс, в особенности в конструкциях, описывающих пересечение границы. Так, оба типа языков допускают эквиваленты английских предложений типа (*He ran along the road/across the lawn/through the tunnel*), описывающие неопредельный процесс, но только в «сателлитных» языках возможны предложения типа '*He ran into the house*' (Aske 1989), (Slobin 1999). Глаголы способа действия в хинди могут употребляться в предложениях, описывающих предельный процесс (5), в том числе и в конструкциях, описывающих пересечение границы (6), (7), что сближает хинди с языками «сателлитного» типа:

5. *baccaa darvaaze par kuud paRaa*
 ребенок дверь на прыгать падать-Pst
 'Ребенок прыгнул к двери'

6. *bahut mehnat karke pEc takhte mE ghuum gaya*
 много труд делать +Abs винт доска в поворачиваться идти+ Pst
 'После многих усилий винт «ввинтился» в доску'
7. *vah ghar mE ghus gayaa*
 он дом в проникать идти-Pst
 'Он проник в дом'

Сателлитные языки обнаруживают как правило большее богатство семантической зоны «способ движения» по сравнению с глагольными языками. Сравнив семантическое поле «способ движения» в английском (эталонном сателлитном языке) и хинди, Бхувана Нарасимхан отмечает значительное количество глаголов, обозначающих способ движения в хинди. Если включить в список также глаголы, не рассмотренные Б. Нарасимхан, например, глаголы, обозначающие различные виды «прыганья» типа *uchalnaa* 'подпрыгивать', *kuudnaa* 'прыгать вниз', реже 'подскакивать', *phAAdnaa* 'перепрыгивать', *phudaknaa* 'подпрыгивать (о птицах)', а также сочетания существительных с вербализаторами типа *chalAAg maarna*, 'делать прыжок', то окажется, что говорящие на хинди весьма изобретательны при описании различных способов движения.

Следует, однако, заметить, что методика определения лексического богатства той или иной семантической зоны требует дальнейшей разработки. Неясно, например, следует ли включать в список глаголов способа движения существительные с вербализаторами, например, англ. 'to take a run' 'разбежаться'. Обычно рассматриваются только «простые» глаголы, однако во многих языках, как, например, в хинди, значительное место занимают сочетания существительных с «оглаголивателями», не имеющие аналогов среди «простых» глаголов. Если не включать их в соответствующую семантическую зону, последняя будет представляться «беднее» аналогичной зоны в тех языках, где сходные значения выражаются «простыми» глаголами.

Д. Слобин (Slobin 2004a) показал, что наличие глаголов определенного семантического класса в словаре не является доказательством богатства или бедности той или иной семантической зоны. Так, например, даже при наличии в словаре того или иного глагола, описывающего способ движения, совершенно не обязательно, что этот глагол будет употреблен в соответствующем контексте. В «глагольных» языках - даже при наличии специализированных глаголов - большинство носителей выбирает более нейтральный глагол, в то время как в «сателлитных» языках, используется как правило специализированный глагол способа действия. Эксперименты, подобные тем, которые проводил Слобин – записи устного изложения событий, изображенных в детской книжке с картинками «Где ты, лягушка?» (Slobin 2004a) еще предстоит провести на материале хинди, однако в целом можно сказать, что хинди располагает значительным количеством глаголов, выражающих способ действия, при этом,

вероятно, уступает языкам типа английского, «сильно ориентированным» на выражение способа.

В языках «сателлитного типа» способ движения относится к фону (background) высказывания, поскольку он выражается автоматически, независимо от необходимости сообщить слушателю соответствующую информацию. Так, по-русски следует сказать «Какой-то странный зверь приплыл на наш остров», несмотря на то, что говорящий обращает внимание слушающего только на результат, и ни говорящего, ни слушающего не интересует способ передвижения данного зверя. В хинди, как в языках глагольного типа, глагол, описывающий способ движения, вводится в высказывание только в том случае, если способ движения важен для говорящего (foregrounded) [Slobin 2004b, Slobin 2005]:

8.	<i>koiī</i>	<i>aīīb</i>	<i>jaanvar</i>	<i>hamaare</i>	<i>dviip</i>	<i>par</i>
	какой-то	странный	зверь	наш	остров	на
	<i>tair</i>	<i>aayaa</i>	<i>/aa</i>	<i>gayaa</i>		
	плыть	идти-Pst	/приходить	идти-Pst		

‘Какой-то странный зверь (приплыл/пришел) на наш остров’

Особенностью языков сателлитного типа является также возможность выражения сложных маршрутов при одном глаголе движения, что нехарактерно для языков «глагольного» типа. В хинди – как в языках глагольного типа - при каждом новом ориентире употребляется отдельный глагол движения:

9.	<i>tiinO</i>	<i>aadmī</i>	<i>jel</i>	<i>se</i>	<i>nikalkar</i>	<i>saRakO se</i>	<i>guzarte hue</i>
	три	человека	тюрьма	из	выйдя	улицы через	проходя
	<i>jangal</i>	<i>kīī</i>	<i>taraf</i>	<i>cale</i>	<i>gaye</i>		
	лес	Gen	направление	двинулись-Pst			

‘Три человека, выйдя из тюрьмы, пройдя через улицы, двинулись к лесу’ (Ср. с русским – языком «сателлитного» типа, где можно сказать «...пошли через городские улицы к лесу»)

Итак, с точки зрения моделей лексикализации хинди занимает промежуточное положение между «сателлитными» и «глагольными» языками. Он обладает значительным количеством глаголов, выражающих способ действия. Допускается употребление глаголов способа действия в конструкциях, описывающих предельный процесс, в том числе пересечение границы. Перечисленные выше свойства сближают хинди с языками «сателлитного» типа, в то время как данные ниже свойства хинди характерны для языков «глагольного» типа: глагол, описывающий способ движения, вводится в высказывание только в

том случае, если эта информация важна для говорящего (foregrounded). При описании сложных маршрутов при каждом новом ориентире употребляется отдельный глагол движения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ASKE, J. (1989): "Path Predicates in English and Spanish: A Closer Look," *Proceedings of the Fifteenth Annual Meeting of the Berkley Linguistics Society*, pp. 1-14.
- HOOK, P. E. (1974). *The Compound verb in Hindi*: The University of Michigan, Center for South and Southeast Asian Studies, Michigan.
- KHOKHLOVA, L.V. (2011): "Motion Verbs in Hindi". In: Koul, Omkar N. (ed.) *Indo-Aryan Linguistics*. Mysore: Central Institute of Indian Languages, pp. 153-162.
- MASICA, COLIN P. (1976). *Defining a Linguistic Area. South Asia*: The University of Chicago Press.
- NARASIMHAN, B. (2003): "Motion events and the lexicon: a case study of Hindi". *Lingua* 113, pp. 123 – 160.
- SLOBIN, D.I., Hoiting, N. (1994). Reference to Movement in Spoken and Signed Languages: Typological considerations. In: *Proceedings of the Twentieth Annual Meeting of the Berkley Linguistics Society*, February 18-21.
- SLOBIN, D.I. (1999). "Two ways to travel: Verbs of Motion in English and Spanish". In: *Grammatical Constructions. Their Form and Meaning*. Ed. Masayoshi Shibatani and Sandra A. Thompson: Oxford University Press, pp. 195 - 220.
- SLOBIN, D.I. (2004a) "The many ways to search for a frog". In: *Linguistic typology and the expression of motion events*. Strömquist, Verhoeven (eds)
- SLOBIN, D.I. (2004b) "Relating events in translation". *Perspectives on language and language development. Essay in honor of Ruth A. Berman*. Ed. by D.D David, H.Bat-Zeev Shyldkrot. Dordrecht: Kluwer
- SLOBIN, D.I. (2005) "Linguistic representations of motion events: What is signifier and what is signified// Outside-In – Inside-Out: Iconicity in Language and Literature", N 4, Ed. C.Maeder, O. FISHER, W.J. Herlofsky. Amsterdam, John Benjamins.
- van Staden, M. and Narasimhan, B. (2003). "Granularity in the crosslinguistic encoding of motion and location". In: *Granularity and Resolution in Language and Space*: Oxford University Press.
- TALMY, L. (1985). "Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms". In: *Language Typology and Syntactic Description 3: Grammatical Categories and the Lexicon*. Ed. T. Shopen. Cambridge University Press, pp. 57 – 149.
- TALMY, L. (1991). "Path to realization: Via aspect and result". *Proceedings of the Seventeenth Annual Meeting of the Berkley Linguistic Society*, Berkley, pp. 480 – 520.

ГЛАГОЛЫ ВРАЩЕНИЯ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ: ДИАХРОНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

В.А. КРУГЛЯКОВА

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Семантика отдельных групп лексических единиц, объединенных схожим значением (например, вращение) чаще изучается на синхронном уровне [Майсак 2007], путем описания устоявшихся отношений между всеми элементами группы. Есть и работы, в которых применяется диахронический подход к лексике [Koch 2001, Дыбо 1996], однако в большинстве случаев развитие значения каждой единицы рассматривается достаточно изолированно. Вместе с тем, систему лексем можно анализировать не только с точки зрения того, какие существенные изменения происходили в семантике каждой единицы в течение исторического развития языка, но и как они влияли на организацию системы в целом и какие этапы она прошла прежде чем сформироваться в том виде, в котором она предстает в настоящее время [Анна Зализняк 2009].

Данное исследование рассматривает ключевые этапы становления семантического поля глаголов вращения в испанском языке. Отправной точкой является аналогичная система глаголов в латинском языке, затем представляются важнейшие изменения в семантике каждой языковой единицы данного поля испанского языка (начиная с наиболее ранних доступных письменных источников) и их влияние как на значение соседних единиц, так и на распределение значений в рамках всего семантического поля.

2. ИСПАНСКАЯ СИСТЕМА ГЛАГОЛОВ ВРАЩЕНИЯ И ЕЕ ЛАТИНСКИЕ КОРНИ

В испанском языке в семантическом поле глаголов вращения выделяется шесть основных лексем, которые с достаточной подробностью делят все поле: *girar*, *dar vueltas*, *rondar*, *revolotear*, *arremolinarse*, *rodar*.

Вращение вокруг внешней оси описывают два глагола, *revolotear* и *rondar*, противопоставленные по параметру вертикальной дистанции между субъектом и ориентиром: *revolotear* используется с такими субъектами как ястреб, кружащий над добычей, или мотыльки, вьющиеся над огнем, в то время как *rondar* подходит только для кругового движения на поверхности, например, лодки, плавающей вокруг острова. Вращение вокруг внутренней оси описывается глаголами *girar* или *dar vueltas* в зависимости от скорости и равномерности: первый тяготеет к равномерному длительному вращению на высокой скорости (все механизмы), а второй – к медленному, менее упорядоченному круговому движению (человек в танце). Глагол *rodar* обозначает вращение в контакте с плоскостью, качение. *Arremolinarsе* кодирует вращение с воронкообразной траекторией, например, движение вихря или водоворота.

Все эти глаголы, так или иначе, восходят к латинским корням. Три из них имеют прямые аналоги: *girar* < *gyrāre*, *rodar* < *rotāre*, *rondar* < *rotāre*. Еще один, *revolotear* *revolāre* ‘лететь назад’. Для составного глагола *dar vueltas* находим соответствующее существительное *vuelta* < *volūta*, и последний глагол тоже образован от существительного *arremolinarsе* < *remolino* < *molīnum* ‘мельница’.

Очевидно, что не только формально, но и содержательно испанская система во многом продолжает ту, которая существовала в латинском языке, однако нельзя утверждать, что она повторяет ее полностью. Помимо указанных выше лексем в латинском языке функционировали основы *vert-*, *volv-* и их производные, существенно утратившие свою значимость в испанском языке и уже не входящие в систему глаголов вращения. Исчезновение ключевых элементов не могло не отразиться на положении оставшихся единиц и их функционировании в рамках поля, которое должно было измениться в значительной степени в силу необходимости выражения оставшихся непокрытыми значений.

Для того чтобы проследить развитие испанской системы, прежде всего кратко охарактеризуем латинские глаголы, ставшие для нее отправной точкой.

3. ЛАТИНСКИЕ ГЛАГОЛЫ ВРАЩЕНИЯ

В отличие от испанского *girar*, занимающего главенствующее положение среди всех глаголов со значением вращения, его латинский аналог *gyrāre* лежит скорее на периферии системы. Об этом говорит, прежде всего, неразвитость структуры значений – в словарях зафиксировано лишь одно значение ‘обходить’, дополняемое значением возвратной формы *se gyrāre* ‘ходить по кругу’. Как кажется, изначально этот глагол работал на достаточно узкой зоне семантического поля, которой соответствует круговое движение на поверхности вокруг ориентира (человек несколько раз обходит дом).

Схожая картина наблюдается и с глаголом *rotāre*, для которого выделяется лишь одно некаузативное значение. Как кажется, исходно этот глагол обозначал

вращение вокруг внутренней оси, преимущественно артефактов и их частей механизмов, например, жерновов, и собственно колес.

Гораздо богаче оказывается глагол *versāre*. Он использовался, прежде всего, для вращения вокруг внутренней оси (*versāre circum axem*), но уже необязательно механизмов, и кроме того, для кругового движения вокруг внешней оси (обязательно на поверхности, в одной плоскости с ориентиром), для которого тоже более характерен одушевленный субъект. В дополнение, этот глагол описывает и одинарные неполные обороты вокруг внутренней оси.

Еще одна значительная часть системы – основа *volv-* и ее производные, глаголы *volutāre*, *involvere*, *obvolvere* и *convolvere*. Этой группой обозначались, прежде всего, различные типы качения. Второе значение, метонимически с ним связанное – оборачивание.

Таким образом, насколько можно судить исходя из словарных и корпусных данных, латинская система строилась на основе базовых для вращения противопоставлений: ось, скорость или возможность различения отдельных оборотов, одушевленность субъекта, обособление вращения в контакте с плоскостью относительно всех других типов.

4. ROTĀRE – RONDAR – RODAR – REVOLOTEAR

В испанском языке от *rotāre* образовались две формы – *rondar* ‘совершать круговые движения вокруг ориентира на поверхности’ и *rodar* ‘катиться’.

В первых словарях Королевской Академии начала XVIII для *rondar* зафиксировано пять значений. Прежде всего и в основном, это движение вокруг ориентира, например, лодки вокруг острова. Примеров с вращением вокруг внутренней оси для этого периода не обнаружено, что подтверждается и корпусными данными. Это интересная ситуация, т.к. для латинского исходного глагола была характерна именно семантика вращения вокруг собственной оси, и он, напротив, не допускал внешней оси. Это значит, что глагол, сохранив общую идею кругового движения, поменял его характеристики, подтип на прямо противоположные, оставил исконную зону поля (вращение вокруг внутренней оси), полностью переместившись на четко ей противопоставляемую зону (вращение вокруг внешней оси).

(1) *Y como a los apriscos cerca y ronda / el lobo, del ganado mal seguro*. ‘И как волк окружает неверное стадо и **кружит** вокруг него’. [Carvajal y Robles, Rodrigo. Poema del asalto y conquista de Antequera. 1627]

Кроме того, *rondar* на этом этапе не различал и плоскостей, в которых находятся субъект и ориентир, и мог описывать не только ситуации, когда субъект движется на поверхности в одной плоскости с ориентиром (бык, кружащий вокруг тореадора), но и круговые движения в воздухе вокруг ориентира (мотыльки вокруг лампочки) и над ним (мухи над тарелкой).

(2) *Vuela, vuela, mariposa, ... / ronda, ronda la llama, / anhela, anhela al fuego.* ‘Порхает, порхает мотылек...**вьется, вьется** вокруг пламени, / вожделеет, вожделеет огонь’. [Vela, Eusebio. Comedia nueva de p 1713]

Последние ситуации могут описываться еще и глаголом *revolotear*, который в соответствии с исходным значением описывает такие и только такие ситуации кругового движения в воздухе. При этом движение осмысливается как следование по прямой до некоторой точки и возвращение по ней же обратно в исходную точку, т.е. замыкание, закольцовывание траектории. Очень хорошо с этим согласуется идея появления в центре ориентира. Движение же в воздухе (летание) сохраняется полностью. Постепенно *revolotear* будет все больше закреплять свои позиции в этой зоне, и в современном испанском конкуренцию ему не составляет уже не один глагол.

(3) *Halcones, cuando baten las alas y revuelan en las riberas, significa tormentas.* ‘Если соколы машут крыльями и **кружат** – к буре’. [Chaves, Alonso de Quatri partitu en cosmografía práctica, y por otro nombre espejo de navegantes с 1527]

Как мы помним, к латинскому *rotāre* восходит еще один глагол, *rodar*. Однако его сфера влияния изменилась столь кардинальным образом, что единственным общим элементом остался компонент собственно кругового движения – глагол *rodar* в самых ранних словарях зафиксирован уже с единственным значением качения.

(4) ... *algunas guindas que rodaban por la messa.* ‘несколько вишен, которые **катались** по столу’. [Villalón, Cristóbal de. El Cróton de Cristóforo Gnofoso. с 1553 – 1556]

Таким образом, можно сказать, что семантика исходного латинского глагола *rotāre* не сохранилась ни в одной из образованных от него испанских лексем, объединяет их только базовый компонент значения – идея вращательного, кругового движения.

5. GYRĀRE – GIRAR

По сравнению с крайне ограниченным в функциональном плане латинским аналогом испанский *girar* представляется вполне цельным глаголом, уверенно занимающим свою зону семантического поля. Первое и важнейшее изменение, которое и позволило ему столь успешное расширение – нечувствительность к параметру оси. Если исходно латинскому глаголу было доступно лишь движение вокруг ориентира, то в самом раннем словаре испанского языка уже фиксируется, что глаголом наряду с этим обозначается еще и вращение вокруг собственной оси, причем никакого предпочтения в сторону одного или другого значения не отмечается.

(5) *Et depues el se trobo dentro en una escuela la cubierta de la qual se gira sobre vna colona.* ‘И затем он оказался внутри школы, крыша которой

вращается на колонне’. [Fernández de Heredia, Juan. Traducción de Vidas paralelas de Plutarco, III. 1379 – 1384]

(6) ... *la materia ethérea o sutil, que rapidísimamente gira en torno de la tierra.* ‘... эфирная или тонкая материя, которая крайне быстро **вращается** вокруг земли’. [Feijoo, Benito Jerónimo. *Theatro crítico universal, o discursos varios en todo género de materias, para desengaño de errores.* 1728]

В словаре 1884 года отмечается еще один компонент значения – механичность вращения, который в настоящее время также актуален и дает ограничения на употребления с одушевленным субъектом, человеком и частями тела. Как мы помним, он существовал еще в латинской системе, но реализовывался в противопоставлении глагола *rotāre* всем остальным. Таким образом, можно сказать, что именно *gyrar* пришел на смену этому латинскому глаголу, полностью впитав его семантику.

6. VERSARE - DAR VUELTAS

Ключевой для латинского языка глагол вращения *versāre* в своем основном функционале в испанскую систему не вошел, очевидно, что от этого все значения, которые на него приходились, не могли исчезнуть вместе с ним. Опустевшие участки семантического поля постепенно стали заниматься составным глаголом *dar vueltas*.

Изначально этот испанский глагол ограничивался небольшим количеством однородных значений, обобщенных компонентом движения вокруг внешней оси. Прототипически им описывались небыстрые равномерные движения практически по идеальной круговой траектории:

(7) *Y es tan suelto el tiburón, que da alrededor de la nao las vueltas que él quiere, e pasa adelante e torna atrás tan fácilmente.* ‘И акула настолько смела, что **кружит** вокруг корабля, как ей вздумается, с легкостью проплывает вперед и возвращается назад’. [Fernández de Oviedo, Gonzalo. *Historia general y natural de las Indias.* 1535 – 1557]

Интересно, что во всей выборке самых ранних примеров такого употребления мы всегда находим эксплицитное указание на определенное количество совершаемых оборотов, что для современного испанского допустимо, но нехарактерно.

(8) ... *que dando siete vueltas con oraçion al rededor de la çerca,* ‘, который шесть раз обойдя с молитвой околицу...’. [Anónimo. *Crónica incompleta de los Reyes Católicos.* 1469 – 1476]

Зона вращения вокруг внутренней оси становится доступной для глагола гораздо позднее. Исходя из корпусных данных, видно, что в текстах XV века обнаруживаются лишь единичные примеры, в которых этот глагол описывает

вращение колеса. В словарях же эта вторая значимая составляющая часть семантики глагола появляется только в 1783 году, после 1800 года в выборке таких примеров становится все больше.

(9) *...segun el agua que da en la rueda del aceña viene mas veloz é se mueve mas veces la aceña, asi cuanto mas veloce corre la nao, mas vueltas dará la rueda.* 'По мере того, как вода, которая падает на колесо водяной мельницы, начинает бежать быстрее, быстрее движется мельница, поэтому чем быстрее плывет корабль, тем быстрее **вращается** колесо'. [Colón, Hernando. Parecer que dio D. Hernando Colón en la junta de Badajoz sobre la pertenencia de los Malucos. 1524]

7. ИТОГИ

Последовательное рассмотрение становления испанской системы глаголов вращения показало ряд характерных особенностей этого исторического процесса.

Прежде всего, стоит сказать, что несмотря на наличие прямых соответствий между глаголами испанской и латинской системы, наследницей которой она является, а также базовых параметров, в соответствии с которыми глаголы противопоставлены друг другу, в целом организацию двух систем нельзя считать идентичной.

Семантика исконных, сохранившихся единиц, не оставалась неизменной. Практически все эти глаголы демонстрировали достаточную степень гибкости и сужали или расширяли сферу своего влияния в рамках поля. Так, если латинскому глаголу *gyrāre* исходно было доступно лишь движение вокруг ориентира (*акула кружит вокруг лодки*), в силу чего он функционировал на достаточно ограниченной области поля, то его испанскому потомку *girar* стала доступна и зона вращения вокруг внутренней оси (*рулетка вращается*), за счет чего его положение в системе значительно укрепились.

Если же рассматривать систему исходя не из того, какими значениями обладают формирующие ее единицы, а с той точки зрения, какие значения и противопоставления в принципе в ней выражаются, оказывается, что их набор достаточно стабилен, от латинской до современной испанской системы не появилось никаких принципиально новых значений или параметров, происходило лишь их перераспределение, перегруппировка и изменение способов выражения.

Таким образом, можно сказать, что лексическим системам свойственна гибкость и подвижность, на протяжении исторического развития языка семантика одного или нескольких их составляющих меняется, влияя как на остальные элементы, так и на систему в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- DICCIONARIO ETIMOLÓGICO DE LA LENGUA CASTELLANA (1856):
Pedro Felipe Monlau.
- PRIMER DICCIONARIO GENERAL ETIMOLOGICO DE LA LENGUA ESPA-
NOLA (1880): Roque Barcia Seix.
- CORPUS DIACRÓNICO DEL ESPAÑOL (CORDE) <http://corpus.rae.es/cordenet.html>
- KOCH, P. (2001): Lexical typology from a cognitive and linguistic point of view // M. Haspelmath et al. (eds.). Language Typology and Language Universals: An International Handbook. B.: de Gruyter 1142-1178.
- ДЫБО А.В. (1996): Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М.: Языки русской культуры.
- ЗАЛИЗНЯК АННА А. (2001): Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект "каталога семантических переходов" (Вопросы языкознания. - М., - № 2. - С.13-25)
- МАЙСАК, Т.А., РАХИЛИНА, Е.В. (ред.) (2007): Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик.

О НЕКОТОРЫХ ПАРАМЕТРАХ ГЛАГОЛОВ ВРАЩЕНИЯ В ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

К.А. СВАНИДЗЕ

Общеизвестна истина, что в грузинском языке имя намного проще, глагол – в высшей степени сложен. Именно эта сложность заставила сказать в XIX веке Платона Иоселиани, что каждый грузинский глагол нерегулярный, что каждый из них обладает способностью, путем присоединения или убавления аффиксов, слогов, образовать другие глаголы. Исход из этого, довольно сложно и, практически невозможно подвести их под какое-либо одно, определенное правило (Иоселиани 1840, 49).

В 1929 году Арнольд Чикобава сказал, что с тех пор прошло 88 лет и до сих пор невозможно утверждать, что эта сложность преодолена, что свет научного анализа все еще не проник в лабиринт грузинского глагола и, вероятно, пройдет еще много времени до тех пор, пока «будут обнажены первичные рычаги его невидимого механизма»... (Чикобава 1998, 13).

Такая оценка лингвистов предопределялась сложностью природы грузинского глагола, ведь грузинский глагол во всех временах, лицах, числах, а также наклонениях, рядах, подрядах и т.д. обладает от 66 до 80/81 формами. Несомненно, многое уже прояснено, сделано, можно даже утверждать, что в основе изменилось отношение к грузинскому глаголу. И все же, предстоит сделать еще многое, ведь грузинский глагол – неисчерпаемый источник, кладезь, многое из чего еще предстоит исследовать и изучить. Касаясь вопроса грузинских глаголов с семантикой вращения, отметим, что в «Толковом словаре грузинского языка» для основных глаголов, обозначающих кругообразное движение конкретного материального субъекта, дается следующие толкования: 1. *t'riali* – ტრიალი – вертеть, вращать, крутить, вертеться, вращаться, крутиться, кружиться: а) *t'riala* - ტრიალა - вертящийся предмет, то, что вертится; б) *t'riali* – ტრიალი; *brunva* - ბრუნვა – верчение; *gorva* - გორვა - катиться; *didi mozraoba* - დიდი მოძრაობა - большое движение; 2. *bruneba* – ბრუნება – крутить, передвигать круговыми движениями.

На основе анализа языкового материала, В.Кругляковой были выделены и классифицированы параметры вращения [Круглякова, 2007]. Некоторые из которых оказались характерны и для грузинских глаголов с семантикой вращения. Однако в данной статье мы коснемся параметров, отличающих грузинский глагол с семантикой вращения:

(1) Скорость движения

Грузинские глаголы, несомненно, не лишены способности выражать темп оборота – быстрое или медленное вращение. Не лишены они также способности в нужном окружении называть как быстрое, так и медленное вращение. Однако при анализе, все-таки, наметилась тенденция: глаголы, называющие действия, обозначающие «поворачивать, накручивать предмет/предметы вокруг своей оси или друг на друга, как правило, обозначают медленное вращение:

А глаголы, которые называют действия, обозначающие вращение, самостоятельно, независимо от кого-либо осуществляемое вращение, как правило, обозначают быстрое вращение: *bzriali* – ბზრიალი – крутиться быстро вокруг своей оси. От данного глагола образовано существительное *bzriala* – ბზრიალა – юла, само по себе подразумевающее быстрое вращение.

Медленное вращение	Быстрое вращение
<i>amoxveva</i> – ამოხვევა – закатать по направлению снизу вверх (напр.: брюки, рукава)	<i>čagoreba</i> – ჩაგორება – скатить, скатиться вниз
<i>čagrexa</i> – ჩაგრება – вставить что-либо куда-либо круговыми движениями	<i>dat'rialeba</i> – დატრიალება – покрутить, покрутиться, крутиться
<i>dabruneba</i> – დაბრუნება – повернуть что-либо в каком-либо направлении	<i>gagoreba</i> – გაგორება – (гориз.) покатить по направлению от себя
<i>daxveva</i> – დახვევა – обводить вокруг чего-либо	<i>gadagoreba</i> – გადაგორება – перекатить по направлению от себя
<i>dagragna</i> – დაგრავნა – завернуть как трубу (напр.: бумагу)	<i>gadagoreb-gadmogoreba</i> – გადაგორებ-გადმოგორება – перекатить по направлению от себя, а потом по направлению к себе
<i>dagrexa</i> – დაგრება – закрутить, намотать две или несколько ниток и т.п. друг на друга	<i>gadaḳot'rialeba</i> – გადაკოტრიალება – валяться и лежа перевернуться от первого лица
<i>dapirkvaveba</i> – დაპირკვაება – перевернуть сосуд дном вниз	<i>dat'rialeba</i> – დატრიალება – покрутить, покрутиться, крутиться
<i>gadagrexa</i> – გადაგრება – перемотать две или несколько ниток и т.п. друг на друга	<i>gadaḳot'rialeba</i> – გადაკოტრიალება – валяться и лежа перевернуться от первого лица
<i>gadaxlartva</i> – გადახლართვა – перепутаться, переплести, переплестись круговыми движениями	<i>t'riali</i> – ტრიალი – вертеть, вращать, крутить, вертеться, вращаться, крутиться, кружиться
<i>grexa</i> – გრება – крутить	<i>brunva</i> – ბრუნვა – вращение, <i>gorva</i> – გორვა – катиться и др.

(2) Возвратность вращения

Анализ показал, что грузинские глаголы в себе несут семантику, обозначающую не только количество оборотов, колеблющуюся от полуоборота (неполного оборота) до многократных оборотов и обладают способностью выражать данную семантику синтетически, но и могут указывать на возвратность вращения. Такие глаголы как *gadat'rialeba* – გადატრიალება и *gadmot'rialeba* – გადმოტრიალება; подразумевают одинарное действие в разных направлениях: *gadat'rialeba* – გადატრიალება – повернуться, перевернуться по направлению от первого лица и *gadmot'rialeba* – გადმოტრიალება – повернуться, перевернуться по направлению к первому лицу, однако глагол *gadat'rial-gadmot'rialeba* – გადატრიალ-გადმოტრიალება – подразумевает действие в обоих направлениях (от первого лица и обратно), делая, тем самым, глагол обозначающим больше чем один оборот.

gaaogrebs – გააგორებს – покатит по направлению от себя
gatoagorebs – გამოაგორებს – покатит по направлению к себе, на себя
gaagor-gatoagorebs – გააგორ-გამოაგორებს – сначала покатит по направлению от себя, потом – на себя
migrexa – მოგრეხა – закрутит по направлению от себя
mogrexa – მოგრეხა – закрутит по направлению на себя
migrix-mogrixva – მოგრეხ-მოგრეხა – крутит по направлению то от себя, то на себя и т.д.

Точно так же, как и функция выражения однократного вращения, одинарного поворота и многократного вращения, так и акцентирование внимания на возвратность вращения в грузинском языке возлагается на приставки и глаголы-композицы, придающих семантике глаголов двунаправленное (сюда/туда) значение: *gadat'rial-gadmot'rialeba* – გადატრიალ-გადმოტრიალება – повернуть с боку на бок круговыми движениями по направлению от себя, потом по направлению к себе; *abruneb-čabruneba* – აბრუნებ-ჩაბრუნება (горизонт.) сначала повернуться лицом вверх, потом - вниз; перевернуть одежду с изнанки на лицо и с лица на изнанку и др.

(3) Одушевленность/неодушевленность субъекта

Интересно проследить, распространяются ли ограничения на субъект и объект вращения, иными словами, кто именно может являться субъектом вращения, выраженного конкретным глаголом, человек, другие живые существа или неживые предметы и явления.

Анализ показал, что субъект вращения в большинстве случаев - общий. Вращение, выраженное большинством глаголов, может осуществляться как человеком, как и другими живыми существами, а также неодушевленными предметами. Однако в первичном своем значении эти действия осуществлялись либо исключительно человеком и в дальнейшем действие это метафорически

приписывалось другим живым существам или неживым предметам и явлениям, или же наоборот, первичное их значение подразумевало обязательное участие неодушевленного субъекта и лишь в переносном, метафорическом значении субъектом мог явиться человек.

Однако, порой глаголы описывают вращательное движение либо исключительно человека, либо животных и других живых существ, или же вращательное движение других неодушевленных существительных.

Таким образом, классификацию можно представить в следующем виде:

Субъект вращения:

- а) глаголы, описывающие вращательное движение исключительно человека: *aburt'avebs, agoravebs, grexa - dagrexs/grexs, grexs, dagragnis, gadapirk'vaveba – apirk'vavebs, amoxraxna/čaxraxna – xraxnis, gagoreba, gagoreb-gamogoreba* и т.д.
- б) глаголы, описывающие вращательное движение животных и других живых существ:
- в) глаголы, описывающие вращательное движение других неодушевленных существительных: *gadmopirk'vaveba, amopirk'vaveba, gamoreva, moreva, areva, gadapirk'vaveba* и т.д.

II. Общий (одушевленный и неодушевленный):

— одушевленный (в первичном значении) и неодушевленный (во вторичном, переносном, метафорическом значении) - *amoq'iraveba, gadaq'iraveba, gadmoq'iraveba, daabrunebs, dabroneba, agoreba (agorebs), abruneba (abrunebs)* и т.д.

— неодушевленный (в первичном значении) и одушевленный (во вторичном значении) - *gadagoreba, gadmogoreba, gagoreba, gamogoreba, gamobruneba, grexa, dagrexa* и т.д.

В этой связи следует отметить, что реальной возможностью осуществления того или иного вращательного действия обладают только живые существа, или же, наоборот, только неодушевленные предметы, однако по признаку схожести эти действия могут приписываться и неодушевленным предметам (или живым существам). Практически каждый глагол вращения (как и любой грузинский глагол) обладает потенциалом употребления в метафорическом значении.

Данная классификация может распространиться и на объект вращения:

Объект вращения:

- а) Исключительно одушевленный – *gadakot'rialeba – kot'rialebs* и т.д. - одушевленный (в первичном значении) и неодушевленный (во вторичном, переносном значении) – *gadaxveva (gadaxveuli), gadabruneba, axveva – axvevs (xveuli), amobruneba (amobrunebuli, amosabrunebeli)* и т.д.

- б) Исключительно неодушевленный – *dagragnis (gragnili), dagrexs/grexs (grexili), gadapirq'vaveba (gadapirk'vavebuli), amoxraxna (amoxraxnili), čaxraxna (čaxraxnili, xraxnili), gagoreba (gagorebuli), gamogoreba (gamogorebuli), areva (asarevi), axveva (axveuli, asaxvevi)* и т.д. - неодушевленный (в первичном значении) и одушевленный (во вторичном значении) – *gadaxlartva (gadaxlartuli), c'irexva, dac'irexva (dac'irexuli), areva (areuli), amoreva (amoreuli, amosarevi)* и т.д.

Тут же следует оговориться, что инфинитив глагола может подразумевать в себе как одушевленный, так и неодушевленный субъект или объект, однако разные спрягаемые формы глагола (в зависимости от контекста или самостоятельно) могут исключать действие одушевленного или неодушевленного субъекта, так и наличие одушевленного или неодушевленного объекта как результата.

В своей интереснейшей монографии, посвященной проблемам формообразования грузинского глагола, профессор Г.Гоголашили пишет, что в заключительной стадии работы над Толковым словарем грузинского языка, редактор словаря Г.Чабашвили попросил продлить срок работ над словарем, обосновывая просьбу тем, что кое-что следует сверить, кое-что следует перепроверить. Главный редактор Арнольд Чикобава ответил, что работа над словарем никогда не заканчивается, нужно уметь ставить точку...

Также неисчерпаем грузинский глагол, в его недрах таятся множество неизученных, все еще не проанализированных явлений, одним из которых являются глаголы вращения, специфика их семантики, формообразования и функционирования. И в этой области еще многое предстоит выявить, проанализировать и подытожить.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АХВЛЕДИАНИ Г.С., ТОПУРИЯ В.Т. (1990): *Грузинско-русский словарь*. Тбилиси. ГОГОЛАШИЛИ Г. *Грузинский глагол (вопросы формообразования)*. Издательство «Меридиан». Тбилиси, 2010. - На груз. языке.
- ИОСЕЛИАНИ П. (1930): *Первоначальные законы грузинской грамматики, составленный Платоном Евгеньевичем Иоселиани*, Тифлис, 1930. - На груз. языке.
- КАВТАРАДЗЕ И. (1960): *Особенности образования глаголов и отглагольных существительных одного типа в грузинском языке*. В журн.: «Мацне», №3, Тбилиси.
- КЛИМОВ Г.А. (1964): *Этимологический словарь картвельских языков*. М.
- КРУГЛЯКОВА В.А. (2007): *Семантика глаголов вращения на материале английского, испанского, польского и русского языков*.
- ОРБЕЛИАНИ СУЛХАН-САБА. (1949): *Словарь грузинского языка*. Тбилиси.

- ПАГАВА М. (2009): *Частица в современном грузинском языке*. Тбилиси. – На груз. языке.
- РАХИЛИНА Е.В., ПРОКОФЬЕВА И.А. (2004): *Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения* // Вопросы языкознания № 1, 60-78.
- Толковый словарь грузинского языка. Однотомник. (1986): Под ред. А.С. Чикобава. Тбилиси.
- ЧИКОБАВА А. (1998): *Какие особенности характерны для структуры грузинского глагола*. Тбилиси.

ГЛАГОЛЫ ВРАЩЕНИЯ КАК ОДНА ИЗ ВАЖНЫХ ПОДГРУПП ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

И.А. ВОТЯКОВА

В данном исследовании рассматриваются особенности обучения употреблению глаголов вращения в практике преподавания РКИ.

Изучение особенностей употребления глаголов движения в русском языке начинается на элементарном уровне и, как правило, заканчивается при обучении по программам первого уровня владения русским языком как иностранным. Эта группа глаголов традиционно вызывает трудности у иностранных студентов.

Глаголы вращения являются одной из подгрупп способов движения в русском языке, которая, актуализируя абстрактную семантическую категорию «характер движения» в семантическом признаке «вращаясь», занимает особое место по отношению к глаголам поступательного и колебательного движения, что обусловлено характером обозначаемого им вида перемещения. Вращательное движение – это такое движение, при котором все точки вращающегося тела описывают окружности вокруг центра, лежащего на оси вращения. При этом ось вращения может проходить внутри самого тела, но может находиться и вне его.

Для глаголов вращения значимыми параметрами являются: направления вращения: внутреннее или внешнее; характер вращения: круговая или вихревая траектория; постоянное местоположение или поступательность движения; многократное или однократное движение; место вращения: в одной плоскости с ориентиром или над ориентиром; субъект, физические характеристики и свойства которого во многом задают тип вращения, и объект, вокруг которого происходит вращение и который может присутствовать эксплицитно (вращение происходит вокруг себя) [Рахилина, Круглякова].

В русском языке для описания ситуаций вращения исследователями выделяются следующие значимые глаголы вращения: *крутиться, вертеться, вращаться, кружить, кружиться, виться, катиться, кататься, циркулировать*.

Все вышеперечисленные глаголы являются производными и, как правило, входят в состав мощных словообразовательных гнезд. В структуре большинства глаголов выделяется постфикс *-ся* (*крутиться, вертеться, вращаться, кружиться, виться, катиться, кататься*), что объясняется спецификой семантики глаголов вращения. Однако, конечно, наиболее типичным является префиксальное словообразование. По нашему мнению, при обучении русскому языку как иностранному на первоначальном этапе целесообразнее проанализировать беспостфиксальные производные, определяя таким образом группу как *крутить, вертеть, вращать, кружить, вить, катить-катать, циркулировать*. Глаголы *катить-катать* занимают промежуточное положение, т.к. как правило, классически относятся к группе малоупотребительных глаголов движения наряду с *тащить – таскать, гнать-гонять, лезть-лазить, ползти-ползать* и т.д.

В практике преподавания РКИ при изучении глаголов движения, как правило, обращается внимание на однонаправленность и разнонаправленность движения, на семантические особенности глаголов движения несовершенного и совершенного вида с приставками, а также на употребление глаголов в переносном значении. Рассмотрим, как данные особенности проявляются в нашей группе глаголов:

1. Все названные глаголы являются глаголами несовершенного вида.
2. При сопоставлении этих параметров можно отметить, что только глаголы *катить-катать*, на наш взгляд, в силу выше названной причины, выражают значение однонаправленности и разнонаправленности.
3. Глагол *циркулировать* занимает особое место, т.к. не образует производных и является единственным непереходным глаголом, тогда как остальные являются переходными. Мы считаем возможным исключить данный глагол в силу его особенностей при обучении.
4. При анализе образования приставочных производных от глаголов можно отметить, что почти вся словообразовательная парадигма представлена у глаголов *крутить, вертеть, вить, катить-катать* (см. таблицу ниже). У глагола *кружить*, по данным словаря, обнаруживается только 4 производных: *покружить, прокружить, закружить, обкружить*. Глагол *вращать* практически не имеет производных со значением вращения, что, по-видимому, обусловлено высокой частотностью образования производных с переносными значениями: *извращать, превращать* и т.д.

	крутить	вертеть	вращать	Кружить	вить	катить	катать
по -	+	+		+	+	+	+
при-	+	+			+	+	
у-	+				+	+	+
в-	+	+			+		
вы-	+	+				+	+
под-	+	+			+	+	+
от-	+	+	+		+	+	+
пере-	+	+			+	+	+
до-	+	+			+	+	+
про-	+	+		+		+	+
за-	+	+		+	+	+	+
об-	+	+		+	+	+	+

Обращает на себя внимание различие словообразовательных значений, за исключением глаголов *катить-катать*, которые практически всегда образуют производные глаголы со словообразовательным значением в рамках норм глаголов поступательного движения.

Сравним образование приставочных глаголов поступательного и вращательного движения:

Все производные можно разделить на следующие группы:

А) словообразовательное значение производных совпадает.

Словообразовательное значение производных глаголов с префиксом *при-*, на наш взгляд, можно считать в целом совпадающим: «достижение конечной цели движения». Например: *прикрутить* «закручивая, завязывая, прикрепить к чему-л», *привертеть* «вертя, вращая, закрепить, завинтить», *привить* «свивая с чем-л., обвивая чем-л., прикрепить». Мы можем говорить о общем значении закрепления или прикреплении чего-либо.

Глаголы поступательного движения образуют производные с приставками *в-*, *вы-*, имеющими, соответственно, значения «движение внутрь», «движение изнутри». Производные глаголы вращения также отражают это движение внутрь и изнутри. Например: *вкрутить* «крутя, вставить; ввернуть, ввинтить», *ввертеть* «вращая, заставить войти внутрь чего-л. (целиком, полностью); ввинтить.», *вить* «вплести что-л. посредством витья», *выкрутить* «вывернуть; вывинтить», *вывертеть* «вертя, поворачивая по винтовой резьбе, вынуть, извлечь откуда-л.; вывинтить».

Совпадение значений с приставкой *до-* «доведение действия до определенной цели». Например: *докрутить* «окончить кручение чего-л.; скрутить до конца, до какого-л. предела», *довертеть* «довести верчение до какого-л. предела, до конца», *довить* «окончить вить, довести до конца витьё.».

Совпадение значений производных глаголов с приставкой *об-*, *обо-* «движение вокруг предмета». Например: *обкрутить* «обмотать вокруг чего-л.», *обвертеть* «обмотать», *обвить* «обернуть что-л. вокруг чего-либо».

Б) частичное совпадение словообразовательного значения.

В Образовательной программе по РКИ перечислены приставки и указаны словообразовательные значения производных глаголов движения. Так, например, глаголы с префиксом *по-* характеризуются как глаголы с семантикой «начало движения или временное движение»: *пойти походить* и т.д. В глаголах вращения мы видим частичное совпадение, т.к. отмечаем. Согласно данным толкового словаря, только значение «временное движение». Например: *покрутить* «крутить некоторое время», *повертеть* «вертеть некоторое время» и т.д. Исключение: *повить* «обвить, увить собой или чем-либо».

Глаголы поступательного движения с префиксами *под-*, *от-* отмечены в значении «приближении к определенному месту», «удаление на некоторое расстояние». Глаголы вращения образуют производные с близким значением «неполное движение вперед» и не совпадают в значении с приставкой *от-*. Например: *подкрутить* «закрутить дополнительно или слегка, немного», *подвертеть* «завинтить, завернуть потуже; подвинтить, подкрутить.», *подвить* «завить слегка, сделать кудрявым (волосы, причёску и т.п.)», *открутить* «крутя, отделить, отвинтить, оторвать», *отвить* «отделить от чего-л., развывая».

Частичное совпадение производных с приставкой *за-* «попутное движение куда-нибудь ненадолго; начало действие; действие внутрь». Мы фиксируем производные со результативным значением: *закрутить* «крутя, свернуть, завить что-л.», *завертеть* «захватить всецело», завить «сделать витым, выщипывая или кудрявым; закрутить» - а также со значением начала действия: *закрутить* «начать крутить, вертеть», *закружить* «начать кружить, вертеть».

В) словообразовательное значение производных не совпадает.

Словообразовательное значение глаголов с префиксом *у-* не совпадают, т.к. для глаголов поступательного движения отмечается «удаление из определенных мест». В нашем материале мы отмечаем скорее значение закрыть, покрыть что-то вращая: *укрутить* «тщательно обвязывать, туго затягивая», *увить* «обвить сплошь, густо, со всех сторон (о растительности)».

Кроме этого, различаются значения у производных с приставкой *пере-*: глаголы поступательного движения «движение, связанное с пресечением пространства и перемещение с одного места на другое», глаголы вращательного движения «интенсивное или новое действие». Например: *перекрутить* «слишком сильно или продолжительно крутя, вращая, ухудшить качество, довести до нерабочего состояния», *перевертеть* «развернув, завернуть заново, ещё раз или в другом месте», *перевить* «обвить чем-л., вплести что-л. во что-л., обвить что-л. вокруг чего-л.».

Несовпадение значения с приставкой *про-* «движение мимо кого- и чего-либо, движение сквозь, внутрь, вперед, преодоление расстояния». Глаголы вращательного движения употребляются со значением «произвести вращательное действие»: *прокрутить* «произвести вращательное движение», *провертеть* «проделать сверлом, буровом и т.п. отверстие в чём-либо», - а также временное действие - *прокружить* «кружить в течение какого-л. времени».

Таким образом, мы фиксируем больше совпадений в образовании производных. Для глаголов вращательного движения не типично выражение движения удаление на какое-либо расстояние.

Как мы уже отмечали ранее, все глаголы, за исключением циркулировать, имеют производные с постфиксом *-ся*. При обучении РКИ, как правило обращается внимание, на следующие аспекты: собственно-возвратные глаголы (*умываться, одеваться*), глаголы совместного действия (*видеться, посоветоваться*), непроизвольное действие (*открываться, изменяться*), пассивные глаголы (*Дом строится*), глаголы, которые не употребляются без *-ся* (*гордиться, бороться*). Присоединяясь к глаголу, *-ся* меняет его синтаксические и семантические свойства. Конкретные значения постфикса *-ся* многообразны и связаны с синтаксической деривацией: он выражает широкий спектр значений, в большинстве из которых делает исходный глагол непереходным. На наш взгляд, здесь, важно обратить внимание студентов на возможность употребления некоторых глаголов в пассивных конструкциях (*крутиться, вертеться*), а также в непроизвольном значении.

Рассмотрим приставочные производные от постфиксальных глаголов. С учетом материалов Словообразовательного словаря Тихонова, а также материалов Национального корпуса русского языка мы отмечаем следующие префиксальные производные

	вс- /вз-	вы-	за-	до-	пере-	по-	про-	с-	из-	на-	рас-/раз-	при-
вращаться	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-
вертеться	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-
виться	+	-	+	+	+	+	-	+	+	-	+	+
кататься	-	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+
катиться	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+
крутиться	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
кружиться	+	-	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-

Обращает на себя внимание то, что глагол *вращать* почти не имеет производных, т.к., на наш взгляд, имеют производные глаголы-омонимы: *развращаться, превращаться, извращаться* и т.д., - с другим значением.

Анализ словообразовательного значения возможных производных от глаголов вращения показывает важность нескольких факторов:

А) фактор интенсивности совершения действия:

— *до-*: глаголы со значением «довести до нежелательного состояния с помощью действия, названного мотивирующим глаголом». Например: «... Если оно подлинно таково, то поневоле, как говоришь ты, призадуматься, поневоле примешься потом плясать, пить, веселиться, и нет, чтобы как-нибудь *докружиться* до этого сна беспробудного, столь сладкого, как мгновенное последнее событие, и столь печального, как цель целой долговременной жизни (Жуковский В.А.);

— *из-*: глаголы со значением «интенсивно совершить действие, названное

мотивирующим глаголом». Например: «Олег мирно храпел на своей половине кровати, я же вся *извертелась*, без конца переворачивая подушку» (Дарья Донцова);

- *на-*: глаголы со значением «интенсивно совершить действие, названное мотивирующим глаголом». Например: «Он бы и рад *накрутиться* на бигуди, но лысина блистает, как начищенный самовар» (Шахиджанян В.);
- *пере-*: глаголы со значением «интенсивно совершить действие, названное мотивирующим глаголом». Например: «После нескольких кругов кого-то замутило: как в детстве, когда *перекатался* на карусели» (Соловьев В.), «За то время, пока Вы молчали, в моей голове *перевертелись* почти тысячи самых худших мыслей!» (Вертинская Л.);
- *при-*: глаголы со значением «действие, названное мотивирующим глаголом, совершить с незначительной интенсивностью, не полностью». Например: «Причина в том, что мастера меняли редуктор и не вычистили грязь со всех резьб на редукторе, и в итоге он не до конца прикрутился...» (интернет-форум).
- *про-*: глаголы со значением «интенсивно, тщательно совершить действие, названное мотивирующим глаголом». Например: «Обычно Дина засыпала раньше, чем успевала накрыться одеялом, — в эту ночь она *провертелась* до самого утра; даже Барсик не выдержал: спрыгнул с кровати и устроился на ковре» (Безладнова И.).
- *раз-(рас-)*: глаголы со значением «действие, названное мотивирующим глаголом, совершить с большой интенсивностью». Например: «Я отлеживалась два дня, собралась с мыслями, потом пришла на тренировку, *раскаталась, раскаталась* и все — поехала» (Бестемьянова Н.), «А потом-то, когда маховик *раскрутился*, стало «поздно пить боржом» (Морозов В.).

Б) временной фактор. В этом случае возможность префиксального словопроизводства способствует вербализации семантики начала и конца действия:

- *за-*: глаголы со значением «начать действие, названное мотивирующим глаголом»: «Вот уже вихрем *завились* над нашим городом зимние метели» (Греков И.)
- *по-*: глаголы со значением «действие, названное мотивирующим глаголом, совершить в течение некоторого времени (чаще недолгого)». Например: «Теперь, умудренная годами и многими разочарованиями, я склонна усмотреть в нашем требовании покаяться не только проявление дружеской честности, но и известную долю садизма — он так нас подвел, так огорчил, так пускай теперь и он помучается, *повертится*, как угорь на сковородке!» (Воронель Н.)
- *про-*: глаголы со значением «действие, названное мотивирующим глаголом, совершить в течение какого-н. времени». Например: «Прежде

чем подняли на борт пловца, миноносец *прокружился* около него целых полчаса» (Новиков-Прибой А.С.).

В) фактор направления действия

- *вс-*: глаголы со значением «поднять(ся) вверх, наверх с помощью действия, названного мотивирующим глаголом». Например: «И вот над белой мшистой сопкой *вскружился* черный ворон» (Шергин Б.В);
- *вы-*: глаголы со значением «удалить(ся), выделить(ся) из чего-нибудь, направить(ся) наружу посредством действия, названного мотивирующим глаголом». Например: «Царю Соломону не веришь? — смеется Горкин. — Швырни, швырни. Сколько *выкаталось*... 13?» (Шмелев И.С.);
- *на-*: глаголы со значением «направить на поверхность чего-нибудь. действие, названное мотивирующим глаголом; поместить(ся) на чем-нибудь, натолкнуть(ся) на что-нибудь». Например: «Лошадь попятилась, колесо и *накатилось* на пень»;
- *рас-*: глаголы со значением «направить в разные стороны, распространить, разъединить с помощью действия, названного мотивирующим глаголом». Например: «Быстро отстегивается от веревки, не дав ей *раскрутиться*» (Серафимов К.);
- *пере-*: глаголы со значением «действие, названное мотивирующим глаголом, направить из одного места в другое через предмет или пространство»: Например «Она *перекатилась* со спины на живот, упёрлась локтем в песок» (Улицкая Л.);
- *при-*: глаголы со значением «действие, названное мотивирующим глаголом, при помощи которого можно достигнуть какого-н. места, прибыть или доставить в какое-нибудь место, соединить(ся) с чем-нибудь». Например: «В той бочке меда, что как-то сама собой *прикатилась* в их дом осенью, одна ложка дегтя все же была (Белозеров А.)»;
- *про-*: глаголы со значением «с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, переместить(ся), продвинуть(ся) вперед, преодолеть какое-нибудь расстояние». Например: «Автобус неторопливо *прокрутился* по площади Победы и вписался в плотный поток машин, затрудненно сглатываемый гортанью Московского проспекта» (Рыбаков В.);
- *с-*: глаголы со значением «соединить с помощью действия, названного мотивирующим глаголом». Например: «У Кости прыгали губы; все здесь — эти изумленные, сытые люди, квартира богатая — все предстало в его сознании как мир недобрый, враждебный, он весь стиснулся, *скрутился* в злой, крепкий комок» (Шукшин В.).

Таким образом, выражение значения «интенсивность, время и направление» можно считать потенциально заложенной в семантике указанных глаголов. Этот вывод важен в связи с тем, что для вращения выделить источник и цель представляется трудным, т.к. зачастую в этой ситуации присутствует движение, но не перемещение относительно точки отсчета.

Любопытным является образование сложных слов, где кроме глагола вращения в деривации может участвовать существительное, обозначающее нечто круглой формы – *головокружение*, *катушкодержатель*. Появление этих производных обусловлено, на наш взгляд, с одной стороны, очень высокой частотностью употребления словосочетания (например, *вскружить голову*), с другой – явно профессионально выраженной необходимостью (например, *катушкодержатель*), что нашло отражение в появлении такого производного.

Таким образом, анализ особенностей глаголов вращения позволяет определить их место в практике преподавания РКИ и дополнить в целом представление о категории вращения в русском языке.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ВИНОГРАДОВ В.В. (1978): *Избранные труды. История русского литературного языка*. М.: Наука.
- КРУГЛЯКОВА В.А. (2010): *Семантика глаголов вращения в типологической перспективе*: автореферат диссертации кандидата филологических наук: 10.02.19. Москва.
- ОСАДЧИЙ, М.А.: *Пропозиционально-фреймовое моделирование гнезда однокоренных слов (на материале русских народных говоров)*: диссертация кандидата филологических наук. Кемерово.
- ТИХОНОВ, А.Н. (2003): *Современный русский язык. Морфемика, словообразование, морфология*. М.: Цитадель-трейд.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕНОСЫ ГЛАГОЛОВ ВРАЩЕНИЯ

В.А. КРУГЛЯКОВА

1. ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ РАССМОТРЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ

При исследовании ограниченной группы лексем со схожим значением необходимо рассматривать не только прямые значения, но и переносные употребления. Прежде всего, это гарантирует необходимую полноту лексикографического описания и позволяет всесторонне охватить и объяснить функционирование выбранных лексем во всех контекстах их возможного употребления (Lakoff 1987).

Вместе с тем, рассмотрение семантических переносов может ставиться и как самостоятельная задача в рамках масштабных лексико-типологических исследований, таких как проект по семантике глаголов вращения. В этом случае основной интерес для нас представляют общие модели развития переносных значений в области вращения, другими словами, не просто составление инвентаря всех выявленных по обследованному языку метафор, а выделение ядра, тех из них, которые устойчивы и регулярно воспроизводимы.

Само по себе исследование метафор не является простой задачей. Во-первых, эта область языка не очень устойчива в отношении языковой нормы, количество запретов в ней существенно меньше, чем в остальных областях, и они не такие жесткие – поэтому и суждения носителей о допустимости того или иного оборота не всегда однозначны. Во-вторых, методология изучения метафор, в особенности в типологической перспективе разработана очень слабо (подробнее см. Рахилина 2007, ср. А.А.Зализняк 2009) Метафоры плохо предсказуемы, поэтому на начальном этапе исследования невозможно составить перечень всех ожидаемых вариантов переносов.

В связи с этим, в данной статье предлагается опыт рассмотрения семантических переносов на материале нескольких языков с богатой письменной

традицией, которое позволило выявить наиболее важные переносы, отражающие значимые когнитивные модели языкового расширения. Все рассматриваемые ниже метафоры характеризуются высокой частотностью и хорошей воспроизводимостью в языках, что говорит в пользу их универсальности.

2. СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ ГЛАГОЛОВ ВРАЩЕНИЯ

Все семантические переносы, обнаруживаемые для исследуемой лексической зоны, представляют собой не просто разрозненный набор случайных значений. Прежде всего, существуют устойчивые связи между прямыми и переносными значениями, это проявляется в том, что для каждой зоны-источника характерны и ожидаемы переносы во вполне определенные зоны-цели. Причем типологический срез показывает, что число таких регулярных переносов для каждой отдельной зоны невелико и исчисляется единицами. Например, вращение вокруг внутренней оси (как движется юла, колесо, лопасти мельницы) дает только три идеи: невозможность находиться в покое, совершение множества действий с целью улучшения состояния и правильное функционирование. Зато каждая из них повторяется с незначительными изменениями как минимум в трех языках выборки. И наоборот, во всех языках, в которых обнаружили указанные три переноса, они развились от глаголов с исходной семантикой вращения вокруг внутренней оси (а не кругового движения вокруг ориентира, движения с воронкообразной траекторией и проч.).

Это говорит о том, что все множество семантических переносов выстраивается в структурированное единство. Оно следует за структурой прямых значений, и во многом объясняется ей, поэтому логично упорядочивать переносы в соответствии с принятым для них делением.

С точки зрения семантических переносов полностью оправданным оказывается деление семантического поля на три базовые зоны: внешней оси, внутренней оси и качения. От них образуются совершенно разные, не пересекающиеся друг с другом типы метафор.

В данной статье будут представлены наиболее интересные и показательные переносы – тех, которые возникают у глаголов, описывающих круговое движение вокруг внешней оси.

У глаголов, описывающих круговое движение вокруг внешней оси развиваются следующие типы метафор, основанные на сохранении и переосмыслении компонента связи между субъектом и ориентиром: поиск, преследование и нахождение около ориентира. Вторым значимым параметром для метафор в зоне внешней оси оказалась целенаправленность движения на уровне концептуализации ситуации в целом. Указанные выше метафоры основаны на той или иной степени целенаправленности действий субъекта. Если же лишить ситуацию этого параметра, то метафоризация идет по совершенно иному пути – в направлении неупорядоченного движения.

3. ВРАЩЕНИЕ КАК ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

В прототипической ситуации вращения участвует неодушевленный ориентир, неподвижная ось, вокруг которой движется субъект, совершая многочисленные обороты по одной и той же траектории. Топологически идеальная ситуация такого вращения – это движение планет вокруг Солнца, в том виде, в котором оно представляется нам как носителям естественного языка.

При метафорическом переносе место неодушевленного ориентира может занять человек, и тогда вся ситуация в целом должна изменить свои свойства. В этой метафоре может быть задействован только человек в вертикальном положении, а он, как правило, не находится в одном месте в течение долгого времени и в связи с этим, плохо соотносится с неподвижной осью, центром, вокруг которого ходят другие люди. Более естественна для человека ситуация движения, и он выступает как подвижный ориентир, который сам перемещается по неопределенной траектории. Мотивом для другого человека совершать вокруг него круговые движения служит важная цель: не потерять с ним контакт, находиться с ним рядом. Но тогда он вынужден следовать за человеком-ориентиром, и его собственное движение становится менее упорядоченным и лишь приближенным к круговому. При этом компонент круговой траектории теряет свою значимость – зато усиливается компонент связи субъекта с ориентиром, которая метафорически трансформируется в идею неотступного следования. В результате появляются такие употребления как, например, у рус. *крутиться* – ‘собаки крутились вокруг меня, пока я готовил им еду’ или кит. *zhuañ4* – ‘малыш все время крутится около матери’, татарск:

(1) <i>Алар тәпи йөр-и</i>	<i>башла-гач</i>	<i>ук мин-ем</i>
Они нога ходить-CONV	начать-CONV	с я-POSS
<i>ян-да</i>	<i>бөтерел-ә-ләр.</i>	
бок-LOC	вращаться-3PRAE-PL	
‘Как только они начали ходить, они все вертятся рядом со мной’.		

4. ВРАЩЕНИЕ КАК ПОИСК

Когда человек движется вокруг какого-либо предмета, он знает пространственное положение этого предмета, чаще всего он видит, где находится ориентир. По мере движения в любой момент он может сверить свое положение в пространстве с местонахождением ориентира с тем, чтобы не потерять контакт с ним. Благодаря этому расстояние между человеком и ориентиром остается примерно одинаковым и сохраняется круговая траектория, ср. ‘*молодожены трижды обходят вокруг дома во время свадебного ритуала*’.

Эта ситуация может переосмыслиться таким образом, что человеку известен факт существования ориентира, но неизвестно его местоположение

в силу того, что отсутствует визуальный контакт с ним. При этом чаще всего ориентир неподвижен, его локализация фиксирована и постоянна. И тогда движение человека мотивировано желанием его обнаружить, перемещение превращается в процесс поиска, ср.: исп. *dar vueltas* ‘я не могла найти этот бутик и сделала несколько кругов по торговому центру’.

Существенным отличием этого перехода от предыдущего типа является то, что в данном случае действие является предельным и заканчивается в тот момент, когда ориентир обнаружен. В случае преследования действие, напротив, продолжается, пока есть контакт с ориентиром.

Если в ситуации физического движения по кругу траектория сохраняется равномерной и постоянной именно благодаря визуальному контакту с ориентиром, то как только такой контакт теряется, траектория перестает быть круговой, а движение в целом становится менее упорядоченным, ср.: рус. ‘*кружить по лесу в поисках лагеря*’, коми:

- (2) *Мый-ке* *каньм-ыс* *корс-е* *и*
 что-indef кошка.obl-poss3sg искать-prs.3sg и
берг-ал-э.
 кружить-iter-prs.3sg
 ‘Что-то кошка ищет и **кружит** [по дому]’.

5. ВРАЩЕНИЕ КАК НАХОЖДЕНИЕ ОКОЛО ОРИЕНТИРА

Для глаголов движения ключевыми компонентами значения являются начальная и конечная точка движения, и путь, пролегающий между ними. Другими словами они описывают способ, которым субъект перемещается из одной точки в другую. Глаголы вращения интерпретируют движение другим способом: идеальная ситуация вращения вокруг ориентира означает, что человек передвигается по одной и той же круговой траектории в течение длительного времени, многократно повторяя один и тот же путь. В то же время, перемещения в пространстве, строго говоря, не происходит, выделить начальную или конечную точку не представляется возможным – субъект передвигается относительно ориентира, но не наблюдателя.

В метафорических значениях релевантность компонента перемещения может понижаться еще сильнее, и в этом случае получается, что субъект уже не перемещается и относительно ориентира. Это значит, что идея движения приближается к идее статичного нахождения рядом с ориентиром, при сохранении всех элементов фрейма и отношений между ними: происходит стативизация (по убывающей: перемещение – движение – нахождение).

Такое присутствие всегда подчиняется определенной цели, так, рус. *крутиться около магазина*, предполагает, что человек имеет четкую цель – например, встреча со знакомыми, которые часто туда ходят или занятие разного рода нелегальной деятельностью – и для ее достижения он в течение

длительного времени находится поблизости от магазина. Вместе с тем, он может незначительно перемещаться, совершать какие-то действия, но все же с точки зрения результирующей ситуации в целом это является побочной активностью.

Существенно, что для реализации данной метафоры необходимо, чтобы субъект был одушевленным и выполнял роль фигуры (как правило, это человек), а ориентир – напротив, был неодушевленным и статичным – фоном, чаще это здание, хотя обнаружены случаи, при которых, напротив, задается менее дробное представление о локализации, например, агульский *aldarkas* ‘крутиться на пороге’. Ср. описанный выше, в каком-то смысле противопоставленный переход, при котором ориентир одушевленный и подвижный, что приводит к образованию метафоры преследования ‘*дети крутятся около воспитателя*’, ср. татарск.:

(3) *Китаплары кибеттә озак ятмый. Марат киштә янында бөтерелә.*

Книги в магазине не залеживаются. Марат всегда **крутится** возле полки [чтобы не упустить нужную].

6. ВРАЩЕНИЕ КАК НЕУПОРЯДОЧЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

Несмотря на то, что ключевым компонентом семантики глаголов вращения является круговая траектория, оказывается, что большинство глаголов, описывающих движение вокруг внешней оси, могут легко терять этот компонент, и тогда движение становится менее упорядоченным, приближенным к хаотичному. Пример с китайским *huíxián* ‘Супермен кружил по небу Нью-Йорка’ очень близок прямым значениям глагола (Ср. ‘*ястреб кружит в небе*’): субъектом является человек, он совершает физическое движение, предполагается, что в качестве ориентира выступает говорящий. Вместе с тем, совершенно ясно, что Супермен не совершает идеальные круговые обороты над одной и той же точкой, а скорее в течение длительного времени передвигается над всем городом, стараясь охватить как можно большую площадь. При этом траектория его движения уже не является круговой.

Второй элемент сдвига – исчезновение ориентира и его обязательная замена на локализацию, в качестве которой служит обширная поверхность (например, город) или контейнер (небо как в примере выше). Существенно, что размеры этого пространства должны превосходить размеры движущегося субъекта: хинди *maⁿDrānā* ‘гулять по городу’, ‘учитель ходит по классу’, калм. *эргх* ‘футболисты кружат по полю’.

(4) *šām ko mujhe šahar meⁿ*
вечером Асс мне городе в
maⁿDrānā pasaⁿd hai
кружить нравится
‘Вечерами я люблю **бродить** по городу’. (хинди)

Семантический сдвиг может на этом не останавливаться и переходить на следующую ступень за счет смены таксономического класса субъекта и перехода в сферу нематериальных объектов. Наиболее частотным субъектом в языках для глаголов, развивающих это значение, являются информационные объекты, например, слухи, новости, предположения, истории, которые абстрактно движутся по городу: тур. *dönmek* ‘слухи ходят’ и *dolanmak* ‘новость облетела деревню’.

Еще одна вариация данной метафоры – неупорядоченное движение ментальных объектов (мысли, слова, воспоминания, страхи) в голове. Кит. *yíngràò* ‘проблема вертится в голове’, валлийск.:

(5)	<i>engreiftiau</i>	<i>sy'n</i>	<i>chwyrlio</i>	<i>ar</i>	<i>hap</i>	<i>yn</i>	<i>fyⁿ</i>
	примеры	который=Р	кружиться:VN	на	случай	в	мой
	<i>mhen</i>	<i>wrth</i>	<i>i</i>	<i>mi</i>	<i>sgrifennu</i>	<i>hwn</i>	
	голова	через	к	я	писать:VN	это	

‘...примеры, которые случайно **кружатся** в моей голове, когда я пишу это’.

7. ИТОГИ

В результате последовательного и системного типологического рассмотрения метафорических сдвигов в компактной семантической зоне – зоне глаголов вращения – было обнаружено сравнительно небольшое количество регулярно повторяющихся типов переносов. Они были объединены в 8 крупных групп в соответствии с исходным значением, от которого они развиваются. Важнейшие из них – те, что образуются от значения вращения вокруг внешней оси.

Наиболее важным, с типологической точки зрения, выводом явилось подтверждение гипотезы, что в языках метафоры образуются не спонтанно, а следуя общим принципам когнитивной деятельности. В частности, все единство метафор некоторой лексической зоны образует строгую систему, которая является отражением принципов организации прямых значений в этой области лексики. Так, для семантического поля глаголов вращения было обнаружено, что его три базовые зоны (вращение вокруг внутренней оси, вокруг ориентира и качение) дают совершенно разные типы метафор, которые не пересекаются друг с другом ни в каком-либо конкретном языке, ни в типологической перспективе. Так, все рассмотренные в данной статье переносы были зафиксированы исключительно у глаголов, функционирующих в зоне внешней оси или не делающих разграничение по параметру оси и одинаково распространяющихся на обе зоны.

БИБЛИГРАФИЯ

- LAKOFF G. (1987): Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. – Chicago; L.: U. of Chicago.
- EVANS, NICHOLAS AND DAVID P. WILKINS (2000): In the mind's ear: The semantic extensions of perception verbs in Australian languages. *Language* 76: 546-592.
- ЗАЛИЗНЯК, АННА А. (2009): О понятии семантического перехода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2009». М.: Изд-во РГГУ, 107-111.
- РАХИЛИНА Е.В. (2007): Типы метафорических употреблений глаголов плавания. Глаголы движения в воде: лексическая типология / Майсак, Рахилина. М.: Издательство «Индрик», 2007.

CAPÍTULO II.
TIPOLOGÍA LÉXICA Y TRADUCCIÓN

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВОССОЗДАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ МЕТАФОР В ПЕРЕВОДЕ

Л.Ю. МИРЗОЕВА

В исследованиях, выполненных в русле лексической типологии, подчеркивается, что «рассмотрение лексических констант и семантических универсалий, которые представлены семантически, морфологически и фонетически мотивированными языковыми единицами, дает основание классифицировать их как межъязыковые соответствия с большой степенью вероятности совпадения сигнификативного значения соответствующих единиц оригинала и перевода». Типологический подход в сфере семантики может быть особенно продуктивен в тех случаях, когда в процессе перевода осуществляется поиск метафорических соответствий в паре языков (в частности, в паре «русский – английский») (Бычкова 2008: 7). Метафоры оценочного характера, по нашему мнению, представляют собой одну из серьезных переводческих проблем, в решении которых может помочь рассмотрение их семантической структуры с позиций лексической типологии, находящееся в сфере ее проблематики. Так, В.А. Круглякова и Е.В. Рахилина (2010) в числе разнообразных задач, стоящих перед лексической типологией, особо выделяют необходимость установить, «какие значения выражаются лексически; ... какие типы значений могут соседствовать в одной лексеме – феномен полисемии (а это, как будет показано ниже, напрямую связано с воссозданием метафор в переводе – Л.М.); какие типы лексических систем образуются в результате совмещения значений» (Круглякова, Рахилина 2010).

Структура оценки как языковой категории универсальна, что также является основанием для применения методов лексической типологии для рассмотрения оценочных средств, репрезентирующих ее как в языке-источнике, так и в языке-рецепторе. В логике установлено, что «в абстрактном виде основными элементами логической структуры оценки являются: объект, подвергаемый сравнению; объект, с которым производится сравнение; исходное основание, т. е.

общее свойство, с точки зрения которого производится оценка, субъект оценки» (Ивин 1970: 21). Помимо этого, в естественном же языке, который, в отличие от вневременных абстракций логики, является динамично развивающейся во времени системой, оценка построена более сложно и включает ряд дополнительных элементов, таких, как имплицитно представленная шкала оценок и стереотипы, на которые ориентирована оценка. Эти компоненты структуры оценки как языковой категории и семантики средств ее выражения также несут на себе отпечаток национальной специфики восприятия мира; более того, их можно считать частью языковой картины мира, что влечет за собой необходимость типологического подхода к ним и учета этого фактора в процессе перевода. По мнению Я.И. Рецкера (1974), лингвистической основой процесса перевода, одним из критериев его соответствия оригиналу является «сравнительное изучение языковых явлений и установление определенных соответствий между языком подлинника и языком перевода» (Рецкер 1974: 35). С другой стороны, очевиден и универсальный характер оценочной метафоры, так как именно метафора является одним из наиболее типичных механизмов образования эмотивно-оценочных номинаций, механизмом, позволяющим судить об «определенной универсальности видения мира» (Гарбовский 2004: 321).

В современной лингвистической литературе на уровне лексики обычно выделяют три класса лексических единиц, различающихся позицией оценочного значения в их семантической структуре:

1. Лексические единицы, значение которых содержит оценку, но не указывается, к чему именно относится эта оценка: хороший/плохой, позитивный/негативный. В таких сугубо оценочных лексических единицах аксиологический компонент является частью денотативного значения в семантической структуре слова. Предметная соотношенность подобных единиц устанавливается только в контексте, и в данном случае речь идет о функциональной оценочности.

2. Нейтральные лексические единицы, оценочный потенциал которых актуализируется только в определенном контексте. Лексема, нейтральная вне контекста, в различном языковом окружении приобретает противоположную оценочность. Таким образом, коннотативная оценочность эксплицируется при помощи контекста, который может быть как широким (вплоть до целого текста), так и максимально узким – вплоть до словосочетания.

3. «Предметно-оценочные» лексические единицы, в значении которых совмещены предметность и оценочность. В лексике такого рода отчетливо выражается отношение говорящего к обозначаемому этим словом явлению, что позволяет говорить об их оценочном потенциале как в семантическом, так и в прагматическом плане. При рассмотрении подобных языковых средств с прагматических позиций становится очевидно, что они репрезентируют прагматическую оценочность. «Роль прагмем заключается в том, что они

представляют собой свернутые (имплицитные) суждения, обладающие особой силой убеждения. В подобных имплицитных суждениях единство субъекта и предиката не оставляет места для доводов, позволяющих его оспорить, поправить. Необходимо отметить, что в оценочной лексике первого и второго класса реализуется эмоциональная оценка, а прагматы относятся к социально-оценочной лексике, «оценочный компонент которой отражает идеологические, морально-нравственные, социальные, культурные и т. п. отношения между людьми» (Чернейко 1990: 74).

В процессе рассмотрения оценочных средств, соотносимых как с уровнем отдельного слова, так и с уровнем целого текста, мы столкнулись с целым рядом оценочных метафор, воссоздание которых в переводе порождает множество проблем, т.к. «переводчик – это не просто носитель чужих идей, а профессионал, передающий сообщение, закодированное на одном языке, с помощью другого» (Миньяр-Белоручев 1999: 18). Поэтому следует также рассмотреть вопрос об оценочной метафоре, который достаточно часто ставится в современной лингвистической литературе. Так, по утверждению В.Н. Телии, «в оценочной метафоре доминирует модус фиктивности в такой же редуцированной форме, как в когнитивной и образной. Однако то, что сама оценка «настраивается» над дескриптивным отображением объекта (предметного или непредметного), придает модусу фиктивности особый оттенок: мотив оценки присоединяется к дескриптивному отображению, вводя таким образом объект в сферу действия оценочной шкалы. Иными словами, если в индикативной метафоре мотив умирает, в когнитивной он имеет тенденцию к стиранию, в образной он служит средством воссоздания живого представления об обозначаемом как его инобытии, то в оценочной метафоре мотив, или внутренняя форма, выполняет роль катализатора оценочной реакции» (Телия 1988: 179).

Основные принципы и правила воссоздания метафор в переводе предложены Т.А. Казаковой (Казакова 2002). Как утверждает Т.А. Казакова (Казакова 2002: 141), «в некоторых случаях при переводе метафоры следует иметь в виду расхождение в традиционных ассоциациях, связанных с тем или иным представлением. Например, в большинстве случаев английский эпитет "black", употребляемый в метафорическом смысле, может переводиться дословно, поскольку соответствует русской традиции: *black day* — черный день, *black deed* — черное дело, и т. д. Однако в ряде ситуаций метафорические функции эпитета в русском и английском языках расходятся, и тогда требуется *образная замена*: *black sheep* — *паршивая* овца, *black frost* — *трескучий* мороз, и т. п.» В цитируемой работе Т.А. Казаковой представлен ряд правил преобразования метафор в процессе перевода. Так, *полный перевод* метафор возможен и необходим в том случае, «если в исходном и переводящем языке совпадают как правила сочетаемости, так и традиции выражения эмоционально-оценочной информации, употребленные в данной метафоре» (Казакова 2002: 141). Акцентируем внимание на том, что приоритет отдается именно

выражению эмотивно-оценочной информации, которая может восприниматься как основополагающий фактор, диктующий использование именно этого правила воссоздания метафоры в переводе. Далее исследователем представлены такие принципы воссоздания метафор, как *добавление/опущение*, используемое «при необходимости экспликации подразумеваемого в или импликации словесно выраженного в исходном тексте, *замена* в случаях лексического или ассоциативного несоответствия между элементами метафоры в исходном и переводящем языках, *структурное преобразование*, применяемое при различии традиций грамматического оформления метафоры в исходном и переводящем языках, а также *традиционное соответствие* метафор фольклорного, библейского, античного происхождения, когда в исходном и переводящем языках сложились разные способы выражения метафорического подобия, и *параллельное именование метафорической основы* используется при переводе текстов, построенных на распространенной метафоре, когда по межъязыковым условиям требуется замена или структурное преобразование исходной метафоры, а по характеру передаваемой информации исходный образ необходимо сохранить» (Казакова 2002: 143).

В то же время, по нашему мнению, возможно рассмотрение перевода метафор не только с позиций переводоведения; правомерным будет и анализ метафорических соответствий в русском и английском языках с позиций теории оценки, что, в свою очередь, становится более обоснованным при применении подхода, ориентированного на лексическую типологию. Ведь одна из функций метафоры заключается в том, чтобы идентифицировать «свое» через «чужое», индивидуальное через общее, аномалию через норму. Через отсылку к нормативным признакам путем метафоры дается оценка лица, события, факта, создается определенный образ, который впоследствии может стать стереотипом. Стереотипизация выступает как «способ экономии» мышления и сведения большого объема информации, полученной человеком в процессе освоения действительности, в некоторые ёмкие формулы». Стереотипизация признаков в семантике метафоры приводит к существованию «прецедентных» метафор как стандартных типовых средств для оценки общеизвестных фактов, событий, отношений, которые включены в фонд обязательных знаний каждого носителя языка (Гибатова 1996: 32).

Обращение к принципам лексической типологии в процессе воссоздания метафор этого типа в переводе обусловлено и тем, что оценочная метафора основана на дескриптивном признаке, являющемся составной частью семантической структуры слова. По В.Н. Телии, этот признак и становится смысловой вершиной оценочного значения наряду с оценкой (Телия 1988).

Обратимся к рассмотрению эквивалентов некоторых оценочных метафор, воспринимаемых носителями русского языка как общезыковые метафоры, которые сохранили образность именно благодаря оценочной реакции (не случайно в современных переводоведческих исследованиях встречаются термины «экспрессивно-оценочная эквивалентность» и «ассоциативно-образная эквивалентность»).

В рамках подхода, описанного выше, становится возможным утверждать, что при воссоздании оценочных метафор в переводе с русского языка на английский и с английского языка на русский возможны следующие варианты:

- Буквальное воссоздание оценочной метафоры; внутренняя форма и модус фиктивности в оригинале и в переводе практически совпадают;
- Отсутствие метафорических соответствий (т.е. воссоздание семантики в переводе при отсутствии аналогичного модуса фиктивности);
- Сходное, но не тождественное проявление модуса фиктивности (т.е. сравнение, лежащее в основе оценки в языке-источнике, сопредельно, но не тождественно тому, что имеет место в языке-рецепторе).

Весьма убедительным случаем, иллюстрирующим практически полное совпадение внутренней формы и модуса фиктивности в оригинале и в переводе, сочетаемости и эмотивной оценки, является метафорическое *abyss* – *бездна*, *пропасть*, *пучина*, *bottomless abyss* — *бездонная пропасть*, *gaping, yawning abyss* — *зияющая пропасть*, *abyss of hopelessness* — *бездна отчаяния* *He felt he was on the edge of an abyss.* — *Он чувствовал себя на краю бездны.* *How big is the abyss between what you think you are and what you actually are?* — *Насколько глубоко различие между вашим представлением о себе и тем, что вы есть на самом деле?* Ср. также использование этой метафоры в заглавии книги очерков Д. Лондона «The people of the abyss» (в русском переводе – «Люди бездны»).

Практически полностью совпадают с приведенными выше дефиниции и иллюстративная информация, отраженная в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля, а также в ряде современных словарей: *бездна* истолковывается как *неизмеримая глубина; бездонная пропасть; крутой, глубокий обрыв, яма, круть. Никто не измерил бездны океана. В горах Уральских есть пропасти и бездны, в которые луч солнца не проникает. * Бездна бездну призывает, о соблазне. * В нем бездна ума; это бездна премудрости. Пропасть, тьма, неизмеримое или неизвестное множество, обилие. У нас ныне родилась бездна яблок. | Ад, преисподняя, крошечная. Грехи любезны доводят до бездны. Бездонный, у чего нет дна; | весьма глубокий; | ничем ненаполнимый; | ненасытный мот, расточитель; беспамятный человек. Как в бездонную кадку. Бездонной кадки водою не наполнить. Неразумного учить, в бездонную кадку воду лить. * Бездонная кадка или яма, расточитель. Бездонная бочка, у которой одно или оба дна высажены. Бездонье ср. бездонник муж. или бездонница жен. бездна, пропасть, провал, большая глубина; архан. непроходимые, бездонные болота, затянутые сверху зыбуном, трясиной.* В то же время следует отметить и концептуальное отличие: для носителя русского языка вполне закономерно (хотя в настоящее время представляется архаичным) использование данной метафоры в значении *космос*: *Открылась бездна, звезд полна. Звездам числа нет, бездне дна* (М.В. Ломоносов). Это именно тот случай, когда «закрепленные в языке метафоры отражают не

(или не только) синхронные процессы и синхронные ассоциативные связи говорящих – они фиксируют предыдущее состояние языка. В частности, метафоры могут быть, вообще говоря, образованы и от тех значений слов, которые в современном языке уже утрачены» (Рахилина, Плунгян 2007).

Отсутствие метафорических соответствий также является достаточно частым явлением; т.е. оценка присутствует, но выражена она иначе, не метафоризованно, ср., например, русское *на крыльях победы*, метафорических соответствий которому в английском языке нами не выявлено, ср. также *железная логика – compelling / rigorous logic* (неумолимая/безжалостная/строгая/убедительная логика), а также *железное здоровье – hardy health*, где в центре оказывается сема «стойкость», не имеющая в данном случае метафорического, образного характера.

В ряде случаев возможно наличие нескольких вариантов; наиболее часто встречается сосуществование буквального воссоздания как семантики (в т.ч. и оценочных смыслов), так и формы выражения, ср.: *He's out there hustling all the time* — Он все время крутится как белка в колесе (о суете, предполагающей в то же время погоню за заработком); в этом же ключе – *You gotta hustle if you wanna survive* (амер.) — аналог русского *Хочешь жить, умей вертеться. Our quartet was out hustling and we knew we stood good to take in a lot of change before the night was over* — Наш квартет не брезговал никакой работой (, и мы знали, что у нас есть шанс заработать приличную сумму денег до утра. Как указывает Т.А. Казакова, «необходимость различного рода преобразований исходной метафоры может диктоваться не только требованиями языковых различий, но и различиями в социально-культурных установках относительно той или иной сферы употребления метафорических оборотов речи» (Казакова 2002: 142); так, в русском языковом сознании не зафиксирована возможность актуализации негативной коннотации, имеющейся у английского аналога: *hustling* 1) "заработки" (у наркоманов; воровство, спекуляция наркотиками с целью добыть деньги на покупку наркотиков) 2) проституция. Ср. также *They hustled them for drinks* — Они раскрутили их на выпивку; *A waiter has to learn that he must not hustle the customers* — Официант должен уяснить себе, что он не должен вымогать чаевые у клиентов.

В то же время словари (в частности, Lingvo-12) фиксируют и точный аналог русской метафоры: *run round like a squirrel in a cage*, что является характеристикой напряженной, суетливой и зачастую бесплодной деятельности: *Вертится (крутится) как белка в колесе (разг.; беспрестанно хлопочет, делает без передышки много дел)*. Таким образом, поиск «параметров вариативности языков в самых разных лексических зонах» (Рахилина, Плунгян 2007) позволит выявить семантическую основу метафорических соответствий и тем самым оптимизировать процесс перевода.

Приведенный выше материал подтверждает, что «на этапе перекодирования информации при переводе с одного языка на другой особенно актуальна роль лексической типологии на этапе выбора оптимальных переводческих трансформаций с позиций дифференциации и интеграции характерных

особенностей и различий в лексическом составе языков» (Бычкова 2007). Рассмотрение языковой метафоры с позиций лексической типологии, по нашему мнению, должно будет производиться как в синхронном, так и в диахроническом аспекте, потому что метафора динамична и играет значительную роль в постоянном обновлении оценочного «инвентаря» языка под влиянием более общего изменения картины мира, характерной для его носителей на длительном этапе его развития, а значит – и для воссоздания представленных в метафоре деталей картины мира в переводе.

БИБЛИОГРАФИЯ

- БЫЧКОВА, Т.В. (2007): «Лексическая типология и перевод», *Вестник Московского государственного областного университета*, 1, с. 223-229.
- БЫЧКОВА, Т.В. (2008): *Лексическая типология оригинальных и переводных текстов: на материале поэтических произведений Дж. М. Хопкинса (сравнительно-сопоставительный аспект)*. Автореф. канд. дисс. МГПИ. Москва.
- ГАРБОВСКИЙ, Н.К. (2004): *Теория перевода*. МГУ. Москва.
- ГИБАТОВА, Г.Ф. (1996): *Семантическая категория оценки и средства её выражения в современном русском языке*. Просвещение. Москва.
- ИВИН, А.А. (1970): *Основания логики оценок*. МГУ. Москва.
- КАЗАКОВА, Т.А. (2002): *Практические основы перевода*. Союз. Санкт-Петербург.
- КРУГЛЯКОВА, В.А., РАХИЛИНА, Е.В. (2010): *Глаголы вращения: лексическая типология*. //http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/38.htm
- МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВ, Р.К. (1999): *Как стать переводчиком?* Готика. Москва.
- РАХИЛИНА, Е.В., ПЛУНГЯН, В.А. (2007): О лексико-семантической типологии. В кн.: Рахилина, Е.В., Майсак, Т.А. «Глаголы движения в воде: лексическая типология». Индрик. Москва.
- РЕЦКЕР, Я.И. (1974): *Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода*. Международные отношения. Москва.
- ТЕЛИЯ, В.Н. (1988): «Метафоризация и ее роль в языковой картине мира». В кн.: *Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности*, Москва, с. 173-203.
- ЧЕРНЕЙКО, Л.О. (1990): «Оценка в знаке и знак в оценке», *Филологические науки*, 2, с.72-82.

ПАРОНОМАЗИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПЕРЕДАЧИ В КНИГЕ «ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ»

Е.Ш. НАВРОЗАШВИЛИ, Н.Г. ГОНДЖИЛАШВИЛИ

Известно, что при суждении о переводе самый пригодный материал дают несколько переводов одного оригинала. В таком случае легче вынести объективное заключение о том, что можно было бы в точности воссоздать в переводе, и чего нельзя было бы. Сопоставление разных переводов дает возможность установить границы объективно возможной точности (Панджикидзе 1988: 31). В нашем случае для сравнения мы взяли оригинал «Песни Песней» и ее грузинские переводы. Данный выбор обусловлен двумя причинами: первая - мы исследуем этот текст на протяжении многих лет и вторая причина – можно сказать, что ни одна из библейских книг не переводилась на грузинский столько раз, сколько «Песнь Песней».

В настоящее время мы имеем 6 старых - 1. древнейший перевод текста включен в Ошкскую Библию 978 года; 2. Австрия, Венская Национальная библиотека. Грузинская рукопись №4, датированная 1160 годом; 3. Сборник «targmanebai kebata kebisas» («Перевод «Песни Песней») в отдельных энкомиумах; 4. «targmanebai kebai kebataisidan» («Комментарий из Песни Песней») Григория Носеля у Георгия Мтацминдели; 5. Мцхетская Библия XVII- XVIII веков; 6. Библия царевича Бакара 1743 года, т.е. Московская Библия – и 8 новых переводов, дополненных двумя отредактированными текстами. Переводы выполнены с 20-ых по 90-ые года XX столетия. Переводчиками являются: живущий в Грузии, а затем переселившийся в Израиль общественный деятель, грузинский еврей Герцель Баазов, Натан Элиашвили, Ицхак Давид, Шалом Давид, Авраам Мамиствалов; переводчики-грузины – Григол Перадзе и Зураб Кикнадзе; редакторы – Кита Абашидзе и Давид Цередиани.

В процессе исследования нами выделены два основных направления:

- изучение структуры и функции параномазии – использованной в тексте стилистической фигуры;
- установление особенностей переноса данного стилистического признака в переводах «Песни Песней».

Данная особенность еврейского языка состоит в переносе одного вербального понятия посредством двух форм (глагольным инфинитивом и финитивом), в тексте «Песни Песней» встречается только раз, и в колоне (8.7) передана корневой параномазией. Выраженное параномазией действие не подразумевает определенное лицо, не обращена к конкретному лицу и является общим (Церетели 1954: 462). Вместе с тем, во второй части колена перед паронимическим выражением встречается частица אם - «если» - показатель итога выполнения условия:

$\text{אם מימי מים, אל ולכוי תופכל תא- הבהא, תורקנו, אל הופשי;}$
 $\text{אם- ותי שיא תא-לכ-וה ותיב, הבהאב--זוב וזוכי ול.}$

«Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, то презрели бы презрением его».

«Пламя любви, которое сродни огню ревности, не погасить даже полноводным рекам». Но в последующих двух строках заметно некоторое снижение тона: в них содержится поучение о том, что любовь не купить ни за какое богатство. Этот диссонанс, возможно, опережает стихи 8 - 12, в которых как раз и пойдет речь о подарках и о деньгах. Стихи 6-й и 7-й весьма отличаются от предыдущих трагическими метафорами любви и ревности, а также некоторым дидактизмом, поэтому их иногда рассматривают как отдельную песню, более других отвечающую идее любви общины Израиля к Всевышнему», - отмечает относительно этого колена переводчик «Песни Песней» на современный русский язык Лах Яков. (Яков, 3).

Представленная стилистическая особенность, вместе с множеством других еврейских элементов, перешла в греческий перевод Ветхого Завета, а оттуда была зафиксирована в древнейших списках грузинской Библии, в том числе, в переводах «Песни Песней». «8.7...Seuracxebit Seuracyon igi» («Презрением презрят его») (Ошки); «8.7 ...Seuracxebit Seuracxyos igi» («Презрением презирает его») (Бакар); «...Seuracx-yon igi Seuracxebit» («Презрят его презрением») (Мцхетская Библия). Поскольку на сегодняшний день изучены все древние грузинские рукописи «Песни Песней», постольку в этих переводах параномазия следует непосредственно формам греческих и славянских (Библия царевича Бакара была выправлена по славянской Библии) четий.

Что касается современных грузинских переводов книги, в них параномазия представлена четырьмя структурными моделями:

1. Корневой конструкцией, в которой сохранена структура оригинала:
 «mraval c'q'als ar êeúyilia Āaakros siq'varuli da mdinareebic ver c'alek'aven mas: k'acma rom misces mteli koneba siq'varulistvis, êercxvenit êearcxvenen mas»

(«Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, стыдом устыдили бы его») (Г. Баазов).

«ver daêret's siq'varuls c'q'ali mravali da/ mdinare ver c'arg'vnis mas./ k'idec rom gasces k'acma q'oveli koneba tvisi / siq'varulis c'in,/ mainc myulvarebit uk'uagdeben» («Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, устыдят его, ответят презрением») (Ав. Мамиствалов).

«с'qlebs uricxvt ar yaluýt Āakroba siq'varulisa, / mdinareebic ver c'alek'aven mas, /k'idec rom misces k'acma mteli koneba tvisi, siq'varulis c'in, gac'bilebit gaac'bileben mas!» («Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, бесчестьем обесчестят его!») (Ицхак Давид).

«siq'varuls ver daêret's c'q'ali mravali da/ mdinareni ver c'alek'aven mas./ tundac rom misces k'acma tavisi saxlis mteli koneba siq'varulistvis, / gac'bilebit gac'bildeba igi» («Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, бесчестьем обесчестится он») (Шалом Давид).

Хотя, предполагаемый в еврейском оригинале *זִב, זִוּזָה*, что означает *ненависть, презрение, сочтение ничтожеством кого-то, насмешка* – у разных переводчиков принимает различное содержание, однако, несмотря на это, в переводах данный структурный образ оригинала передан верно, соблюдена точность, сохранены ритм и интонация.

В книге «Песнь Песней», включенной в Ошкскую Библию, которую отредактировал Кита Абашидзе, данное колено передается без изменений: «с'q'alni mravalni ver êeýleben arian daêret'ad siq'varulisa da mdinareta ver c'arg'vnan igi; uk'etu misces k'acman y'ovelive cxovreba tvisi siy'varulisa, êeuracxvebit êeuracxon igi» («Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, презрят презрением его»).

2. Парономазией, в которой несмотря на использование слов с различной основой, сохранена формула: начальная форма + личный глагол:

«ver daêret's siq'varuls c'q'ali mravali da/ mdinare ver c'arg'vnis mas./ k'idec rom gasces k'acma q'oveli koneba tvisi siq'varulis c'in,/ mainc myulvarebit uk'uagdeben» («Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, все равно презрением отвергнут его») (З. Кикнадзе). З. Кикнадзе дважды перевел «Песнь Песней». Представленный вариант текста был опубликован в сборнике образцов письменности Востока – «Армагани».

В переводе З. Кикнадзе передано основное значение слова-зачина, что касается личного глагола, он дается семантически смежным членом – пропуском.

3. Трехчленной конструкцией, в которой личный глагол сопровождается двумя инфинитивами:

«uxv c'q'lebs ar ýaluýt/ daneleba siq'varulisa,/ da mdinareni ver c'aleak'aven,/ rom misces k'acma siq'varulêi/ mteli tavisí saxlis koneba, -/ miageben mas sircx-vils, siýulvils («Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, устыдят его, ответят презрением») (Ав. Мамиствалов).

У Ав. Мамиствалова заменен финитивный член паронимазии – miageben (ответят). С целью усиления художественного эффекта, в вербальном словосочетании добавлено второе начало – стыд, срам, второй член является более выразительным, чем первый.\

4. Личной формой глагола, когда паронимическое выражение в грузинском переводе соотнесено с одной формой глагола:

«c'qalta g'vars ar ýaluýt daêret'a siq'varulis da mdinareni ver daaxrÄoben mas, tu k'acma mteli simdidre tavisí saxlis misca siq'varulistvis, igi mxolod êesabralisia» («Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, он только жалок») (Гр. Перадзе).

Предложенный Гр. Перадзе вариант – êesabralisia (жалок) – в значительной мере отличается от основного значения оригинального слова, теряется заряд, характерный паронимическому высказыванию в оригинале. Изменение делает перевод беднее, образ бледнеет.

«c'q'alsta mravalta ar êeuýliat / Äaakron [ctcxli] siq'varulisa / da mdinaretac ver c'alek'on is, / k'acma rom misces tvisi oþaxis / mteli koneba siq'varulêia / amistvis mxolod dascineben mas» («Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, за это лишь осмеят его») (Н. Элиашвили).

У Н. Элиашвили это колена и, следовательно, само паронимическое выражение, становятся более конкретными – выражение принадлежит Суламит и относится к ее возлюбленному, пастуху.

«ver daêret's siq'varuls c'q'ali mravali da/ mdinare ver c'arg'vnis mas./ k'idec rom gasces k'acma q'oveli koneba tvisi siq'varulis c'in,/ mainc myulvarebit uk'uagdeben» («Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, все равно презрением отвергнут его). Несмотря на то, что паронимическая пара утеряна в переводе «Песни Песней», принадлежащего З. Кикнадзе, в выправленном переводе (включенном в изданной Патриаршеством Грузии Библии), основное значение слова передано точно. Частицы mainc / ar (хотя / не) усиливают значение тщетности «отдачи богатства за любовь».

Таким образом, изучение современных грузинских переводов интересующего нас колена «Песни Песней» показало, что некоторые из них выполнены на высоком уровне, переводчики смогли сохранить присущую тексту экспрессивность. Другая часть переводчиков более-менее успешно передала мысль оригинала.

БИБЛИОГРАФИЯ

DALI FANJIKIZE (1988): *Targmanis oeria da praqtika*. Tbilisi.

KONSTANTINE WERETELI (1954): *paronomazia qarTulSi*. Tbilisi.

ЯКОВ, Л. *Песнь Песен. (Перевод и комментарии)*.

См.: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/comment_Bible/Lah_PesnPesn_Koment.php

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ КОРПУСА В СОСТАВЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНСТРУМЕНТ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ¹

Д.В. СИЧИНАВА

ВВЕДЕНИЕ. МОДЕЛИ И СТИМУЛЫ ПЕРЕВОДА

Национальный корпус русского языка (НКРЯ, <http://ruscorpora.ru>) имеет большое число практических применений в области сопоставительной грамматической и лексической семантики. Базой для межъязыковых (типологических и контрастивных) исследований в НКРЯ является прежде всего параллельный корпус — корпус, состоящий из оригинальных и переводных текстов, выровненных по предложениям. В составе Национального корпуса русского языка по состоянию на январь 2013 г. содержится 8 двуязычных параллельных корпусов: англо-русский (и, соответственно, русско-английский; далее наличие текстов, переведённых в обратном направлении, для каждой языковой пары не оговаривается), немецко-русский, французско-русский, испанско-русский, итальянско-русский, польско-русский, украинско-русский и белорусско-русский (см. публикации: (Добровольский, Кретов, Шаров 2005), (Добровольский 2009), (Sitchinava 2012) и др.). Совокупный объём этих корпусов превосходит 37 миллионов словоупотреблений, и развитие их продолжается. На стадии проекта находится ещё ряд двуязычных параллельных корпусов с участием русского (армянский, латышский, венгерский, татарский и другие). Для каждого языка, включенного в пары с русским, Корпус располагает морфологической разметкой, позволяющей осуществлять точный поиск по

1. Статья подготовлена при поддержке программы Президиума РАН № 36-П «Корпусная лингвистика» и гранта РФФИ № 12-06-33038 "Контрастивные корпусные исследования русских и французских глагольных категорий в поливариантных параллельных текстах"

словоформе, поиск по лексеме и/или набору граммем, а также различным сочетаниям этих параметров. Кроме того, имеется многоязычный корпус на базе 25 языков, в основном славянских, содержащий 9 параллельных текстов (но здесь грамматическая разметка имеется уже не для каждого языка); его объём – 5 миллионов словоупотреблений. Планируется создание поливариантных корпусов, в которые входит несколько разных переводов текста на один и тот же язык; в настоящее время ведётся работа над созданием русско-французского поливариантного параллельного корпуса.

Тексты выравниваются по предложениям. В основу выделения отрезков, между которыми устанавливается соответствие, берётся деление на предложения в оригинале (разбиение в переводе нередко бывает другим). В частности, предложения в переводе могут меняться местами, вклиниваться друг в друга и т. п.; в таком случае несколько предложений оригинала и перевода объединяются в пару минимальных соответствующих друг другу отрезков. Важно отметить, что художественный перевод отмечен высокой степенью вольности на разных уровнях, и при составлении и анализе параллельного корпуса это постоянно приходится учитывать. Причины этого разнообразны — общая установка ряда переводчиков, роль автора, участвующего в творческом пересоздании авторизованного перевода (в частности, он может и сам выступать переводчиком), а нередко и цензурные причины. Возможны также просто ошибки перевода, вызванные, в частности, интерференцией.

Для указания наличия той или иной вольности в переводе, – пропусков, добавлений, замены текста с изменением смысла, – в корпусе используется специальный уровень разметки – атрибут **loose**. Например, одно из значений этого атрибута, тег **omit**, используется для значимого пропуска в переводе (пример из «Смерти Ивана Ильича» Л. Н. Толстого во французском переводе М. Оффмана; выделен опущенный в переводе фрагмент)

`<se lang="ru">Было лучшее общество, и Иван Ильич танцевал с княгиней Труфоновой, сестрою той, которая известна учреждением общества «Унеси ты мое горе».</se>`

`<se lang="fr" loose="omit">Ivan Illitch dansa avec la princesse Troufonova, la propre sœur de l'illustre fondatrice de la société « Foin de peines ! ».</se>`

Использование параллельных корпусов для сравнительных исследований — предмет уже обширной исследовательской литературы, назовём, прежде всего, специальный номер журнала STUF под редакцией М. Сисоува и Б. Вельхли (Cysouw, Wälchli (eds.) 2007). При переводе лексики, как и грамматических конструкций (чёткую границу между ними не всегда можно провести), существенную роль играют **модели перевода** и **стимулы перевода**. Обычно для конструкции А в языке В имеется (реально представлено в текстах) несколько неслучайно повторяющихся соответствий – моделей перевода (translation patterns; ср. сборник (Hasselgård, Oksefjell (eds.) 1999). Практически можно утверждать, что, имея дело с переводными текстами и располагая сколько-либо большим корпусом, мы наверняка можем выделить несколько моделей перевода конструкции языка А в языке В.

Стимулом перевода назовем конструкции в языке оригинальных текстов, соответствующие определённой конструкции в языке перевода («что стимулирует появление конструкции X в переводе на язык В?»)

СООТВЕТСТВИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

В работе (Сичинава 2011) представлены результаты статистического исследования стимулов перевода в английских и немецких текстах для конструкции с частицей *было*, типа *пошёл было, да вернулся*. Выявились любопытные устойчивые соответствия, причём не только и не столько грамматические, сколько лексические. Например, в немецком — частицы *eben* и *gleich* ‘равно’, в английском — наречия непродолжительного действия типа *for a while* ‘некоторое время’. Эти соответствия немало говорят о семантике русской конструкции (не имеющей точного соответствия в английском и немецком языках и в большинстве случаев лишённой какого-либо лексического стимула при переводе). То же верно и для соответствий иноязычных грамматических категорий в русском. Так, перфект прогрессива в английском языке (*I have been doing*) передаётся русским несовершенным видом (настоящего либо прошедшего времени) в актуально-длительном значении. Вместе с тем отмечено такое лексическое средство для передачи перфекта прогрессива, как глаголы типа *начать, решить*, указывающие на актуальность для текущего момента начального предела ситуации:

Perhaps people *have been celebrating* Bonfire Night early — it's not until next week, folks! [Joanne Kathleen Rowling. Harry Potter and the Sorcerer's Stone (1997)] [омонимия не снята]

Кажется, народ уже *начал праздновать* день Порохового Заговора — рановато, господа, он будет только на следующей неделе! [Дж. К. Роулинг. Гарри Поттер и Волшебный камень / М. Спивак].

Well, it's a new thing the boss *has been trying*. [Stephen King. The Lawnmower Man (1975)] Это новая методика, которую *решил испробовать* наш босс. [Стивен Кинг. Газонокосильщик / пер. не указан]

Для соответствий французского времени *passé antérieur* в русских текстах характерны такие дополнительные лексические средства, как *лишь, немедленно, сразу* (как в зависимом, так и в главном предложении):

Quand Passepartout *eut fini*, il se trouva calme et comme soulagé. [Jules Verne. Le tour du monde en quatre-vingt jours (1872)]

Отведя душу, Паспарту *сразу* успокоился и почувствовал большое облегчение. [Жюль Верн. Вокруг света за восемьдесят дней / Н. Габинский, Я. Лесюк]

Плюсквамперфект в испанском языке имеет в ряде употреблений значение аннулированного результата. При его помощи может переводиться не только русское *было*, но и прошедшее время от русского глагола с противоположным значением:

Напряжение сразу вдруг разрядилось. Все *вспомнили* о павианах. [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Град обречённый (1972)]

La tensión desapareció al momento. *Habían olvidado* ('забыли') a los babuinos <...> [Arkady Strugatsky, Boris Strugatsky. Ciudad maldita / Justo E. Vasco]

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

Исследование моделей и стимулов перевода в реальном корпусе является, в частности, инструментом верификации утверждений о «языковой специфичности» тех или иных лексем, их «переводимости» и т. п. Повидимому, наиболее «специфичной» с семантической точки зрения лексике каждого языка будет отвечать наибольший разброс моделей и стимулов перевода – поскольку какое-либо «главное», подходящее ко всем или почти всем контекстам соответствие в другом языке отсутствует. Так, лексемы, относимые некоторыми исследователями к «концептам» так называемой «русской языковой картины мира» (что бы это ни значило), такие, как *тоска*, *душа* или *удаль*, демонстрируют весьма широкий разброс моделей при переводе на английский язык (и, соответственно, стимулов при переводе с английского языка).

Например, каждый из перечисленных английских переводов слова *удаль* в параллельном корпусе пока встретился по одному разу: *abandonment*, *assurance*, *violence*, *effrontery*, *jockeying*, *bravado*, *daring*, *fearless confidence*. При этом характерно, что в переводах с английского на русский слово *удаль* и его производные встречаются исчезающе редко. Английское слово *soul* переводится практически однозначно как русское *душа* (кроме фразеологизмов типа *poor soul*), в то время как русская *душа* передается значительно разнообразнее: так, в контекстах типа *в глубине души* на месте этого слова выступает английское *mind*. Интересен пример с обратным распределением (*soul* в английском тексте и *сознание* в русском):

And, all through that silent drive back to Green Street, the *souls* of both of them revolved a single thought: 'Why, oh! why should I have to expose my misfortune to the public like this? [John Galsworthy. In Chancery (1920)]

И все время, пока они молча ехали на Грин-стрит, у обоих *в глубине сознания* неотступно вертелась одна и та же мысль: "Почему, ах, почему мне приходится вот так выставлять напоказ мои невзгоды? [Джон Голсуорси. В петле / М. Богословская]

Разнообразие переводных моделей и стимулов для слова *тоска* чрезвычайно велико (перечисляем не только переводы с помощью существительного): *gloom*, *dismay*, *grief*, *agony*, *excruciating feelings*, *distracted moods*, *anguish*,

ache, despair, woe, loneliness, distress, frustration, desperation, blue, misery, nuisance, sadness, nostalgia, yearning, longing, lust, missing, glumly, sulkily, wistfully. В то же время параллельный «спектр» английского слова *yearning*, предлагаемого, например, А. Вежицкой в качестве наиболее приемлемого, хотя всё же и приблизительного, соответствия русской *тоске*, на проверку существенно смещён в сторону слов с иной семантикой, скорее страстного желания как такового (*желание, жажда, жадность, тянуть, томление, томный, томилло желание*).

При переводе с русского на французский язык слово *тоска*, помимо ряда устойчивых субстантивных соответствий (прежде всего *tristesse* и *angoisse*, а также *ennui, désespoir, mélancolie, chagrin, tourment, nostalgie*) нечасто, но систематически передаётся также перестройкой конструкции (*в тоске и слезах – en larmes de douleur, ужас и тоска – terreur mortelle, туная тоска – stupeur obtuse et chagrine*) или сочетаниями синонимов (*от тоски – d'ennui, de tristesse, тоска без конца – tristesse et nostalgie sans fin*).

Корпус является также эффективным средством исследования распределения близких синонимов. Например, русские *влажный* и *мокрый* и их английские объекты, по данным корпуса, распределяются следующим образом в соответствии с типом объекта:

(Ладони, руки) *damp, wet, moist* (от пота) => *влажный*

(Трава, земля, песок) *damp, humid, wet, soaking* => *влажный, мокрый*

(Одежда) *damp, humid, soaking* => *мокрый*.

Единичные отклонения от этой схемы связаны с авторским стилем переводчика: *Trees, forced by the damp heat, found too little soil for full growth, fell early and decayed: creepers cradled them, and new saplings searched away up*. [William Golding. *Lord of the Flies* (1954)]

Мокрой жарой деревья толкало в рост, но на хилом слое почвы они не заживались, рано валились и гнили; их обнимали лианы, сквозь них пробивались новые ростки. [Уильям Голдинг. Повелитель мух / Е. Суриц]

В русском языке *мокрая жара* — сочетание на грани приемлемости; в 230-миллионном одноязычном корпусе НКРЯ оно встретилось только один раз в контексте *ню-йоркская «мокрая жара»*, где оно оформлено как элемент «чужой речи» и, очевидно, также является дословной передачей такого же или схожего английского выражения.

Таким образом, параллельный корпус позволяет быстро получать большое число примеров реальных переводческих решений, принятых носителями языка при создании перевода, и анализировать выявленные соответствия в лексике и грамматике. Задача их интерпретации (оценка неслучайности соответствий, интерференции и ошибок, анализ контекста, выделение различных значений и т. п.), разумеется, остаётся делом исследователя; тем не менее объём предварительной черновой работы при помощи параллельного корпуса может быть существенно сокращён.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Д.О., КРЕТОВ, А.А., ШАРОВ, С.А. (2005): Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования. // *Национальный корпус русского языка: 2003-2005*. М., Индрик, С. 263—296.
- ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Д.О. (2009): Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфичной лексики. // *Национальный корпус русского языка: 2006—2008. Новые результаты и перспективы*. Спб., Нестор-История, С. 383—401.
- СИЧИНАВА, Д.В. (2011): Комплексное исследование одноязычного и параллельного корпусов в грамматических исследованиях // *Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика—2011»*, Спб., СПбГУ, С. 316—332
- CYSOUW, M. & WÄLCHLI, B. (eds.) (2007): *Parallel Texts. Using Translational Equivalents in Linguistic Typology. Theme issue in Sprachtypologie & Universalienforschung STUF 60.2*.
- HASSELGÅRD, H. & OKSEFJELL, S. (eds.) (1999): *Out of Corpora: Studies in Honour of Stig Johansson*. Amsterdam — Atlanta, GA: Rodopi.
- SITCHINAVA, D. (2012): Parallel corpora within the Russian National Copus // *Prace Filologiczne*, LXIII, 2012, S. 271—278

К ВОПРОСУ О СТИЛИСТИЧЕСКИХ ДЕФЕКТАХ ПЕРЕВОДА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Ю.Г. СМИРНОВА

Настоящая статья – это попытка анализа и классификации наиболее распространённых ошибок перевода с английского на русский язык, встречающихся в научно-технических текстах. По мнению автора, эти ошибки чаще всего порождают различного рода стилистические деформации текста перевода.

При переводе технического текста значение точности и стиля варьируется в зависимости от типа документации и конкретной технической сферы. Кроме того, как пишут В.М. Лейчик и С.Д. Шелов, «выбор того или иного варианта перевода термина определяется, в частности, стилем и жанром переводимого текста. В собственно терминологических произведениях (терминологические стандарты, рекомендации, словари и др.) предпочтение отдается таким способам перевода, как выбор эквивалента, семантическая конвергенция. При переводе научных и технических произведений (монографии, статьи, учебные материалы, деловые, проектные, конструкторские документы и др.) широко применяются поиск эквивалента, калькирование – семантическое и структурное. В научно-популярных произведениях, рекламных материалах, производственно-массовых текстах используется калькирование, построение описательных конструкций. Системный термин научной статьи или монографии необходимо переводить системным же термином языка перевода. При переводе статьи из научно-популярного журнала стилистический синоним термина, не входящий в терминосистему языка оригинала, может быть переведен такой же несистемной лексической единицей, но может и термином, в зависимости от целевой установки переводчика» (Лейчик, Шелов 1990: 58-59).

Ко всему прочему добавим, что здесь важным моментом является обоснованный выбор терминологического переводного словаря. Это связано с тем, что в разных отраслях русский термин будет переводиться

по-разному: *напряжение* – *voltage* (тех.), *stress* (психол.). Кроме того, в области определённой специальности возможны варианты перевода: «слово *pattern* только в словаре авиационно-космических систем имеет следующие значения: *схема, структура, спектр, диаграмма, маршрут, вид, картина*. Конкретный переводной эквивалент может зависеть как от ближайшего, так и от достаточно отдалённого контекста» (Марчук 2010: 526).

Адекватность и стилистическая выдержанность перевода во многом зависят от профессиональных качеств переводчика – это знание исходного языка и языка перевода, знание технической области, к которой принадлежит текст, на что резонно обращает внимание в статье «Вопросы специализации лингвистов в области технического перевода» профессор Попов (Попов 2011: 251). Помимо этого имеет значение владение всеми видами перевода (устный, письменный и их типы), а также умение пользоваться источниками информации (не только словарями, но и онлайн-конференциями переводчиков, например), пользоваться глоссариями и тезаурусами, прилагаемыми многими западными компаниями к своей технической документации. Существует миф о взаимозаменяемости переводчиков, но перечисленные выше факторы полностью развенчивают его: очевидно, что окулиста затруднит просьба сделать операцию на сердце ровно настолько же, насколько писателя-переводчика художественной литературы затруднило бы перевести монографию по специфике использования нанотехнологий в текстильной промышленности. В то же время специалист по нанотехнологиям наверняка не справится с переводом «Гамлета» на русский или «Преступления и наказания» на английский язык.

Далее представим типологию ошибок научно-технического перевода из практики преподавания материала раздела, посвящённого переводу научно-технической литературы в рамках курса русского технического языка.

1. Самая распространённая ошибка – это, конечно же, буквализм перевода. Стал афористичным неверный перевод фразы *A bare conductor ran on the wall* – *По стене бегал голый кондуктор вместо верного По стене был протянут оголённый провод*.

2. С «ложными друзьями переводчика» в сфере научно-технического перевода чаще всего встречаемся при переводе интернационализмов: так, *revolutionary changes in tube design* следует переводить как *значительные (радикальные) изменения в конструкции трубы*, но не *революционные изменения в дизайне трубы*; *massive tube failures* – *сильные повреждения трубы*, но не *массивные повреждения трубы*.

3. Логическое ударение в предложениях технических текстов обычно падает на конец фразы. Таким образом, наиболее значимую информацию следует размещать в конце предложения. Предложение *Regulating valves, preferably with pressure test points should be used at strategic points including all coils to enable balancing of water flow rates* следует переводить как *Для балансировки*

расхода воды необходимо в критических точках контура, в том числе около всех теплообменников, установить регулировочные клапаны (желательно, оснащенные клапанами отбора давления), а не Для балансировки расхода воды регулирующие клапаны (желательно оснащенные клапанами отбора давления) следует устанавливать в критических точках контура, в том числе возле каждого теплообменника.

4. Двусмысленность толкования в тексте перевода. Так, фраза *Эти реле также служат для защиты системы* несёт в себе двоякий смысл: 1) Эти реле, наряду с другими, служат для защиты; 2) Эти реле помимо прочего служат и для защиты.

5. Речевая избыточность (плеоназм) в словосочетаниях перевода: *амортизационный износ оборудования – амортизация, время простоя – простой*. Здесь налицо дословный перевод, отсутствие приема опущения, который зачастую необходим при переводе научно-технических текстов с английского на русский. Отчасти это вызвано фактором, о котором пишут В.М. Лейчик и С.Д. Шелов: «... в последние годы в сугубо научных и технических текстах на английском... допускается широкое использование синонимии терминов» (Лейчик, Шелов 1990: 59). Это явление отчасти может интерпретироваться как случай, когда «лексика одного языка... является более абстрактной, или, что то же самое, менее «классифицирующей», чем лексика другого...» (Рахилина, Пунгян 2007: 13)

6. Тавтология в тексте перевода, которая, кстати, в некоторых случаях приобрела «стёртый» характер: *Данное явление полностью проявляется в определенных условиях, Свяжитесь со службой технического обслуживания*. Или более яркий пример: *Any electrical malfunctions must be rectified immediately* перевели как *Любая неисправность электрооборудования должна быть исправлена немедленно* вместо *Любая неисправность электрооборудования должна быть устранена немедленно*.

7. Чрезмерная детализация описания: словосочетание *Aircooled condensing unit with axial fans* перевели как *Компрессорно-конденсаторный агрегат с воздушным охлаждением и с осевыми вентиляторами* вместо *Компрессорно-конденсаторный агрегат с осевыми вентиляторами*, так как добавление «с воздушным охлаждением» является излишним, поскольку если агрегат оснащён вентиляторами, то это агрегат с воздушным охлаждением.

8. Нарушение лексической сочетаемости в словосочетаниях текста перевода, порождающее стилистические деформации: *сменить предохранитель* вместо *заменить предохранитель*, *пропадание фазы* вместо *обрыв фазы*, *установка кабеля* вместо *прокладка кабеля*.

9. Нарушение логики изложения: *Конструкция данной машины аналогична старому образцу машины* вместо *Конструкция данной машины аналогична конструкции машины старого образца*.

10. Нарушение фонетического благозвучия фразы: *Технология конструирования с применением компьютерного моделирования позволила добиться эффективного расположения узлов агрегата* вместо *Использование компьютерной технологии трехмерного моделирования позволило эффективно расположить узлы агрегата*.

11. Использование конструкций-калек, нетипичных для русского технического языка: *В случае электродвигателей с принудительной вентиляцией необходимо проверить, что ...* вместо *Если применяется электродвигатель с принудительной вентиляцией, то убедитесь в том, что ...*

12. Неоправданное употребление заимствованных слов: *редуцирующий фактор* вместо *понижающий коэффициент*, *сенсор* вместо *датчик*. Сегодня в силу стремительного научно-технического прогресса современная русская терминология в геометрической прогрессии пополняется терминами-новоделами. Так, *изменение масштаба изображения* становится *зумингом*, *поставщик услуг – провайдером*, *передача работы внешнему исполнителю – аутсорсингом*, в повседневном речевом обороте появилось множество бессмысленных калек.

13. Неправильный перевод паронимов или «морфовариантов» в терминологии В.М. Лейчика (Лейчик): *активация – активизация*, *запасной – запасный*, *цветной – цветовой*.

14. «Фоноварианты» (в терминологии В.М. Лейчика): *контролёр и контроллер* и т.п.

Конечно же, приведённый список ошибок отнюдь не исчерпывается этими пунктами, но в нашей работе мы представили наиболее распространённые из них. Во избежание ошибок работе над переводом должны предшествовать упражнения по развитию культуры русской речи студентов, языкового чутья, формированию автоматических навыков свободного говорения по-русски в профессионально-технической сфере и знаний в области функционирования специфических клише в научно-технических текстах на английском языке.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ЛЕЙЧИК, В.М. (1980): Дифференциация терминов-синонимов, вариантов и эквивалентов как способ разграничения научных и технических понятий. В кн.: Психолингвистические проблемы грамматики / под ред. В.И. Илюхиной. АН СССР, Институт языкознания, Москва.

- ЛЕЙЧИК, В.М.; ШЕЛОВ С.Д. (1990): Лингвистические проблемы терминологии и научно-технический перевод. АН СССР, Государственный комитет СССР по науке и технике, Москва.
- МАРЧУК, Ю.Н. (2010): Русский язык и научно-технический перевод. В кн.: Сборник трудов IV Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва. http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sec14.pdf [Дата обращения: 25.02.2012]
- ПОПОВ, С.А. (2011): Вопросы специализации лингвистов в области технического перевода. В кн.: Язык и межкультурная коммуникация: материалы Второй Международной науч.-практ. конф. Великий Новгород, 19-20 мая 2011 г. Т.2. / отв. ред. О.А. Александрова, Е.Ф. Жукова; НовГУ им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород.
- РАХИЛИНА, Е.В., ПЛУНГЯН, В.А. (2007): О лексико-семантической типологии. В кн.: Глаголы движения в воде: лексическая типология. Издательство «Индрик», Москва.

CAPÍTULO III.
TIPOLOGÍA LÉXICA Y DIDÁCTICA

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКОЙ (В ОБУЧЕНИИ ЧТЕНИЮ БИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)

Ж.В. ПРОКОНИНА

Аксиомным является утверждение Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова о том, что «содержательная ценность текста определяется его страноведческим наполнением. Чем больше текст содержит страноведческих сведений, чем существеннее они для нашей культуры, чем легче они воспринимаются и запоминаются, тем выше его содержательная ценность», как было отмечено (Верещагин, Костомаров 1990: 116).

Задача разработки теоретически и практически обоснованного руководства для преподавателей русского языка как иностранного по подготовке, презентации, закреплению и активизации культуроведчески насыщенных учебных текстов, а также по контролю за усвоением языковых единиц – носителей культуроведческой информации, была поставлена в конце 80-х годов прошлого века. В рамках лингвострановедения вопросы интерпретации фактов культуры, содержащихся в текстах (прагматичных и проективных), а также вопросы, связанные с лингвострановедческой отдачей содержательно ценных учебных текстов, были представлены и обоснованы Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым. Среди этих вопросов следующие: «Что происходит со страноведческой информацией в сознании учащегося? Умеем ли мы специально привлечь внимание студента к обязательным сведениям? Как хранится введенная информация в памяти? Сколько времени? Как она участвует в коммуникации? Когда нужно вернуться к ней, чтобы воспрепятствовать ее полному изглаживанию?», как было отмечено (Верещагин, Костомаров 1990: 119). Обращается внимание на три психических процесса, происходящие при чтении текста, содержащего культуроведческую информацию: 1) структурирование текста; 2) компрессия текста; 3) провешивание текста. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров говорят о попытке учебного структурирования и провешивания прагматичного текста. Сделать прозрачной и очевидной

для читающего внутреннюю композицию текста позволяет полиграфическая организация текстового массива. Возможно и внешнее структурирование, при котором границы абзаца являются границами тем.

Для усвоения культуроведческой информации, содержащейся в биографиях представителей национальной и мировой культуры, некоторые методисты предлагают выделять тематические группы лексических единиц с национально-культурной семантикой. Так, В.А.Базюкина (Базюкина 2003: 114-115) предлагает следующую их классификацию:

1. Лексика, отражающая культурную ситуацию, в которую вписана судьба и творчество писателя (наименования артефактов, имена собственные деятелей русской культуры, героев художественных произведений, лексика, связанная с фольклором и народной культурой).
2. Исторические и бытовые обстоятельства жизни героя биографии (слова, обозначающие реалии разных исторических периодов, имена культурных и политических деятелей).
3. Сведения из истории страны, представителем которой является герой биографии.
4. Топографический материал.
5. Географические и природные реалии.

В данном случае предполагается, что с помощью усвоения лексических единиц с национально-культурной семантикой, принадлежащих к различным тематическим группам, может быть обеспечено в свою очередь усвоение широкого спектра культуроведческих знаний.

Понимание культуроведчески насыщенных учебных текстов обеспечивается не только знанием лексических единиц с национально-культурной семантикой, но и «фоновыми знаниями, спецификой лексико-фразеологической сочетаемости слов», как было отмечено (Тер-Минасова 2000: 82). Для актуализации лексических единиц с национально-культурной семантикой и фоновых знаний может быть использовано предварительное комментирование. Семантизация лексических понятий и фоновых сведений моделируется в паратекстах (от греч. *para* – около и текст), небольших по объему с очень краткой информацией об эпохе, в которой жил деятель культуры, о его творчестве, идейных позициях. Так, например, в тексте «Николай Гусовский – крупнейший представитель белорусской культуры эпохи Возрождения» мы комментируем следующие понятия. *Принёманье* – северо-западный регион Беларуси, район протекания реки Неман. *Великий князь* – верховный правитель феодального белорусского государства. *ВКЛ* – Великое княжество Литовское, Русское и Жамойтское – название феодального белорусского государства (XIII – XVI века). *Магнат*, *белорусские магнаты* – крупный землевладелец, принадлежащий к феодальной знати. Магнаты имели огромное влияние на внутреннюю и внешнюю политику государства, владели городами, имели свои вооруженные отряды, стояли во главе политических партий и группировок.

Знакомясь с биографией Франциска Скорины – великого белорусского просветителя эпохи Возрождения, мы комментируем следующие понятия. *Просветитель* – деятель культуры, ученый, ставящий своей целью распространение знаний среди людей, несущий свет знания, просвещающий. *Купец* – человек, занимающийся торговлей. *Полоцк* – один из древнейших белорусских городов, являлся крупным политическим, экономическим и религиозным центром белорусов (IX – XIII века), столицей первого белорусского государства – Полоцкого княжества. *Латынь* (латинский язык) – язык науки и культуры в средневековой Европе. *Библия* – главная христианская книга. *Религиозные тексты* – тексты, посвященные вопросам религии, деятелям христианства. *Светские тексты* – тексты, посвященные вопросам, не касающимся церкви и веры в бога.

Биографии, принадлежащие к национальной культурной парадигме, являются богатейшим источником языковых единиц с национально-культурным компонентом семантики. В центре текста-биографии стоит креативная личность, которая принадлежит истории и культуре этноса, поэтому на текстовом уровне находит свое отражение большой объем реалиеведческой информации. Культурно маркированные лексические понятия и фоны, присутствующие в биографическом тексте, отражают многие национальные и исторические особенности.

Так, например, читая биографию великого белорусского первопечатника Франциска Скорины, учащиеся знакомятся с такими понятиями, как *просветитель, восточные славяне, Великое княжество Литовское, Русское и Жамойтское, Полоцк, Западная Двина, Вильно, Краковский университет, Падуанский университет, Ватикан, Библия, «Псалтырь», «Малая подорожная книжица», орден Франциска Скорины.*

Биографические тексты богаты историзмами, например: *эпоха Возрождения, великий князь, латынь, аристократия, магнат, белорусские магнаты, старобелорусский язык, королевский ученый-ботаник, великокняжеский ловчий, рыцарские занятия, феодальное государство.*

Биографические тексты содержат национальные реалии, например: *жалейка, гуслиар, курган, нива, мужик, ночь на Ивана Купалу (Купалье), венок, песняр.*

В процессе работы над текстами учащиеся знакомятся не только с жизнью и творчеством писателей, поэтов и просветителей, но и получают представление об определенных исторических эпохах, отражающих многие особенности национальной культуры. Так, при чтении биографии Николая Гусовского учащиеся знакомятся не только с великокняжеской охотой на зубра, со значением образа этого животного в белорусской литературе, но и могут проследить культурные связи между белорусским государством и Европой, в частности, Ватиканом в XV - XVI веках. При знакомстве с биографией Франциска Скорины учащиеся получают представление о белорусском государстве как неотъемлемой части Европы, его экономическом и культурном расцвете, а также о том значительном влиянии, которое оказала Беларусь на историю и культуру восточных славян.

По нашему мнению, выделить (обозначить) в структуре биографического текста культуроведческое содержание и помочь учащемуся усвоить его можно, моделируя структурную организацию текста с помощью инновационной образной наглядности.

Процесс формирования лексических навыков при чтении текстов – биографий выдающихся деятелей мировой культуры может быть организован как инновационно-технологический и основан на идее укрупнения дидактических единиц (УДЕ), представляющей «локальную систему понятий, операций, объединённых на основе их смысловых логических связей и образующих целостно усваиваемую единицу информации», как было отмечено (Запрудский 2006: 52). Реализация идеи УДЕ заключается в следующих дидактических подходах: 1) совместное и одновременное изучение взаимосвязанных и обладающих определенной информационной общностью действий, понятий; 2) сравнение и сопоставление понятий; 3) сопоставление этапов работы.

Применительно к биографическому тексту реализация идеи УДЕ заключается в моделировании учебного текста. Мы моделируем смысловое пространство биографического текста, выделяем в нем различные уровни, устанавливаем логические связи между ними. В процессе работы над структурно-смысловым содержанием биографического текста мы используем инновационную образную наглядность – схему-опору (рисунок-опору – «дом» для биографии писателя), которая выполняет роль алгоритма текста. В процессе действий с образной наглядностью присутствуют следующие стадии формирования фонетических, лексических, грамматических навыков:

- постановка произношения (восприятие, имитация, осознанное воспроизведение, дифференциация, звуковое/интонационное комбинирование);
- восприятие слова и осознание его значения «значение-форма», комбинированное употребление слова в различных сочетаниях, употребление слова в различных контекстах;
- правильное употребление грамматической формы в речи, осознание её значения «значение-форма».

Опираясь на теорию поэтапного формирования умственных действий и понятий П.Я.Гальперина и инновационную технологию, которая представляет собой одно из современных направлений, реализующих идеи развивающего обучения, как было отмечено (Беспалько 1989; Лысакова 2005), мы полагаем, что, процесс восприятия и понимания биографических текстов может быть представлен как поисково-технологический, предполагающий предъявление лингвистического и культуроведческого материала в метафорическом ключе с целью облегчения процесса познания, за счет пересмотра условий, в которых функционирует операционный компонент деятельности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- БАЗЮКИНА, В.А.(2003): “Биография писателя как источник культурологической информации” *Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Выпуск VI*, с.114-115.
- БЕСПАЛЬКО, В.П. (1989): *Слагаемые педагогической технологии*. Педагогика. Москва.
- ВЕРЕЩАГИН, Е.М., КОСТОМАРОВ, В.Г. (1990): *Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. Москва, с.110-145.
- ГУЗЕЕВ, В.В.(2001): *Теория и практика интегральной образовательной технологии*. Народное образование. Москва.
- ЗАПРУДСКИЙ, Н.И. (2006): *Современные школьные технологии: Пособие для учителей*.-3 изд. Минск, “Сэр-Вит”.
- КАНАРСКАЯ, О.В. (1997): *Инновационное обучение: методика, технология, школьная практика*. СПб.
- КУЛИБИНА, Н.В.(1987):.”Лингвострановедческая направленность работы над художественным текстом в рамках практического курса русского языка для филологов” *Русский язык для студентов-иностранцев. Сборник методических статей № 24*, с. 122.
- ЛЫСАКОВА, И.П.(2005): *Актуальные проблемы теории и практики обучения русскому языку как иностранному*. СПб., с. 219-227.
- ТЕР-МИНАСОВА, С.Г. (2000): “Слова, слова, слова...” *Язык, культура, межкультурная коммуникация” Мир русского слова №2*, с.72-83.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ОПИСАНИЯ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В МЕТОДИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

Г.В. ВАРИЧЕНКО

Обучение иностранных студентов в условиях Беларуси обладает спецификой, которая предполагает обучение русскому языку и белорусской культуре. Начальный этап обучения, в нашем понимании, подразумевает использование особой языковой среды, в которой деликатно направляемый преподавателем обучаемый будет усваивать социокультурные единицы живого русского языка, функционирующего на территории Беларуси. Русский язык в этом случае выступает средством познания мировой и национальной культуры, инструментом достижения межкультурного взаимопонимания. При обучении иностранцев русскому языку в Беларуси гармонично сочетается проблема привнесения белорусского социокультурного компонента в содержание обучения на основе русского языка, который как «...язык-посредник используется при обучении другим восточнославянским языкам», как отмечала Л.Н.Чумак (2008, 3).

В данной статье будут рассмотрены вопросы отбора и презентации белорусских социокультурных единиц.

Социокультурная единица (СКЕ) – это единица языка, содержащая в своем значении тот компонент отображения действительности, который является реальным фактом культуры страны изучаемого языка.

Социокультурная единица может быть облачена в форму слова или словосочетания. Языковая, лингвистическая принадлежность социокультурной единицы подтверждается свойствами данного языкового явления, для которого характерны коммуникативность, частотность, воспроизводимость, стандартизованность, стилистическая окрашенность, грамматическая оформленность, синтаксическая оформленность.

Проблемы отбора и организации СКЕ на основе коммуникативного подхода требуют более подробного рассмотрения в аспекте использования СКЕ в речи при овладении иноязычной культурой. Особое внимание к процессу речевой

деятельности и актам речевого общения является важнейшим элементом в коммуникативном подходе к русскому языку как иностранному. По утверждению И.А. Зимней, речевое общение является своеобразным видом человеческой деятельности, которая представляет собой процесс обмена информацией. Если рассматривать речевое общение как социальное взаимодействие, то в нем выделяются следующие элементы: «...коммуниканты, объект речевого общения, языковые и социокультурные единицы, невербальные средства общения, отдельные действия, способы осуществления действий, мотивы, побуждающие коммуникантов к общению, смысл и условия взаимодействия» (1989, 43). С позиции коммуникативного подхода, включенные в содержание обучения СКЕ необходимо рассматривать в речевом произведении, фразе, высказывании, тексте (монологе или диалоге). Только тогда учитываются мотивы речевого действия, условия коммуникации и статус коммуникантов, участвующих в формировании содержания высказывания и выборе его оформления. Разработка социокультурного материала для обучения иностранцев на основе коммуникативного подхода позволяет уточнить и по-новому интерпретировать проблему отбора единиц обучения. Прежде всего, единица обучения должна включаться в образовательный процесс с обучающей целью – научить учащихся использовать данный вид единиц в различных видах речевой деятельности, предусмотренных программой.

Социокультурная единица так же, как и лексическая единица, включает ее семантические доли, которые представляют социокультурный фон. «Фон - это вид знаний (по Верещагину и Костомарову), потенциально присутствующих в сознании человека и той общности людей, к которой данный индивид принадлежит» (1990, 43). Знания хранятся в памяти человека и соответственно коллектива, но их актуализация зависит от потребности в них и протекает не одновременно, а последовательно. Данный вид знаний представляет собой явление массового, общественного языкового сознания.

Отбор СКЕ в методических целях производился на основе следующих критериев: тематического критерия, социокультурной ценности, типичности употребления, интеграционности (принадлежности к разным сферам общения), аксиологичности и воспитательной ценности. Производя отбор, мы учитывали особую значимость СКЕ для непосредственного живого общения в языковой среде Беларуси.

В сообщении будет представлен минимум СКЕ, отобранный для начального этапа обучения, объединенных в следующие группы: СКЕ географические, СКЕ информационные, СКЕ личностные, СКЕ праздничные, СКЕ фольклорные, СКЕ бытовые, СКЕ-обращения, СКЕ стилистические, СКЕ досуговые.

Чтобы повысить учебную мотивацию к изучению русского языка, предлагается методика поэтапного и дозированного обучения русскому языку на основе включения в учебные материалы определенного набора СКЕ, активно функционирующих в современной русской языковой среде Беларуси.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ВЕРЕЩАГИН, Е.М., КОСТОМАРОВ, В.Г. (1990): *«Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного»*. Рус.яз. Москва.
- ЗИМНЯЯ, И.А. (1989): *«Психология обучения неродному языку»*. Рус. яз. Москва.
- КОСТОМАРОВ, В.Г. (1989): «Американская версия лингвострановедения (обзор концепции литературной грамотности)», *«Русский язык за рубежом»*, 6, pp.72-80.
- ЧУМАК, Л.Н. (2008): *«Беларусь: лингвокультурологический комплекс: пособие для иностранных студентов»*. БГУ. Минск.

CORPUS-BASED DATA-DRIVEN EXERCISES FOR EXPLORING GRAMMAR THROUGH AUTHENTIC TEXTS

N. GODINHO SOARES VIEIRA

Corpus (plural: corpora) is “a collection of written or spoken material in machine-readable form, assembled for the purpose of linguistic research” (Oxford Dictionaries, 2011: <<http://oxforddictionaries.com/>>). Online corpora are annotated with different types of information (morphological, semantic, syntactic, etc.). They enable the searching of huge numbers of lexical items and grammatical forms. Corpora provide a wide range of authentic samples that help to explain language use and make it possible to observe the link between pattern and meaning. These are important aspects that make corpora useful in teaching grammar. For instance, the corpus-based grammar Longman Student Grammar of Spoken and Written English demonstrates why it is necessary to sustain the boundaries between lexis, grammar and discourse in foreign language teaching. It states the following: “Most grammars have focused on structure, describing the form and (sometimes) meaning of grammatical constructions out of context... It is not enough to study just the grammatical forms, structures, and classes. These tell us what choices are available in the grammar, but we also need to understand how these choices are used to create discourse in different situations” (Biber et al, 2002: 2). Furthermore, in practice, most teachers familiar with the teaching of a foreign language grammar may notice that their learners argue that: “Rather than studying the rules; it’s better to study how to speak!” or “To study grammar is boring, I’d rather talk”. Such comments raise questions about the practical application of a set of grammatical rules of a foreign language. Moreover, memorized rules may affect full communication, limiting real discourse. In fact, standardized didactic materials bring a problem: some identical and artificial language samples may create a gap between formal foreign language education and modern authentic international communication.

Data-driven learning (DDL) “makes possible a new style of ‘grammatical consciousness-raising’ (Rutherford, 1987) by placing the learner’s own discovery of grammar at the centre of language-learning...” (Johns, 1991: 3). DDL is a corpus-based approach that provides a framework for exploring online corpora to discover language patterns. DDL involves learners in discovery learning finding out different facts about language use through concordances retrieved from online corpora. With the implementation of DDL, the study of a foreign language grammar may seem more attractive. However, the positive effect of DDL depends on good management of the teaching process. Teachers have to be able to explain to their learners some principles at work with online corpora and to know how to organize DDL in/out of a classroom. So, teachers should be involved in discovery teaching that provides observation of teaching contexts to prepare appropriate corpus-based didactic materials (Vieira, 2012).

Corpus-based data-driven exercises are tools that implement DDL. A corpus-based data-driven exercise is any exercise which is based upon data obtained from online corpora.

Corpus-based data-driven exercises may consist of samples that are selected by teachers for training of specific language skills – training corpus-based data-driven exercises or provide the observation of concordances directly from online corpora to discover certain facts in a foreign language – discovering corpus-based data-driven exercises (Vieira, 2012). Corpus-based data-driven exercises are a good way to motivate learners to discover of a variety of language patterns without memorization of rules.

The following training corpus-based data-driven exercises are for teaching concerned with identifying the functions of the form of words, phrases or clauses (Tables 1, 2).

Table 1. Some selected samples of ‘good’ from the British National Corpus.

*It does not do any **good** to try to run away from reality or to trivialise these issues.*

*‘It really is full of very **good** descriptions’.*

*He wrote a poem about his friend Francis Thompson, and in it there are many echoes of his own sad youth in which he must have wondered often if his mind would flower too late for **good**.*

*It is perhaps a reflection of the overall picture in academic libraries that their rates of use were deemed to be quite **good**.*

*‘**Good**,’ said Bert.*

Table 2. Some selected samples of ‘добро’ from the Russian National Corpus (search by exact form with an activated KWIC display).

*...я ещё раз говорю Вам: «**Добро** пожаловать!»*

*... **Добро** бы сами что-то делали для обездоленных.*

*... и в наших сериалах иногда больше крови, чем в американских, где **добро** всегда побеждает зло.*

*Ничего удивительного, ведь подобное **добро** в Москве после войны можно было найти на каждом углу.
Ну и ладно, и **добро**.*

Tables 3 and 4 demonstrate some training corpus-based data-driven exercises aimed at teaching of some prepositional phrases that express the concepts such as location, time, direction, cause, etc.

Table 3. Some selected samples of 'ехать' followed by a preposition from the Russian National Corpus (search by exact form with an activated KWIC display).
*...надо расстаться с Нанси и **ехать в** Париж, там видите ли...
Это же нехорошо **ехать по** небу на камне.
...это удобнее: не нужно долго **ехать на** машине по утрам,..
Ведь директор хотел **ехать на** той неделе!
Не полагаю, чтобы приличие позволяло **ехать в** первый раз обедать..
Владимирке, надо брать в сторону, **ехать через** деревни Желудёво, Панфилово, Новосёлово...
...качественного банка данных работников, готовых **ехать ради** высокого заработка на Север.*

Table 4. Some selected samples of 'go' followed by a preposition from the British National Corpus.
*After that we would **go to** Tahiti, and I saw the excitement grow in Ellen...
'In fact I would rather **go at** once'
'Which way do we **go at** the traffic lights?'
I didn't **go in** June with being full of cold, I just knocked on door and that got him out.
Universities are ready to **go for** the big time and exploit their earning capacity in a way they haven't in the past.
...they would **go for** a walk before breakfast and let her sleep as long as she needed.*

Corpus-based data-driven exercises are very suitable for training skills in verb tense usage (Table 5, 6).

Table 5. Some selected samples with a verb 'leave' from the British National Corpus.
*Yes I'm fine, I'll just **leave** it here, that's right.
I **have been leaving** messages with Craig and others over the last four weeks asking for you to call me back, but have had no response.
'You **have left** a large void in my Heart,' Coleridge wrote in November.
Considerable work has been done on arrangements, not only for accommodation but for the resettlement of those who **will be leaving** the service in the course of the rundown.*

Table 6. Some selected samples with the verb ‘оставлять’ from the Russian National Corpus (lexico-grammatical search with an activated KWIC display).

*‘Я тебе сообщение **оставляла**. Как дела?’*

*...хочется рассказать историю, которая не **оставляет** тебя равнодушным.*

*Его **оставляют** на операцию или нет? Что сказал профессор?*

*Хотя тот и отлучался из дома, но вовсе не **оставлял** его без присмотра.*

*Хотя вечерняя учёба действительно была трудной, но **оставлять** лабораторию она не собиралась...*

Training corpus-based data-driven exercises may be produced from this data which look like familiar handouts for language learning practice containing activity types such as exercises to filling the gaps, matching/multi-choice exercises or may be prepared with the help of extra ICT-based resources.

Discovering corpus-based data-driven exercises involve language learners in carrying out research and data analysis. For example, it would be useful to ask students (individually or in groups) to work with the data of the British National Corpus, and, observe the differences in the use of the English modal verbs, or to learn about Russian cases from the Russian National Corpus data.

Authentic text analysis extends beyond the teaching/learning of separate modules of grammar from lexis and discourse. The examples given of some corpus-based data-driven exercises illustrate that a corpus-based approach helps to introduce grammar, lexis and discourse as “mutually influential and intertwined” levels of language (Anderson and Corbett, 2009: 67). Since corpora provide a list of occurrences of a word or phrase but are not able to explain the regularities of usage, the role of the teacher in DDL is to prepare both training corpus-based data-driven exercises and discovering corpus-based data-driven exercises.

Summing up, understanding of the principles of teaching and learning foreign languages with online corpora can contribute to improving learner’s language proficiency and enables us to experiment with new directions in modern educational practices.

BIBLIOGRAPHY

- ANDERSON, W., CORBETT, J. (2009): *Exploring English with Online Corpora* (Basingstoke: Palgrave MacMillan).
- BIBER, D., CONRAD, S., LEECH, G. (2002): *Longman Student Grammar of Spoken and Written English* (Harlow: Longman).
- BRITISH NATIONAL CORPUS (BNC), available at <<http://www.natcorp.ox.ac.uk/>>.
- GODINHO SOARES VIEIRA, N. (2012): *Training and Discovering Corpus-Based Data-Driven Exercises in the English Teaching (L2) to Native Speakers of Portuguese (L1)*, Project in English Teaching, Faculty of Social and Human Sciences, NOVA University of Lisbon.

- JOHNS, T. (1991): “Should you be persuaded – two samples of data-driven learning materials”, in *Classroom Concordancing*, ed. by Johns, T., King, P., Birmingham: The University of Birmingham Centre for English Language Studies, pp. 1 – 16.
- OXFORD DICTIONARIES (2011): available at <<http://oxforddictionaries.com/>>.
- RUSSIAN NATIONAL CORPUS, available at <<http://www.ruscorpora.ru/index.html>>.
- RUTHERFORD, W. (1987): *Second Language Grammar: Learning and Teaching* (London: Longman).

CAPITULO IV.
LA SEMÁNTICA DE LOS ADJETIVOS

RELATIVITY IN LEXICAL SEMANTICS

N. GRONSKAYA

Since the word systematizes all variety of the material world in the language the interest to this phenomena has become especially noticeable and is apparently connected with the search of regularities and tendencies in functioning of different ethnic languages' systems. Linguistic specificity is most evidently reflected in lexicon and especially in polysemy where the language shows its ability to classify economically the world around. The fact of semantic discrepancy between languages proves the efficiency of the idea of relativism.

Searching for common rules of the developing polysemantic structures the linguists came to the conclusion that the main laws of human thinking influence words changes. The fact that there are similar tendencies in developing of semantic structure in different languages makes differences in semantics even more significant and weighty.

As the polysemy manifested the general logic of reality systematization nowadays these investigations are very topical. The complexity of the phenomena lies in the fact that a native speaker simultaneously has all meanings of the word with rich semantic associations which could be lost in translation from one language into another. Following the logic of inner structure of polysemantic word it is reasonable to carry out 'level by level' comparison of correlative elements.

The applied method allows to analyze a polysemantic word deep enough (up to the seme level) and simultaneously to observe the different-level distinctive features of a lexeme of one language through the prism of its correlate.

The lexical meaning of the word is the material for this research. While working on structures of polysemantic words the term lexico-semantic variant (LSV) is actively used, as it is defined by Morkovkin V.V. "LSV is a double-sided unit of the lexico-semantic system, which has a form and a meaning, which are bound together with a unique meaning correlation. LSV of a polysemantic word corresponds to the "language" word in one of its meanings, sub meanings and

shades of meaning” (Morkovkin, 1990). Consequently, the carried out contrastive study allows us to consider the polysemantic words from the standpoint of peculiarities of developing secondary meanings and of linguistic system influence on the semantic structure in general.

The contrastive description sets the stage for the analysis of word definitions which let us to detect and to describe semantic structure of each unit.

The degree of specificity characterizes the completeness of correspondence between the objects of the analysis. In this regard the whole variety of words or a limited group of studied vocabulary should be divided into three classes: equivalent (which coincide in all the senses), specific (which do not coincide at all) and similar (the units which have similar but not equivalent semantic structures). This principal of dividing the words into equivalent, specific and similar can be applied to the semantic structure on the whole. In other words, LSV and the semes can also be evaluated on this principle. It should be specified that on the same level we can only assume the presence of equivalent and specific semes as being the minimal semantic component the seme cannot be similar.

The contrastive description of the vocabulary demands taking into consideration the significance of the word in the language system and each component in the semantic structure of the word. The relativity of the semantic structures is most evident when polysemantic units are overlapped. The analysis necessarily requires consideration of the depth and degree of specificity of the compared units. The depth of the specificity depends on the level of its manifestation and it is visible on the level of words, on the level of LSV within a polysemantic word and on the level of semes. The degree of specificity characterizes the completeness of the correspondence between the objects of the analysis and differentiates the equivalent, similar and specific lexis. The results of comparison of the correlative Russian and English taste adjectives demonstrate the relativity of the semantic structure of a polysemantic word. The taste adjectives relate to similar lexis, these words name the same sensations which objectively coincide in different languages.

Since all analyzed lexical units belong to the group of similar words the comparison was made only at the level of LSV and level of semes. Verbal explications were prepared according to the criteria of completeness and consistency described by A.N. Shramm (1979; 61).

The first Russian-English verbal “couple” is “сладкий – sweet”. Below there are two verbal explications (according to contemporary vocabularies):

“сладкий”

LSV 1r¹ – “имеющий приятный вкус сахара, меда” (чай, пирог, вино);

LSV 2r – “приятный для обоняния, имеющий душистый запах” (запах, аромат, ветерок);

1. Symbol “r” means ‘Russian’.

- LSV 3r – “приятный на слух” (музыка, звуки, мелодия);
 LSV 4r – “приятный для общего восприятия” (мгновение, чувство, мысль, боль, тоска);
 LSV 5r – “приторно-умильный, нежный” (разг., неодобр.), (голос, улыбка);
 LSV 6r – “льстивый, лицемерный” (неодобр.), (речи, слова).

“sweet”

- LSV 1a² – “having the pleasant taste characteristic of sugar or honey” (honey, pie, apple);
 LSV 2a – “smelling pleasant like flowers or perfume; fragrant” (fragrance, grass, park);
 LSV 3a – “fresh, pure, and untainted” (milk, meet, water);
 LSV 4a – “(of sound) melodious or harmonious” (sound, music, voice);
 LSV 5a – “charming and endearing” (dress, house, view, face);
 LSV 6a – “pleasing in general; delightful” (power, freedom, life, spring, childhood);
 LSV 7a – “dear, beloved” (you, mother, daughter).

The conducted level-by-level analysis shows that formation of secondary meanings of these words depends on the same logic, follows the same idea. In both words (“сладкий” and “sweet”) seme ‘pleasant’ is actively exploited. The differences are determined by the positions of the adjectives in linguistic (lexico-semantic) system of the language. Semantics of “сладкий” is influenced by the adjective “приторный” (means ‘very sweet’ + ‘unpleasant’). There is also potential seme ‘unpleasant’ in the meanings of “сладкий”: ‘приторно-умильный’ (complaisant) and ‘лицемерный’ (hypocritical). This fact creates negative background for the whole Russian polisemant.

The English correlate “sweet” has one of the meaning ‘clean, fresh, pure’. This meaning in the system is supported by the antonymic relationship with the word “sour” (one of the meaning – ‘having taste of spoiled food’) proving the positive potential its semantics.

It is important to note that in general, in the case of similarity English LSVs have more developed combinatory than Russian LSVs. One can assume that the contradictory between positiveness of the primary gustatory meaning of Russian “сладкий” and negative background of its secondary meanings reduces the number of uses of similar LSV (at least in translations) due to negative associations.

Thus, the completed semantic description of the adjective “сладкий” through the prism of English correlate “sweet” is the result of the level-by-level comparison. Attention is drawn to the fact that many specific features of Russian word could be revealed only by comparison.

2. Symbol “a” means ‘English’.

СЛАДКИЙ

LSV 1r – имеющий приятный вкус сахара, меда

LSV 2r – приятный для обоняния

Connotation: приторный, неприятный

<Excluding> ΣW^3 земная поверхность

LSV 3r – приятный на слух

Connotation: неприятный, льстивый, фальшивый

<Excluding> ΣW произношение, звуки, инструменты

Preferred translation – приятный, нежный, мелодичный

LSV 4r – приятный для общего восприятия

< Excluding> ΣW письменная речь, характер, манера поведения

LSV 5r specific⁴ – приторно-нежный, умильный (разг., неодобр.)

LSV 6r specific – льстивый, лицемерный (неодобр.)

< Excluding>

LSV 3a specific – свежий неиспорченный, чистый

LSV 5a specific – приятный взору, обликом на глаз

LSV 7a specific – дорогой сердцу, любимый

We would not give the detailed analysis of three remaining pairs of polysemantic words (горький – bitter, кислый – sour, соленый – salt) and focus on the essential differences identified in the comparison.

The pair “горький – bitter” have explicit similarities and differences. Semantic consistency has been found in the development of secondary meanings based on seme ‘unpleasant’. Differences in two semantic structures are vastly determined by the etymology of Russian and English adjectives. The specific connotation ‘bitterness, bitterness’ appears under the influence of the inner form of Russian adjective “горький” (‘full of sorrow’ and ‘wretched, miserable’). English adjective “bitter” with inner form ‘sharp, fierce, furious, implacable’ and ‘icy, cold’ demonstrates additional seme ‘activity, aggressiveness’.

It was found out that there is no equivalence of primary meanings of “кислый” and “sour”. English correlative significance was less than “кислый”. In English, there are synonymous adjectives “acid” and “tart”. A large percentage of equivalent or similar secondary meanings indicates general trend in developing of polisemantic structures. Seme ‘unpleasant’ served as a basis for the secondary meanings of both adjectives, developed into the meaning ‘nasty, unpleasant’ for English “sour”.

The semantic center of Russian “соленый” and English “salt” is formed around a common seme ‘salt’. LSVs without seme ‘salt’ become peripheral and lose connection with the common semantic core. This process can be seen in

3. ΣW – symbol used to denote ‘the set of words with the common meaning of...’

4. “specific” is a symbol to define a unique, specific LSV which exists in one language and do not exist in another.

Russian adjective (LSV 'heavy' and LSV 'obscene') and in English adjective (LSV 'witty' and LSV 'expensive, high'). The core of the semantic structure of "соленый" and "salt" is formed by three pairs of equivalent LSV ('containing salt', 'having a taste of salt', 'a stock for future use with salt'), which confirms the general trends in the development of semantic structures.

The analyzed polysemantic words have well-developed semantic structure, moreover the structures are comparable according to their quantitative relation and in contents. The specificity of the semantic of the words is connected with the strict structural organization of the components within the word and severe paradigmatic connections in lexical systems of the compared languages. The relativity of the structural scheme of the polysemantic word is evident. If we compare a polysemantic word with the correlate from a different language system (French, German or any other language) the results may be and apparently will be different. This is what the relativity of the semantic system of the Russian word consists in. The specificity of the lingual unit is always relative; it always depends on the background against which the comparison is performed. Each of the comparison is a sort of a projection of the described semantic structure on a corresponding structure in a different language system. The more projections are united at contrastive description the more extended the acquired description is. By increasing the number of projections one can approach the description of all the possible strategies of human thinking when forming secondary meanings of a polysemantic word.

BIBLIOGRAPHY

- МОРКОВКИН, В.В. (1990): Основы теории учебной лексикографии. Наука. Москва.
- ШРАММ, А.Н. (1979): Очерки по семантике качественных прилагательных. Наука. Москва.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ОПИСЫВАЮЩИЕ СВОЙСТВА ПОВЕРХНОСТЕЙ: К ПОСТРОЕНИЮ ТИПОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ НАЛИЧИЯ НЕРОВНОСТЕЙ В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ)¹

Е.В. КАШКИН

1. ВВЕДЕНИЕ

Работа выполнена в рамках направления «Лексическая типология» (Рахилина, Плунгян 2007; Круглякова 2010). Задачей этого направления является типологическое изучение семантических полей, проводимое на основе анализа сочетаемостного поведения лексем и предполагающее описание данных каждого языка с использованием фреймовых анкет, обеспечивающих сопоставимость получаемых результатов. Предметом нашего исследования являются прилагательные, описывающие фактуру поверхностей, а именно отсутствие неровностей (ср. рус. *скользящий, гладкий, ровный*) или наличие неровностей (ср. рус. *шершавый, шероховатый, морщинистый, бугристый* и т.п.)². Исследование выполняется на материале уральских языков (финского, эстонского, марийского, эрзянского, коми-зырянского, удмуртского, хантыйского,

1. Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 12-04-18024е.

2. Следует отметить некоторую условность употребления в лексической типологии термина «прилагательное», поскольку данный лексико-грамматический класс, вообще говоря, не универсален, и во многих языках соответствующая семантика может выражаться словами других разрядов, например стативными глаголами, см. подробнее (Плунгян 2011: 106 – 110). В рассматриваемых нами языках, однако, прототипическими признаковыми словами, в т.ч. описывающими фактуру поверхностей, являются именно прилагательные, поэтому мы используем этот термин, следуя традиции описания данных языков. Вместе с тем в отдельных случаях релевантные для нас фреймы могут категоризоваться и с помощью глаголов (ср. ненецкий глагол *насортась* ‘быть шершавым’ или глаголы с семантикой ‘скользить, выскользывать’, которые при рассмотрении многих языков важно сопоставлять с прилагательными, означающими ‘скользящий’, с точки зрения набора описываемых фреймов), и такие лексические единицы мы тоже учитываем в нашем анализе.

ненецкого; изучаются также данные венгерского и селькупского языков). В качестве типологического фона привлекается материал русского (НОСС 2004, Спиридонова 2004) и испанского (Спесивцева 2012) языков. В настоящей статье мы рассмотрим второй из указанных выше подклассов, а именно прилагательные наличия неровностей. Будет проанализирована как организация систем прямых значений (что предполагает выявление типологически релевантных фреймов – базовых ситуаций из соответствующей области – и семантических противопоставлений между ними), так и модели полисемии, развиваемые данными лексемами в исследуемых языках.

Говоря об исходных значениях прилагательных наличия неровностей, нужно отметить большее богатство этой семантической зоны по сравнению с зоной отсутствия неровностей, что объясняется присутствием дополнительного элемента фрейма – собственно неровностей, свойства которых оказываются вариативными, и часто за лексемой закрепляется обозначение узкого класса неровностей на поверхности узкого класса объектов. Подтверждением служит уже материал русского языка (ср. такие прилагательные, как *бугристый*, *кочковатый*, *сучковатый*, *дряблый*, *ухабистый*, *холмистый* и пр.), аналогичная ситуация наблюдается и в обследованных уральских языках. Тем не менее, при всём обилии лексем со значением наличия неровностей, среди них выделяются лексем с достаточно широкой семантикой и сочетаемостью, между которыми, в свою очередь, обнаруживаются типологически релевантные семантические противопоставления. Именно на таких лексемах, противопоставлениях между ними и их семантических переносах мы сосредоточимся в статье.

2. СИСТЕМЫ ПРЯМЫХ УПОТРЕБЛЕНИЙ

Обследованные языки выделяют два класса фреймов, каждый из которых категоризируется с помощью отдельного лексического средства (или отдельного набора лексических средств). Во-первых, типично обособляются фреймы поверхностей с регулярными тактильно воспринимаемыми твердыми неровностями (что соответствует в русском языке зоне употребления прилагательного *шершавый*), таких, например, как язык кошки, шершавая от мороза кожа рук, плохо обработанная шершавая доска – ср. закрепление за этой зоной прилагательного *шакырес* в удмуртском языке, *казямо* в эрзянском, *kare* в эстонском, *karəŋ* в хантыйском и др. Во-вторых, особым классом фреймов являются поверхности со сморщенными / морщинистыми неровностями, как лицо пожилого человека, сморщенные листья растений или старая залежавшаяся картошка – ср. специфические для этого класса контекстов удмуртское прилагательное *кисыриё*, хантыйское *тортəŋ*, коми-ижемские отглагольные адъективные образования *кӧрсема* и *кӧрласема*.

Наряду с указанными выше классами фреймов, можно выделить и релевантные для разных языков более детальные противопоставления, затрагивающие семантическую зону шершавых поверхностей.

Во-первых, типологически релевантным является противопоставление по **размеру неровностей**. Примером могут служить эстонские прилагательные *kare* и *krobeline*, истолкованные в EKSS следующим образом: *kare* – «*mitteseile, kergelt krobeline; puudutamisel pisut torkiv* (‘негладкий, слегка шершавый; немного колючий на ощупь’)»; *krobeline* – «*kergelt konarlik, kergelt kühmuline, väikeste mügarikkudega || jämedalt kare* (‘слегка бугорчатый, слегка шишковатый, с небольшими бугорками || очень шершавый’)» Из данных толкований выводится различие в размере неровностей, обозначаемых этими лексемами, ср. в частности толкование *kare* как «слегка *krobeline*», а *krobeline* как «очень *kare*». Подтверждается это различие и в ходе работы с информантами, так, объекты с неровностями заведомо небольшого размера (например, язык кошки, коротко стриженные волосы, колючие небритые щеки) характеризуются прилагательным *kare*, но не *krobeline*, тогда как *krobeline* описывает более ощутимые неровности, например на коре дерева или на корке, которой покрывается рана, пока заживает. Любопытны также пример (1), в котором носитель эстонского языка счел неуместным употребление прилагательного *krobeline*, и пример (2), приведенный этим же носителем в качестве иллюстрации подходящего для *krobeline* контекста.

- (1) See paber on natuke **kare** / ***krobeline**.
 этот бумага быть.PRS.3 немного шершавый шершавый
Эта бумага немного шершавая (о бумаге в старых тетрадях).
- (2) Krokodillinaha imitatsiooni-ga vihikukaane-d on
 крокодиловая.кожа:GEN имитация-СОМ обложка.тетради-PL быть.PRS.3
 kergelt **krobeline**-d.
 немного грубый-PL
Обложки тетради с имитацией крокодиловой кожи немного грубые.

Во-вторых, среди фреймов шершавых поверхностей могут обособляться поверхности, оказывающие **воздействие** на контактный объект. Так, в удмуртском языке, наряду с нейтральным прилагательным *шакырес* ‘шершавый’, существует также прилагательное *чогырес*, описывающее шершавые и одновременно царапающие поверхности, например, плохо побритые щеки (3) или занозистую доску (4)³.

- (3) Пиосмурт урод мычиськ-емын ке, бам-ыз **чогырес**.
 человек плохобриться-РГТ если лицо-POSS3SG шершавый
Если человек плохо побрился, лицо его шершавое.

3. Типологическая релевантность данного фрейма подтверждается и изложенными в (Спесивцева 2012) данными испанского языка, где прилагательное *rasposo* характеризует шершавые и одновременно царапающие поверхности (примеры аналогичны (3) и (4) выше), противопоставляясь нейтральному прилагательному *áspero* ‘шершавый’.

(4) **Їогырес** пул-тй басма-ен ортчйт-й-д ке, басма-лэн
 шершавый доска-PROL ткань-INSTR проведи-рст-2SG если ткань-GEN
 сйньысь-ёс-ыз каньжаськ-о-зы пул борд-ы.
 нитка-PL-POSS3SG цепляться-FUT-3PL доска край-ILL

Если по шершавой доске тряпкой проведешь, нитки ткани зацепятся за доску.

В-третьих, язык может по-разному описывать поверхности **твердых vs. гибких** объектов, описывая грубую ткань не так, как негладкие руки или доску. Например, удмуртское *шакырес* ‘шершавый’ не сочетается с названиями тканей и подобных объектов (в этом случае используется прилагательное *чурьт* ‘грубый, твердый’), аналогичный запрет налагается и на сочетаемость прилагательных со значением ‘шершавый’ и в ряде других языков, ср. коми-ижемское *созорэсь* или хантыйское *кагәң*.

3. СИСТЕМЫ ПЕРЕНОСНЫХ УПОТРЕБЛЕНИЙ

Переносные употребления прилагательных наличия неровностей выражают семантику наличия каких-либо недостатков или затруднений, логично выводимую из исходного значения. Более детально фреймы, соответствующие переносным употреблениям, можно подразделить на несколько групп.

Во-первых, прилагательные наличия неровностей могут метафорически описывать **качества человека**, как эрзянское *казямо* ‘шершавый, шероховатый’, переносно характеризующее грубого человека, или эстонское *kare* ‘шершавый’, применимое к человеку со строгим, суровым характером.

Во-вторых, ряд переносных употреблений характеризует **некачественное выполнение** действия – это удмуртское прилагательное *шакырес* ‘шершавый’, метафорически описывающее неуверенную, запинаящуюся речь, эстонское *krobeline* ‘шершавый, грубый’, развивающее метафору ‘шероховатый, недоработанный (например, о каком-л. тексте)’, марийское *козыра* ‘шершавый, шероховатый’, использующееся в обоих названных контекстах, или эрзянское *казямо* ‘шершавый, грубый’, имеющее также значение ‘грубо сколоченный (например, о мебели)⁴⁷’.

В-третьих, зафиксировано употребление лексем наличия неровностей применительно к **физиологическим состояниям и ощущениям** человека. В частности развиваются метафоры, описывающие хриплый голос человека (эрзянское *казямо*, эстонское *kare*). Любопытный семантический перенос

4. В случае прилагательного *казямо* не исключено и калькирование полисемии русского прилагательного *грубый*, поскольку лексема *казямо* в прямом значении описывает, помимо прочих фреймов негладких поверхностей, грубую ткань, а в переносном, как было указано, грубо сколоченную мебель.

развивается в ненецком языке, где формы стативного глагола *насортась* ‘быть шершавым’ обозначают неприятные физиологические ощущения при тактильном контакте с объектами небольшого размера. Так, эта лексема используется в ситуациях попадания соринки в глаз (5), камешка в ботинок, волос за воротник в процессе стрижки.

- (5) Сэв-ми’ / сэв-хэна-ни’ **насорта**.
 глаз-POSS1SG глаз-LOC-POSS1SG быть.шершавым:3SG
Мне в глаз что-то попало (букв.: Глаз мой шершавый / В моем глазу шершаво).

К этому же классу метафор можно отнести и употребление прилагательных по отношению к **душевному состоянию человека**, отмечаемое у эрзянского *казямо*, ср. предложение (6) из шокшинского диалекта эрзянского языка, применимое в тех случаях, когда человек чем-то сильно расстроен или взволнован (рассматриваемое прилагательное произносится в шокшинском диалекте как *казяма*, не имея при этом семантических отличий от литературного эрзянского).

- (6) Седий-ть нанг-са **казяма**.
 сердце-DF.GEN верх-ESS шершавый
На сердце тяжело.

В-четвертых, в некоторых языках прилагательные наличия неровностей переносно характеризуют **неблагоприятные погодные условия** (например, суровую зиму или период половодья), как эстонское *kare* и эрзянское *казямо* (7).

- (7) Мизярда тунда чадыведь-те-ст куду-тне ай вай-ть, сестэ минь
 когда весной половодье-DF-EL дом-PL.DF IPF тонуть-PL тогда мы
 ёфта-тама, што тунда-сь лембе и **казяма**.
 сказать-PRS.1PL что весна-DF.NOM теплый и шершавый
Когда весной в половодье дома тонут, тогда мы скажем, что весна теплая и суровая.

4. ФАКТУРА ПОВЕРХНОСТЕЙ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ ЗВУЧАНИЯ

Интерес для лингвистической теории и типологии представляют данные о связи семантических областей фактуры поверхностей и звучания. Это явление уже упоминалось и в типологической литературе (ср. сборник (Hinton et al. (eds.) 1994), во вводной статье которого на с. 10 в списке семантических групп, где частотна звукоизобразительная лексика, упоминается и группа фактуры поверхностей), и в работах по уральским языкам, как, например, в статье

(Казакевич 1994: 211), где перечислен целый ряд энецких звукоизобразительных слов, характеризующих гладкие (*lidd* ‘гладкий (о поверхности земли, воды)’, *not* ‘быть гладким (о волосах); быть аккуратным (об одежде)’ и др.) или, напротив, негладкие (*d'er* ‘неровная поверхность (нарост на дереве, шрам)’, *naøe?* ‘о шершавом, шероховатом’) поверхности. Примеры такого рода находятся и в нашем материале. Так, одно из марийских прилагательных, описывающих шершавые поверхности, – *коштыра* – оценивается информантами как звукоизобразительное (ср. также приводимые в «Словаре марийского языка» (1990-2005) слова *кыштыр-коштыр* ‘подражание звуку шуршания, шороха’, *коштыр-коштыр* ‘подражание скрипу, хрусту, резкому шуршанию чего-л.’, *коштыртаташ* ‘скрипеть, хрустеть, издавать резкий шорох’) и связывается в первую очередь с негладкими поверхностями, при контакте с которыми может образовываться шуршащий звук (обветренные руки, корочка на ссадине, грубая ткань).

Еще одной иллюстрацией может послужить полисемия удмуртских слов с изобразительным корнем *čаж* (*čаж*, *čаж-čаж*, *čажыр*, *čажырес*). Исходно слово *čаж-čаж* исходно описывает звуки, например, шум ливня, шипение масла при жарке (8), звук при работе пилой, а также звук трения о шероховатую поверхность.

- (8) Мон таба-ен картошка жарить кары-сько,
я сковорода-INSTR картошка жарить делать-PRS
вй-эз *čаж* кар-е.
масло-POSS3SG шипение делать-PRS.3SG
Я на сковороде картошку жарю, масло шипит.

В северных говорах удмуртского языка слова на *čаж* переносно описывают фактуру таких поверхностей, при трении о которые возникает обозначаемый ими звук. Так, эти слова применяются к небритому лицу (9), листьям вяза (10), мочалке, наждачной бумаге, точильному бруску.

- (9) Бам-ыз *čаж-čаж*, йёскадь брить кары-мтэ.
лицо-POSS3SG шероховатый аккуратно брить делать-PRT.NEG
Лицо шероховатое, аккуратно не побрито.
- (10) Ньюло-лэн куар-ез небыт но *čажырес*, бам-дэ нирты-сько-д
вяз-GEN лист-POSS3SG мягкий и шероховатый щека-ACC.POSS2SG
тереть-PRS-2SG
ке соин, *čаж-čаж* басыт-э, скал-лэн кыл-ыз кадь.
если он.INSTR шероховатый брать-PRS.3SG корова-GEN
язык-POSS3SG как
Лист вяза мягкий и шероховатый, если щеку потрешь им, чувствуется, что шероховатый (букв.: шероховато берет), как язык коровы.

Слова на *čajž* развивают и дальнейший метафорический перенос, описывая хорошо утоляющие жажду напитки (которые как бы «дерут горло» – отсюда и возникает перенос), например, квас или родниковую воду (*čajž-čajž ošmes vu* ‘освежающая (букв.: шероховатая) родниковая вода’).

5. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

В статье проанализированы противопоставления между прямыми значениями прилагательных наличия неровностей в уральских языках, касающиеся, во-первых, выделения крупных классов фреймов, за которыми типично закрепляются отдельные лексемы (поверхности с регулярными тактильно воспринимаемыми неровностями, поверхности с морщинистыми неровностями), во-вторых, более тонких оппозиций между фреймами шершавых поверхностей (размер неровностей, воздействие неровностей при контакте, различная категоризация поверхностей твердых и гибких объектов). Систематизированы модели семантических сдвигов, общей для которых является идея наличия недостатков или затруднений. Отдельный интерес представляет и отмеченный в некоторых языках звукоизобразительный характер лексем наличия неровностей. Полученные результаты предполагается использовать при более широком типологическом исследовании рассмотренной лексической группы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- КАЗАКЕВИЧ, О.А. (1994): «Изобразительная лексика энецкого языка» В кн. Знак: сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике. Памяти А.Н. Журина, Русский учебный центр, Москва, с. 203-212.
- КРУГЛЯКОВА, В. А. (2010): *Семантика глаголов вращения в типологической перспективе*. Дисс ... к.ф.н. РГГУ. Москва.
- НОСС: *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка* (2004). Ред. Ю.Д. Апресян. Языки славянской культуры; Венский славистический альманах. Москва; Вена.
- ПЛУНГЯН, В.А. (2011): *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. РГГУ. Москва.
- РАХИЛИНА, Е.В.; ПЛУНГЯН, В.А. (2007): «О лексико-семантической типологии». В кн. *Глаголы движения в воде: лексическая типология*, ред. Т.А. Майсак, Е. В. Рахилина, Индрик, Москва, с. 9-26.
- Словарь марийского языка (1990 – 2005). Гл. ред. И.С. Галкин. МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола. Электронная версия: www.marlamuter.org/muter/
- СПЕСИВЦЕВА, А.А. (2012): *Семантика прилагательных, описывающих качества поверхности, и прилагательных со значением «пустой» и «полный» (на материале испанского языка)*. Дипломная работа. РГГУ. Москва.

- СПИРИДОНОВА, Н.Ф. (2004): «Плоский, прямой и ровный, или как трудно описать форму предмета». В кн. *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой*, отв. ред. Ю.Д. Апресян, Языки славянской культуры, Москва, с. 235-241.
- EKSS: *Eesti keele seletav sõnaraamat*. Электронный ресурс: www.eki.ee/dict/ekss/
- HINTON, L.; NICHOLS, J.; OHALA, J. (eds., 1994): *Sound symbolism*. Cambridge University Press. Cambridge.

АТРИБУТИВЫ КАК ИСТОЧНИК ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ: ‘ПРЯМОЙ’ И ‘РОВНЫЙ’ В РУССКОМ, НЕМЕЦКОМ И ФИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Е.С. ЛУЧИНА, Т.И. РЕЗНИКОВА, И.А. СЕНИН

В последние десятилетия процесс грамматикализации — перехода лексических единиц в грамматические — привлекает к себе внимание значительного числа исследователей. Одним из основных вопросов, изучаемых в рамках данного направления, является соотношение исходной (лексической) и производной (грамматической) семантики: из каких лексических единиц может развиваться определённое грамматическое значение (ср., например, обсуждение источников для прогрессива или будущего времени в (Bybee et al. 1994)) и наоборот — какие грамматические значения может развить заданная лексическая единица (см., например, об эволюции глаголов движения и позиции в (Майсак 2005)).

Существенно при этом, что среди источников грамматикализации объектом анализа становилась по большей части предикатная и субстантивная лексика — атрибутивы почти не попадали в поле зрения специалистов по грамматической диахронии (показательно, например, что в известном каталоге путей грамматикализации (Heine & Kuteva 2002) в качестве источников фигурируют лишь два прилагательных). Между тем, признаковая лексика также нередко подвергается грамматикализации — принципы её эволюции ещё только предстоит изучить.

В настоящем исследовании особенности диахронических процессов в атрибутивах анализируются на примере лексем со значением ‘прямой’ и ‘ровный’. Кроме того, мы не могли не привлечь к рассмотрению лексемы со значением ‘равный’, т.к. во многих языках значения ‘ровный’ и ‘равный’ могут выражаться одной лексемой (ср. также пример языка идиш, где большая часть значений, характерных для ‘прямого’, ‘ровного’ и ‘равного’ выражается одним словом — *glaykh*). Материалом для нашей работы послужили данные

русского, немецкого и финского языков, полученные из корпусов¹, интернета² и опубликованных источников.

Общая тенденция развития интересующих нас лексем связана с их превращением в частицы: как фокусные, значение которых в общем виде связано с выделением элемента X из ассоциативного множества (ср. пример 1), так и модальные, вводящие различные виды оценки — количественную, по степени интенсивности (2), эпистемическую (3).

- (1) немецкий: *Eben* das solltest du wissen! ‘Как раз это тебе стоило бы знать!’
- (2) немецкий: Ich verdiene *nicht gerade* viel in diesem Beruf ‘Я зарабатываю *не особенно* много с этой профессией’.
- (3) русский: *Ровно* я тебя видал где-то?
Кроме того, ряд единиц развивает дискурсивные значения, толкование которых должно включать не только фигуру говорящего, но и фигуру адресата. К таким относятся, например, автономное употребление *eben*³ и *прямо* в качестве диалогической реплики.
- (4) немецкий: „Trotzdem hat er sich geopfert. Wie Émile Cottin und viele andere. Sind alle da unten gestorben.“ „*Eben*“, sagte ich. „Anscheinend nicht.“ ‘— Несмотря на это, он пожертвовал своей жизнью. Как Эмиль Коттен, как многие другие, он сложил там голову. — *В том-то и дело*, — сказал я, — вроде бы нет.’ (Мале Лео. Нестор Бурма. Километры саванов)
- (5) русский: — Мы напишем тезисы в срок. — (Ну) *прямо*!
Подобные значения являются результатом вторичной (или даже третичной) грамматикализации, что находится в соответствии с обобщением Э. Траугот, согласно которому процессы грамматикализации в различных языках обнаруживают сильную тенденцию включать семантико-прагматические изменения следующего вида:
- (6) пропозициональные (> текстовые) > экспрессивные значения (Traugott 1982: 256).

1. Мы пользовались Национальным корпусом русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>), Параллельным русско-немецким подкорпусом НКРЯ (<http://www.ruscorpora.ru/search-para-de.html/>) и Мангеймскими корпусами немецкого языка (<http://www.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora/>).

2. При поиске в интернете использовались поисковые системы Google (<https://www.google.com/>) и Yandex (<http://www.yandex.ru/>).

3. Согласно (Добровольский, Левонтина 2012), для описания семантики *eben* (употребляющегося как самостоятельно, так и нет) в первую очередь важна тимиологическая оценка (т.е. оценка по значимости), вводимая этой частицей. «В случае *eben* говорящий указывает на то, что в реплике собеседника была отмечена самая существенная составляющая ситуации, решающая для её правильного понимания» (ibid.: 141).

Характеризуя рассмотренные выше явления как примеры грамматикализации, мы опираемся на широкое понимание этого термина, принятое, в частности, в работах Э.Траугот, согласно которой «дискурсивные маркеры проходят в своём развитии те же этапы, что и грамматические показатели в ходе “обычной” грамматикализации», и «считать развитие дискурсивных маркеров примером какого-либо другого процесса, нежели грамматикализация, значило бы затемнить его сходство с каноническими шкалами» (Traugott 2003: 643; цит. по (Майсак 2005: 52)). Кроме того, для нас важна идея взгляда на грамматикализацию как на процесс развития грамматических конструкций; ср. следующее определение: «процесс, при котором лексические единицы и конструкции в определённых языковых контекстах приобретают грамматические функции и затем продолжают развивать новые грамматические функции» (Nopper & Traugott 2003: xv).

Итак, процесс грамматикализации является многоступенчатым, поэтому при описании каждого нового значения приходится учитывать свойства как исходной лексемы, так и всех промежуточных значений, стоявших на пути его образования.

Мы неслучайно сравниваем пути грамматикализации слов близких семантических полей. Представляется существенным, что разные лексемы с одним «абстрактным» значением могут иметь совершенно разный потенциал семантического развития, и подробный учёт всех исходных значений лексемы позволяет с большей точностью объяснить мотивацию семантических переходов при грамматикализации. Проиллюстрируем это на примере одного из выделенных значений, которое является результатом грамматикализации смысла 'прямой'.

Русское слово *прямой* и финское слово *suora* имеют два основных значения, которые отражены в сочетаниях *прямая линия* и *прямой рейс*, тогда как в немецком языке два этих значения распределены между словами *gerade* и *direkt* соответственно.

Значение «эмфатический симилятив», представленное в примерах (7–9), соответствует модификации «Иначе не скажешь» по (Баранов и др. 1993: 163): «...введение определённого элемента в качестве наименования ситуации или объекта означает исключение возможности описать эту ситуацию или объект с помощью более слабых характеристик». Симилятив сочетается с оценочными выражениями, сфера действия включает всю пропозицию, выражается атрибутивами со значением 'прямой'. Функция симилятива состоит в том, что говорящий, во-первых, отмечает сходство реальной ситуации P_1 и некоторой эталонной P_2 (= близость P_1 к прототипу), во-вторых, он оценивает статус ситуации по отношению к реальному миру, и даёт эту оценку *post factum*, по отношению к ситуации, истинность которой ему достоверно известна.

- (7) русский: Сами животные, как нарочно, *прямо* сияли чистотой и довольством.

- (8) немецкий: Es war *direkt* ein Vergnügen, mit ihnen zu arbeiten ‘С вами было *прямо* счастье работать’.
- (9) финский: Pöytä *suorastaan* notkui herkkuja ‘Стол *прямо* ломился от яств’.

Для развития подобного значения, как показывают наши данные, необходимо, чтобы единица выражала также значение непосредственности (представленное, например, в сочетании *прямой рейс*). Поэтому нем. *gerade* (значение ‘прямой’, связанное с формой), в отличие от *direkt* (‘прямой’, связанное с направленностью), не выражает значения непосредственности и, соответственно, не развивает значения эмфатического симилятива. Показательно, однако, что в сочетании с направительной частицей *zu* нем. *gerade* может обозначать как непосредственность, так и симилятив.

- (10) немецкий: Bei Anbruch des Tags machte sich der Trommler auf, hing seine Trommel um and ging ohne Furcht *geradezu* in den Wald hinein ‘На рассвете барабанщик поднялся, повесил свой барабан через плечо и бесстрашно двинулся *прямо* в лес’. (Братья Гримм. Барабанщик)
- (11) немецкий: Aber jetzt ist die Situation *geradezu* katastrophal ‘Но сейчас ситуация *прямо-таки* катастрофическая’.

Пути грамматикализации определяются не только значением лексемы-источника; важны, как отмечалось ранее, и промежуточные значения. При этом одинаковые значения, влекущие за собой одни и те же переходы, могут быть образованы из разных источников. Проиллюстрируем это свойство.

Близость (12) является одним из центральных фреймов, поскольку даёт наибольшее количество переходов и покрывается большинством лексем.

- (12) немецкий: Sie lebt *direkt* am Meer ‘Она живёт *прямо* на море’.

Среди источников значения близости можно выделить: А) значение непосредственности (\approx ‘отсутствие промежуточных этапов и посредников’), являющееся наиболее типичным (ср. примеры 13–15); В) значение краткого временного интервала (такой эксклюзивный путь развития демонстрирует немецкое прилагательное *gleich*; 16–17).

- (13) финский: Tee matkanteko helpoksi ja lähde lomalle *suoraan* Oulusta ‘Сделай планирование путешествия простым и отправляйся в отпуск *прямо* из Оулу’.
- (14) финский: Käyttäjät voivat istua *suoraan* kameran edessä tai jopa kolmen metrin etäisyydellä ja näkyä silti tarkasti ‘Пользователи могут сесть *прямо* перед камерой или даже на расстоянии трёх метров и быть видимыми оттуда чётко’.

- (15) финский: Nyt mietin, pitäisikö odottaa ja katsoa vai mennä *suoraan* huomenna työterveyteen... 'Сейчас обдумываю, стоит ли подождать и посмотреть или пойти *прямо* завтра в здравпункт'.
- (16) немецкий: Geheiratet haben wir *gleich* nach dem Krieg 'Поженились мы *прямо* после войны'.
- (17) немецкий: Die Bäckerei ist *gleich* um die Ecke 'Булочная *сразу* за углом'. Кроме временных значений (ср., например, 15) пространственная близость развивает также оценочные употребления (18–19).
- (18) финский: Heinäkuun lopulla avaan verkkokaupan. Silloin voit tehdä ja maksaa tilauksesi *suoraan* kotona 'В конце июня мы открываем интернет-магазин. Тогда вы сможете делать заказы и оплачивать их *прямо* дома'.
- (19) немецкий: Die Hemden haben mir so gut gefallen, da habe ich *gleich* fünf davon gekauft 'Мне так понравились эти рубашки, что я купил *аж* пять'.

Кроме того, в соответствии с наблюдениями (Fleischman 1989), значения пространственной и временной близости могут использоваться в широком круге контекстов для обозначения когнитивной близости. Так, в ряде случаев единицы *прямо*, *gleich*, *direkt*, *suorastaan* фигурируют в качестве скалярных операторов над множеством альтернатив, выстроенных по шкале вероятности/желательности и др.

- (20) русский: Среди них первое место занимало жившее в ней чувство к Тургеневу, если и не *прямо* враждебное, то во всяком случае полное крайнего недоверия, смешанного с какою-то смутною боязнью.
- (21) немецкий: Es muss nicht *gleich* Champagner sein, einfacher Sekt tut es auch 'Это необязательно должно быть *прямо* шампанское, достаточно обычного игристого вина'.

Помимо наличия тех или иных семантических компонентов в толковании исходных лексем, на конечных значениях могут отражаться их сочетаемостные свойства. Прилагательные 'ровный'/'равный' в процессе грамматикализации склонны развиваться не только в частицы, но также и в предлоги и союзы (для 'прямого' такое развитие, насколько позволяют судить имеющиеся данные, нехарактерно). Ср., например, употребления в качестве сравнительного союза (22–23), сравнительного предлога (24), присоединительного союза (25), элемента уступительной конструкции (26).

- (22) русский: — Что ж у тебя болит-то, маленький мой? — спрашивала бабушка Ита, как у взрослого, у Аркаши, и он тоже, *ровно* взрослый, отчитывался перед нею. (Виктор Астафьев. Пролетный гусь)
- (23) русский: Этот ливень переждать с тобой, гетера, / я согласен, но давай-ка без торговли: / брать сестерций с покрывающего тела — *все*

равно что dranku требовать от кровли. (И. Бродский. Письма римскому другу (из Марциала))

- (24) немецкий: *Gleich seinem Vater ist auch er Arzt geworden* ‘Подобно отцу, он стал врачом’.
- (25) русский: Однако с началом президентства Путина идея демилитаризации ФПС, *равно как и* прочих ведомств, была положена под сукно.
- (26) немецкий: *Ob er gleich unschuldig war, nahm er doch die Strafe auf sich* ‘Хотя он и был невиновен, он принял наказание’.

По всей видимости, развитие этих и других синтаксических функций, по крайней мере, для прилагательного ‘равный’, оказывается более доступным в связи с наличием у него большего числа семантических валентностей (в частности, эталона сравнения и параметра сравнения), однако этот вопрос требует более детального изучения. Важно, что во всех рассмотренных выше синтаксических употреблениях ‘равный’ сохраняет отчётливую связь с исходной идеей равенства. ‘Ровный’ в разных языках в той или иной степени также сохраняет связь с идеей равенства, и для него синтаксические употребления тоже возможны (ср. пример 22), хотя и менее характерны.

Таким образом, типологический и диахронический подход к изучению частиц и других служебных слов открывает качественно новые возможности их исследования. Действительно, обычно значения частиц анализируются в пределах одного, реже — пары языков. Наиболее удачные внутриязыковые описания выявляют тонкие семантические свойства той или иной частицы, однако эти результаты в силу своей детальности трудно сопоставимы с данными других языков. Межъязыковой анализ носит, как правило, контрастивный характер: его задача — обнаружить такие контексты, в которых допустима частица одного и невозможна частица другого языка. Однако контексты такого рода не дают общего представления о типах возможных противопоставлений в семантике частиц. Напротив, обращение к источнику грамматического значения позволяет чётко очертить пространство семантических возможностей, открытых для единиц заданного класса, и тем самым построить системные, сопоставимые друг с другом описания частиц в каждом конкретном языке.

БИБЛИОГРАФИЯ

- БАРАНОВ, А.Н., ПЛУНГЯН, В.А., РАХИЛИНА, Е.В. (1993): *Путеводитель по дискурсивным словам русского языка*. Помовский и партнеры. Москва.
- ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Д.О., ЛЕВОНТИНА, И.Б. (2012): «О синонимии фокусирующих частиц (на материале немецкого и русского языков)». В кн.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая–3 июня 2012 г.)*. Вып. 11 (18). Издательство РГГУ. Москва.

- МАЙСАК, Т.А. (2005): *Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. Языки славянских культур*. Москва.
- BYBEE, J., PERKINS, R. & PAGLIUCA, W. (1994): *The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world*. University of Chicago Press. Chicago.
- FLEISCHMAN, S. (1989): "Temporal distance: A basic linguistic metaphor", *Studies in language*, 13, 1, pp. 1–50.
- HEINE, B. & KUTEVA, T. (2002): *Word lexicon of grammaticalization*. Cambridge University Press. Cambridge.
- HOPPER, P. & TRAUGOTT, E.C. (2003): *Grammaticalization*. Cambridge University Press. Cambridge.
- TRAUGOTT, E.C. (1982): "From propositional to textual and expressive meanings: Some semantic-pragmatic aspects of grammaticalization". In: LEHMANN, W. & MALKIEL, Ya. (eds.): *Perspectives on historical linguistics*. John Benjamins Publishing Company. Amsterdam/Philadelphia.
- TRAUGOTT, E. C. (2003): "Constructions in grammaticalization". In: JOSEPH, B.D. & JANDA, R.D. (eds.): *The handbook of historical linguistics*. Blackwell. Oxford.

ДВА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ОСТРЫЙ» В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

А.С. ПАНИНА

Семантическая типология не всегда может получить всю полноту необходимых данных о конкретных языках из существующих лексико-семантических исследований - как правило, для типологических задач требуется более подробное и многоаспектное описание, чем для задач, не выходящих за границы одного языка. Тем вернее обратное: типологическая перспектива чрезвычайно полезна для лексической семантики.

В то время как традиционное, в особенности словарное, описание часто бывает сосредоточено скорее на прототипических употреблениях рассматриваемой единицы, на центре ее значения, вопросы типологической анкеты способствуют тому, чтобы очертить границы ее употребимости - т.е. уделить больше внимания тому, какие значения у нее отсутствуют. Такая смена перспективы, выявляя периферию значения слова, может пролить свет на инвентарь его переносных значений и связи между ними. Данная статья, описание двух квазисинонимичных японских прилагательных со значением 'острый', стала результатом заполнения типологических анкет для японского языка в рамках исследования М. Кюевой, посвященного полю 'тупой - острый' (см. ее статью в данном сборнике).

Понятие «острый» в современном японском языке описывается прилагательными *surudo* и *togatta*. С точки зрения морфологии только первое из них относится к словоизменительному типу предикативных прилагательных, второе же представляет собой лексикализованную форму прошедшего времени от стативного глагола *togaru* «быть острым»; однако подобные формы тяготеют к позиции определения, функционируют аналогично прилагательным и могут рассматриваться наравне с ними (Алпатов 2005).

Прилагательное *surudo* лидирует по общей встречаемости более чем в шесть раз (при поиске в японском сегменте сети интернет с помощью

системы Google), оно же богаче и на семантические переносы, однако *togatta* также вполне употребительно. В японских словарях значение *surudo* обычно толкуется как неспецифицированная острота, а *togatta* – более конкретно, как заостренная на конце форма, ср. англ. *sharp* vs. *pointed*.

Исходя из существования прилагательного *togatta*, можно было бы предположить, что *surudo* будет отличаться от него по сочетаемости, а именно тяготеть к названиям режущих инструментов с плоским лезвием, оставив колющие инструменты прилагательному *togatta*, поскольку они остроконечные. Однако подсчет вхождений в сети интернет не подтверждает такой тенденции: прилагательное *surudo* более частотно не только в целом, но и с конкретными острыми инструментами и квазиинструментами, независимо от их формы - с острым краем, как топор или бритва, и с острым концом, как игла или колючка. Соответственно, основным, физическим значением прилагательного *surudo* придется все же признать неспецифицированную способность хорошо резать или колоть.

От основного значения имеется также метонимический перенос, не отраженный в рассмотренных словарях: «острый → нанесенный острым предметом»: *Maru de same ni kamareta yo:-ni, surudo kizu ni narimashita* «Получилась резаная (букв. острая) рана, будто акула укусила».

Что касается метафорических значений, их можно разделить на три основные группы.

Первый метафорический перенос от основного значения дает группу значений «быстрый и интенсивный», метафора основана на том, что именно таким образом, быстро и интенсивно, воздействует на объекты острый инструмент. Если вдаваться в различия между контекстами, которые мне бы хотелось здесь объединить, придется выделить подгруппы едва ли не по числу лексем, с которыми сочетается *surudo*, но более целесообразным кажется описать их все вместе, даже такие разнородные ситуации как движение и звук: *Surudo do:sa de furimuita hazumi ni* «когда [она] обернулась резким движением», *kinniku mata wa jintai-no surudo nejire* «резкое скручивание мышц или связок», *surudo koe de takanaki suru yacho: mozu* «птицы-дрозды, кричащие высокими, пронзительными (букв. острыми) голосами» и т.п.

Впрочем, особую подгруппу в рамках данного значения придется выделить для состояний, характеризующихся только по интенсивности, но не ограниченных по времени: *shu:hen no «gendai ongaku» to no surudo kontorasuto* «яркий (букв. острый) контраст с окружающей современной музыкой», *Senaka ni mada surudo itami ga atta* «В спине все еще была острая боль» (в принципе, боль может осмысляться и как имеющая продолжительность, но конкретно в данном примере ее наличие описывается стативным глаголом *aru* «иметься»). Симметричного подзначения, где ситуация характеризовалась бы только по скорости, но не по интенсивности, по-видимому, нет – все встретившиеся в примерах быстрые процессы одновременно были и сильными.

От этого же значения «быстроты и интенсивности» можно произвести небольшое количество употреблений, осложненных дополнительным

метонимическим переносом: в них выражение лица или взгляд, не являясь «острыми» сами по себе, выражают готовность отреагировать таким способом, т.е. быстро и интенсивно: *Cho:senteki-na surudoï metsuki de Nobunaga wa So:eki o niramitsuketa* «Нобунага уставился на Соэки дерзким, острым взглядом» (взгляд и глаза, впрочем, чаще попадают в другую группу примеров, см. ниже).

Второй метафорический перенос от основного физического значения *surudoï* образует группу значений «откликающийся на малый стимул, чувствительный»; метафора основана на том, что к острому инструменту достаточно приложить малое усилие. В качестве спутников прилагательного *surudoï* здесь выступают способности и датчики (как инструменты, так и квазиинструменты, т.е. органы чувств – в том числе глаза, в противоположность примерам из предыдущей группы): *hoka no honyu:-do:butsu ga surudoï kyu:kaku to shikaku o shiji shite-iru ni mo kakawarazu* "несмотря на то, что другие млекопитающие обладают острым обонянием и зрением", *Kare no surudoï me wa hitotsu toshite ayamari o minogasanakatta* «Его острые глаза не пропускали ни единой ошибки».

Третью группу метафорических значений, «эффективный», видимо, также следует считать производной непосредственно от основного значения, а не от группы «откликающийся на малый стимул», хотя эти свойства тесно связаны: чувствительный датчик как раз и будет эффективным. В основном к данной группе относятся действия из ментальной сферы: *hihan* «критика», *shitsumon* «вопрос» и т.п. Эффективность заключается в том, что это вопросы и замечания по существу, о важных аспектах проблемы; часто они также являются неприятными для адресата, т.е. «травматически воздействуют» на него, что сближает данное значение с физическим, однако этот компонент не обязателен. Так, *kangae* «мнение» или *shiteki* «наблюдение» может быть просто точным: *Dokugo no kanso: o kiite miru to, kiwamete tadashii sohsite surudoï iken o nobeta* «После прочтения [я] спросил его о впечатлениях, и он высказал исключительно верное и пронизательное (букв. острое) мнение». Далее за счет метонимического переноса остроту можно приписать не только эффективному действию, но и его субъекту или инструменту: *seiji to seijika-no surudoï kansatsusha* «пронизательный наблюдатель политики и политиков», *surudoï zuno*: «острый ум (букв. мозг)» и т.п.

Прилагательное *togatta*, хотя и уступает *surudoï* по встречаемости в целом и с названиями колющих инструментов, все же лидирует в сочетаниях с именами некоторого семантического класса. Это предметы заостренной формы, не являющиеся инструментами и вообще не предназначенные для того, чтобы с их помощью воздействовать на что-либо – шляпы, крыши, уши и т.п.: *Ano toritori no hiroi senaka mo togatta bo:shi mo miemasen deshita* «Не видно было ни широкой спины птицелова, ни его островерхой шляпы», *Inu wa sasa no aida kara kuroi togatta kao o mukete matte-iru* «Собака ждет, повернув [к нему] из кустов черную острую морду». Это тяготение к нефункциональной остроте позволяет уточнить параметр, по которому противопоставлены *surudoï* и *togatta*, следующим образом: *togatta* описывает не просто определенную форму, а именно форму в противоположность функции.

Подтверждением этому служит и тот факт, что антонимом прилагательного *togatta* является не прилагательное *nibui* «тупой» (т.е. плохо колющий или режущий, функционально плохой), которому противопоставлено *surudo*, а прилагательное *marui* «округлый», описывающее также исключительно форму.

Togatta имеет всего две группы метафорических переносных употреблений, связанные между собой метонимическим переносом. Первое из этих двух метафорических значений – «провокационный», т.е. призванный или способный вызвать раздражение. Перенос основан на том, что оказавшийся в контакте с «заостренным» явлением наблюдатель метафорически травмируется, или может травмироваться, как при контакте с острым предметом: *Joyu: ni natta koro, kosei o dashite to iwarete, aete togatta fuku o kite-ita toki ga arimashita* «Когда я стала актрисой и мне велели проявлять индивидуальность, я одно время носила вызывающую (букв. заостренную) одежду», *Mada wakakatta tame da to omoimasu ga togatta hito-ga ookatta no desu* «Среди них было много конфликтных (букв. заостренных) людей, думаю, что по молодости» (обсуждаются фермеры-энтузиасты; дальше автор пишет, что пугался их идеологических споров). Заостренный предмет, не являющийся инструментом, из-за своей формы неудобен и даже опасен.

Симметричное переносное значение имеется у антонима *togatta*, прилагательного *marui* «круглый», напр. *maruku osameru* «мирно (букв. кругло) уладить» конфликт. Интересно, что метафора угловатости как эмоционального дискомфорта (хотя и не агрессивности) есть также у глаголов *kakubaru* «быть угловатым» и *shikakubaru* «быть прямоугольным (в противоположность круглому)»: ср. *(shi)kakubatta taido* «излишне церемонное, неестественное (букв. угловатое / прямоугольное) поведение».

В рамках данного значения можно выделить подгруппу, где теряется компонент отрицательной оценки, и от значения «раздражающий» остается «нестандартный до эксцентричности» - по-прежнему не гармонирующий с окружающим миром, но не обязательно агрессивный или провоцирующий агрессию: *Haipa:tekisuto toiu kotoba ga ichibu no togatta renchu: no aida de wadai ni narihajimeta koro datta* «Это было в те времена, когда слово "гипертекст" только-только появилось в разговорах небольшой продвинутой (букв. заостренной) тусовки», *Indonesia-go toiu togatta sukiru* «необычное (букв. заостренное) умение – знание индонезийского языка» и т.п.

Второе значение прилагательного *togatta*, «раздраженный», связано со значением «раздражающий» метонимическим переносом и строится на той же метафоре травмоопасности: *"Gomennasai". Sono hitokoto ga, aite no togatta kimochi o osamemasu.* «"Извини". Это слово укрощает раздраженное (букв. заостренное) настроение собеседника», также с дополнительным метонимическим переносом «раздраженный → выражающий раздражение»: *Michiru-no koe ga, togameru yo:-na, togatta hibiki-o obiru* «В голосе Митиру появляются обвиняющие, средитые (букв. заостренные) нотки».

Семантику обоих прилагательных можно резюмировать следующим образом. Острый инструмент производит в обрабатываемом материале немедленные

и сильные изменения, не требуя большого приложения силы; эти три центральных компонента – «быстро», «интенсивно» и «в ответ на малый стимул» – в разных сочетаниях присутствуют во всех переносных значениях слова *surudo* как наследие функциональной остроты. Для *surudo* острота мыслится с точки зрения агенса, использующего инструмент. Поскольку в общем случае это наилучшее состояние для инструмента, неудивительно, что среди значений *surudo* есть положительно окрашенные (острое зрение, меткое замечание и т.п.).

Напротив, прилагательное *togatta* описывает форму, которая нефункциональна и сама по себе пассивна, но может оказаться травмоопасной для окружающих. Переносные значения *togatta* не обязательно несут отрицательную оценку, ср. *togatta ningēn* «спорщики» и *togatta renchu*: «продвинутая тусовка» в примерах выше, да и неудобные, конфликтные люди нередко упоминаются в контексте их пользы для коллектива; тем не менее всегда подразумевается вероятность, что при взаимодействии с ними окружающие могут испытать неприятные чувства.

Таким образом, можно наблюдать, как прямое, физическое значение обоих прилагательных определяет развитие их переносных значений.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АЛПАТОВ В.М. (2005): «Семантические классы японских глаголов». В кн.: *Актуальные вопросы японского и общего языкознания*. Восточная литература, Москва
- Shinwaei-daijiten* (2003): (Большой японско-английский словарь), Kenkyusha, Tokyo
- ХИДА Ё., АСАДА Х. (1991): *Gendai keiyōshi yōhō jiten* (Словарь употреблений современных прилагательных), Токио
- Daijisen* (1995) (толковый словарь), Сёгакукан, Токио
- Kojien* (1998) (толковый словарь), Иванами, Токио
- Aozora-bunko* (онлайн-библиотека) www.aozora.gr.jp
- BCCWJ: Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese (Сбалансированный письменный корпус современного японского языка) <http://www.kotonoha.gr.jp/>

CAPÍTULO V.
TERMINOLOGÍA Y TIPOLOGÍA LÉXICA

MARITIME TERMINOLOGY AND TYPOLOGICAL PARALLELS:
CLASSIFICATION OF LEXEMES ACCORDING TO 'THE GEORGIAN
DICTIONARY' BY SULKHAN-SABA ORBELIANI

IRINE CHACHANIDZE

In order to study the history and culture of Georgian people it is necessary to consider navigation and navigation-related issues since a lot of historical topics are closely connected to the problem of navigation: trade, urbanization of a coastal area and settlement issues, fishing, water cult, piracy and etc. The study of the history of navigation implies the research of the issues such as sea and river roads, harbors, boat building, folk knowledge of the navigation and etc.

The Georgian maritime language like the languages of other nations has its own characteristic features - conditionality and terminology.

General term for water transport is a boat. The ships of different displacement and function have their own names as well.

The study of Georgian maritime terminology shows that according to the origin it can be divided into three categories. In our country the terms that have entered from Ancient Greece and Byzantium are used in navigation field from the ancient times till about the 16th century. From the 17th century the increase of Turkish influence can be observed. A lot of naval terms are borrowed from this language. Only a small amount of these words are specifically Turkish. The majority of them is of Italian, Greek origin or belongs to European or Eastern nations.

An outstanding lexicographer Sul Khan-Saba Orbeliani should be considered to be the first researcher of the Georgian naval terminology (1658-1725). The Dictionary of Georgian Language ('Sitkvis Kona') provides the names of navigation means and their brief descriptions. Moreover, the dictionary gives the explanations of the names of separate parts of navigation tools and crew members. Saba provides the following names: 'A boat - it is a general term for all types of boats. A small boat is referred as 'nusha' (a small sailing boat) and a bigger one as

a ship (varcli, k'op'ano, k'arap'a, k'arč'ap'a, xumaldi, k'arapita, očxomeli, olan č'k'anderi, k'at'arγa,) ('vartsli' – a small boat, 'kopano' – a medium-sized river boat, 'karapa' – a longboat, 'karchapa' – a barge, 'khumaldi' – a ship, 'ochk-homeli' – a cargo boat, 'olechkanderi' – a small launch, 'katargha' – a warship). They are arranged in order of increasing size; 'khumaldi' and 'dromoni' (a ship) are the biggest military vessels'.

The Georgian maritime language like the language of other nations has its own characteristic features - conditionality and terminology. However, borrowing and assimilating foreign terms and technical advances is not new for the Georgian language. It is a common phenomenon for any maritime nation. For example, navigational achievements of ancient Egyptians were adopted and developed by Phoenicians, the Egyptians learnt a lot from the latter, while the achievements of Phoenicians were advanced by Greeks similar to the achievements of Vikings that were improved by Englishmen and other European nations. It is known that more than 90% of Russian maritime terminology is borrowed from English, German and especially from Dutch. All the words connected to navigation and trade activities entered Russian language from Dutch since Peter the Great studied the art of construction and navigation in Holland and he established his first trade links with this country.

As it is well known a sail is a part of the boat made of piece of canvas by means of which the force of the wind is converted to propel the vessel which is a huge step forward in the development of navigation. Sailing boats were widely spread in Georgia. (e.g. in I-II B.C 'The Colchian Royal Ship' with a rectangular sail was well-known.).

Concerning the sail Niko Mari states that this term was brought to Georgian language from Abkhazian (Mapp 1938: 87.) However, he notes that the modern life of Abkhaz people does not provide the proof for the above-mentioned.

As Saba notes 'A sail is a windsock of boats and ships that is pushed by the wind and moves vessels'. In the Armenian language a sail corresponds to 'Apragast' that means a curtain, a sail of the boat and is borrowed from the Georgian language. In Old Georgian an equivalent of the word curtain is a yard ('ezo'). It can also be found with the meaning of a sail. A boat with sails was also referred as 'Ezombuli' in the Old Georgian language. The word 'парус' in Russian and in many other languages is derived from Greek φάρος, while in French, Dutch and German the Latin lexeme of a sail – velum can be observed. It is obvious that, rich Georgian traditions of producing textiles for sails comes from the ancient times and therefore, we can assume that the term 'Apra' (a sail) must have been formed in the bosom of the local Kartvelian languages.

Laz sailing boats - 'felucca' was the most common maritime transport in Georgia: the boat was used for different purposes: transporting passengers and cargo, fishing. Due to its light weight and high speed it was very convenient for piracy. Laz were very skillful in any activity connected to the sea. Vakhushti Batonishvili (prince) states: 'They are men skilled in woodcraft and construction

of big and small boats'. Laz boat is similar to Arabic boat with a triangular sail _ Dkhau and Shebek (piratical) as well as to Patamar (India), Proa (Polynesia), Drakar (Viking), Caraca (Spain), Kharaka (the Nile) which according to some authors entered the Spanish language as 'haloque' and through the labialization of the initial form of aspiration the name _ faluca was obtained (Italian _ Felucca, Turkish _ Faluce, Russian _ Фелюга, Georgian _ Feluka). From the Turkish language a new term 'feluka' entered the Laz language which denoted a ship and any type of a boat of the European mark.

Laz people were densely populated in present Turkey. The main driving force of the Laz language like of all languages is the processes arising in its bosom - the internal laws of language development. This should not be perceived as if the influence of other languages is excluded. In the civilized world languages do not exist in isolation. Language contacts have always been and will be one of the sources of the development and evolution of languages. However, the influence of the Turkish language on the Laz language is mainly manifested in the form of lexical units. (Kutelia 2005:8-9).

Arn. Chikobava believes that f spirant is well-based in Laz speech: 'Chan language is so strongly influenced by foreign languages that it borrowed a sound ... (Chikobava Arn., Grammatical Analysis of Chan, Tbilisi, 1936, 15). There is a large number of lexical units involving the sound. Basically, they are borrowed from the Greek and Turkish languages, but nowadays they have become an integral part of Laz vocabulary, for example the lexeme 'f'eluka _ 'a boat'.

According to the dictionary by Sulkhan-Saba we can provide the classification of the lexemes as follows:

- Military or war ships (dromoni, k'at'arya, xomaldi).
- Small boats (k'rap'a, k'op'ano, peluk'a ' sandali, olan č'k'anderi).
- Categories of the lexemes denoting boatmen (manave, navt'uri, mesali k'e)
- Lexemes denoting attributes of a boat (aŋa, apra, ialkani).
- Lexemes denoting aquatic animals (alit'rioni, vešap'i, k'aridi', lokora).

In his documented dictionary Sulkhan-Saba used almost all types of literature existing by this time as the source for determining navigation terms - both fiction and history. In addition to Georgian sources, Orbeliani frequently refers to Armenian, Latin, Greek and Arabic dictionaries.

REFERENCES

- BERADZE T. (1981): Seamanship in Old Georgia. Tbilisi. (In Georgian)
- CHIKOBAVA ARN. (1936, 15): Grammatical Analysis of Chan (Laz). Tbilisi
- KUTALEISHVILI Z. 1(987): Navigation in Georgia. Tbilisi.
- KUTELIA N. (2005, 8-9): Phonemical system of Laz. Tbilisi.
- SULKHAN-SABA ORBELIANI (1991): The Georgian Dictionary, Tbilisi.

История лексики русского литературного языка конца XVII – XIX века (1981): Москва (64-65).

Морской энциклопедический справочник: в двух томах (1986): Ленинград, .
МАРР Н. (1938, 87): О языке и истории абхазов. Москва.

ВЛИЯНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ЛОГИСТИКИ НА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНУЮ: ЗАИМСТВОВАНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ И ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Ю.Э. ДОРОХОВА

Целью статьи является рассмотрение терминов логистики немецкого языка, заимствованных из английского языка.

Логистика - одна из наиболее динамично развивающихся сфер современного менеджмента. За последние десятилетия логистическая деятельность вышла за пределы традиционных задач транспорта, грузопереработки, складирования. В современном мире логистика организует цепи поставок, которые в условиях глобализации охватывают множество стран. Это накладывает отпечаток на развитие терминологической лексики логистики. Интернационализация - вот, пожалуй, главная черта этого пласта лексики. Так, основным способом образования новых терминов в немецком языке становится заимствование, причем большинство заимствований, как и в других сферах, происходит из английского языка. Это объясняется тем, что США - страна с наиболее высоким уровнем развития логистических процессов и услуг, здесь появляется особенно много инноваций в сфере логистики. Термины, относящиеся к традиционным сферам логистики – транспорт, перевалка и грузопереработка, складирование – являются словами немецкого языка: Abladestelle, Absatzlager, Annahmeverzug, Begleitschein, Bereitstellung, Anlieferung, Bestandsbewertung, Bevorratung. В то же время термины, обозначающие новые сферы деятельности, методы, явления, концепции логистики, в большинстве своем являются заимствованиями из английского языка. По своей структуре большинство таких терминов – имена существительные или именные словосочетания. К группе существительных относятся такие термины, как Benchmarking, Procurement, Carrier, Coaching, Crossdocking, Controlling, Outsourcing, Outtasking, Handling, Insourcing, Maintenance, Repair and Operations, Outlet, Postponement, Recycling, Tracking and Tracing.

Сочетания прилагательное + существительное также весьма многочисленны: Agile Manufacturing, Continuous Replenishment, Electronic Commerce, Efficient Promotion, Efficient Replenishment, Global Sourcing, Multiple Sourcing, Single Sourcing, Lean Production, Public Private Partnership, Quick Response.

К группе причастие + существительное и причастный оборот + существительное относятся следующие термины: Activity based Costing, Computer Integrated Logistics, Computer Integrated Manufacturing, Computer Integrated Merchandising, Value Added Services, Vendor Managed Inventory.

Для английского языка характерны сочетания двух или более существительных, первое из которых выполняет функцию определения к следующему: Air Waybill, Bulletin Board System, Supply Chain Dynamics, Cargo Community System, Category Management, Content Management, Customer Relationship Management, Cost Driver, Data Warehouse, Demand Management, Distribution Requirements Planning, Enterprise Application Integration, Enterprise Resource Planning, Facility Management, Hub-and-Spoke-System, Supply Chain, Supply Chain Management, Target Costing, Transaction Processing System, Yield Management.

Данный тип словосочетаний может усложняться за счет использования прилагательного в роли определения к одному из существительных: Bare Boat Charter, Direct Store Delivery, Efficient Consumer Response, Electronic Data Interchange, Electronic Funds Transfer, Intelligent Transportation System, New Product Introduction, Total Customer Care, Total Quality Management.

Среди английских заимствований встречаются и предложные конструкции, перешедшие в немецкий язык как целостные образования: Make to Order, Available to Promise, Make to Stock, Time to Market, Time to Serve, Point of Sale, Bill of Lading, Cash on Delivery, Work in Process, Just-in-Time:

Die Umsetzung des Konzeptes Available to Promise bedingt Mengen- und Durchlaufzeittransparenz sowie einen leistungsfähigen Reservierungs- und Zuteilungsalgorithmus. (Gabler, 2004)

Наконец, встречаются слова и словосочетания, один из компонентов которых заимствован из английского языка, а второй – немецкое слово: Transshipment Punkt, Eventlogistik, Pull-Prinzip, Push-Prinzip, Paybackzeit, Layoutplanung, Make-or-buy-Analyse, Roll-on-Roll-off-Verfahren.

Соответствующие английские термины переходят в немецкий язык, сохраняя свое написание и звучание. Они лишь частично приспосабливаются к правилам немецкой орфографии, в частности, существительные пишутся с большой буквы: Activity based Costing, Break Bulk Point, Bill of Lading, Bulletin Board System, Yield Management, Agile Manufacturing, Category Management, Clearing Center, Content Management, Crossdocking, Data Warehouse, Time to Market, Tracking and Tracing и т.д. Характерной особенностью таких сочетаний является то, что все их компоненты пишутся с большой буквы, даже если в исходном языке они не являются именами существительными: Computer Integrated Logistics, New Product Introduction, где Integrated – причастие, а New – прилагательное. Впрочем, это правило соблюдается не всегда, как можно видеть на примере словосочетания Activity based Cos-

ting, в котором причастие based, в соответствии с логикой вещей пишется с маленькой буквы:

Activity based Costing macht den Deckungsbeitrag aussagekräftiger, indem die vollen Kosten verursachungsgerecht den Kostenträgern zugerechnet werden. (Integrated Logistics Systems)

Морфологическая ассимиляция происходит неравномерно. Практически полностью приспособляются к немецкой морфологии имена существительные. Они имеют грамматический род и изменяются по падежам: der Point of Sale, das Demand Management, das Electronic Commerce, das Enterprise Resource Planning, das Global Sourcing, das Outlet, die Efficient Promotion, die New Product Introduction, die Supply Chain;

Das Internet bietet neue Möglichkeiten für ein Controlling (Akkusativ) der Distributionskosten. (Buchholz, Werner, 2001).

У прилагательных процесс ассимиляции происходит не так быстро. Некоторые калькированные сочетания говорят о том, что прилагательное склоняется по правилам склонения прилагательных в немецком языке: agile Fabrik – прилагательное agil имеет окончание –e, характерное для сильного склонения, именительного падежа женского рода. В то же время в заимствованном из английского языка словосочетании Agile Manufacturing, которое используется в немецком языке наряду с калькой, отсутствует окончание –s, которое должно употребляться у прилагательных перед существительными среднего рода, в том числе перед словом Manufacturing.

К заимствованным лексическим единицам можно отнести и кальки. Анализ терминологии логистики показывает, что калькирование (образование нового слова путем буквального перевода иноязычной единицы) является, пожалуй, не менее продуктивным, чем прямое заимствование. При этом прямое заимствование часто продолжает функционировать наряду с калькой, образуя синонимический ряд: Activity based Accounting – Aktivitätskostenrechnung, Computer Integrated Manufacturing – rechnerintegrierte Produktion, Make to Stock – Lagerfertigung, Material Requirements Planning – Materialbedarfsplanung, Transaction Process System – Transaktionsverarbeitungssystem, Hub-and-Spoke-System – Nabe-Speiche-System, Supply Chain – Versorgungskette;

Elektronischer Datenaustausch beinhaltet konsequente Nutzung elektronischer Datenübertragungstechnologien für die Abwicklung von Geschäftstransaktionen zwischen den Partnern der Supply Chain. (Logistik Glossar)

Damit Electronic Data Interchange branchenübergreifend genutzt wird, wurde der Standard EDIFACT entwickelt. (Wannennwetsch, 2002)

Данный факт объясняется тем, что термины – это лексические единицы с четко дефинированным, нормированным и во многих случаях даже стандартизированным значением, поэтому объем значения терминов не подвергается изменениям при заимствовании в другой язык, как это происходит с общеразговорными словарными единицами.

Словосочетания часто подвергаются сокращению, или аббревиации. Аббревиация как способ словообразования направлено на создание более

коротких и четких по сравнению с исходными структурами синонимичных им номинаций. Значительная часть терминологических словосочетаний логистики подвергается аббревиации, причем это происходит как с заимствованными из английского языка сочетаниями, так и с немецкими: Activity based Accounting (ABC), Cargo Community System (CCS), Completely Knocked Down (CKD), Enterprise Application Integration (EAI), Electronic Data Interchange (EDI), Efficient Consumer Response (ECR), Just-in-Time (JIT), Intelligent Transportation System (ITS), Maintenance, Repair and Operations (MRO), Supply Chain Management (SCM); Absetzung für Abnutzung (AfA), Bundesverband der Kurier-Express-Postdienste (BdKEP).

CIM (Computer Integrated Manufacturing):

CIM umfasst das informationstechnologische Zusammenwirken zwischen der rechnergestützten Konstruktion, Arbeitsplanung, der rechnergesteuerten Fertigung und der rechnergestützten Qualitätssicherung. (Gabler, 2004)

В некоторых случаях наряду с полной формой заимствуются иноязычные термины, у которых сокращение является компонентом слова – SWOT-Analyse (SWOT - strength, weakness, opportunity, threat).

Анализ значений заимствованных терминов показывает, что термины сохраняют взаимосвязь с концепцией и условиями, в которых они возникли. Толковый словарь логистических терминов следующим образом излагает значение термина Efficient Consumer Response (ECR) – данное заимствование из английского языка означает «эффективный ответ клиенту» (Gabler Lexikon Logistik, 2004:207-210). ECR – это стратегическая концепция менеджмента, в рамках которой торговля и производители сотрудничают как партнеры, чтобы рационально и эффективно организовать цепь создания стоимости, ориентированную на потребности потребителя. ECR включает два основополагающих аспекта: с одной стороны, благодаря кооперации в логистической цепи между производителями и торговлей должен быть реализован зрелый менеджмент цепей поставок (Supply Chain Management). С другой стороны, благодаря кооперации в маркетинге должен быть реализован согласованный категорийный менеджмент (Category Management) и предприятиями торговли в европейской пищевой промышленности. В основе ECR-концепции лежит мышление и действие, ориентированное на процесс, которое ставит целью целостную оптимизацию деятельности в логистической цепи. Это понимание процесса можно найти во многих актуальных концепциях менеджмента (например, Lean Management, Total Quality Management, Business Process Reengineering). Концепция Quick Response, первоначально использовавшаяся в текстильной промышленности, так же как концепция Just-in-Time автомобильной промышленности предшествовали концепции ECR. Всем этим концепциями присуще управление логистической цепью, ориентированное на спрос. В отличие от большинства методов, сфокусированных на логистике, ECR состоит из различных компонентов и элементов, возникших в логистике и маркетинге. Элементы ECR можно делить на следующие сферы: ECR-модули логистики, ECR-модули маркетинга и поддерживающие технологии

и техники. 1. ECR-модули логистики. А) Эффективное пополнение (Efficient Replenishment). Строится на точных данных сканера места продажи (Point of Sale) или склада, целью является компьютерный процесс обработки заказа для организации непрерывного стандартизированного автоматизированного процесса пополнения, чтобы удовлетворить актуальный спрос и не создавать избыточных запасов и дефицитов. Такая стратегия пополнения запасов требует смещения управления запасами с последующей ступени логистической цепи на предыдущую. Б) Кросс-докинг (Cross Docking). Чтобы минимизировать время изготовления изделия и связывания капитала в логистической цепи, ставится цель избежать избыточной погрузочно-разгрузочной деятельности в складской сфере. Для ускорения процессов товары, предварительно комиссионированные производителем в зависимости от потребителя, не хранятся на промежуточных складах, а сортируются в пунктах перевалки на отправления, предназначенные для определенного филиала и грузятся непосредственно на транспортные средства торгового предприятия. В) Синхронное производство (Synchronized Production). Благодаря данным о заказах становится возможным более эффективное планирование производства, а следовательно, оптимальные по затратам процессы и производственные циклы. Г) Интеграция поставок. Благодаря синхронному производству, базированному на спросе, поставщики могут быть включены в процесс, следовательно, они смогут управлять своим производством с оптимальными затратами и избегать ненужных запасов.

2. ECR-модули маркетинга. Со стороны маркетинга начала оптимизации ассортимента могут быть объединены под родовым понятием категорийный менеджмент (Category Management). В качестве мер, необходимых для реализации желаний потребителей, могут быть идентифицированы три маркетинговых инструмента. А) Эффективный ввод нового продукта - Efficient Product Introduction (EPI) и эффективная разработка продукта - Efficient Product Development (EPD). Прежде чем новый продукт достигнет рыночной зрелости, производители и предприятия торговли совместно разрабатывают концепцию продукта на основе ноу-хау, имеющихся у обоих предприятий. Эта концепция ориентирована на потребителя и служит тому, чтобы, с одной стороны, максимизировать эффективность, а с другой стороны, избежать дорогостоящего провала при вводе нового продукта. Б) Эффективная организация ассортимента на уровне филиалов - Efficient Store Assortment (ESA). Сначала с группой товаров соотносится определенная стратегическая роль в общей картине маркетинговой стратегии, а с отдельными артикулами этой группы – их стратегическая роль в ассортименте. При оптимизации ассортимента следует различать массовые товары, прибыльные товары и стратегические товары. Массовые товары делятся по критерию значение для сбыта, а прибыльные товары – по критерию суммы покрытия. Стратегические товары могут быть особенными и инновативными, а также компетентными. Целью является оптимизация продуктивности в сфере наличных запасов и площадей в точке продажи. В) Эффективное поощрение сбыта (Efficient Promotion). Благодаря тесному взаимодействию партнеров по логистической цепи

и непрерывному потоку информации становится возможным своевременное согласование с поставщиками требований к продаже, что поможет избежать негативных последствий эффектов раскачивания (раскачивание Форрестера) в логистической цепи, в форме избыточных закупок запасов. Тем самым может быть достигнуто согласование в деятельности по поощрению продаж между производителями и торговыми предприятиями, что окажет положительное влияние на всю систему и поможет снизить затраты. 3. ECR-технологии и техники (Enabling Technologies). Поддержку ключевым модулям ECR оказывают элементы современных информационных технологий в форме Electronic Data Interchange (EDI), Electronic Fund Transfer (EFT) и применение сканеров и европейских номеров артикулов (EAN-Code), а также бенчмаркинг, Activity Based Costing (ABC) и Business Process Reengineering. Полезный потенциал ECR зависит в большой степени от достижения критических масс во всей цепи создания стоимости. Посредством долгосрочных партнерских отношений между предприятиями, использующими ECR, не ориентирующимися на краткосрочную разницу в ценах на рынке, снижаются затраты на проведение сделок.

На примере термина ECR видно, что толкование термина невозможно без объяснения условий, в которых он возник, и взаимосвязей с другими терминами. Также можно отметить, что термины этой группы заимствуются вместе с логистическими концепциями, практиками и технологиями, которые они описывают.

Краткое рассмотрение немецких терминов логистики позволяет сделать вывод, что данный пласт лексики обладает высокой продуктивностью. Его характерной чертой является неологизация. Большая часть неологизмов является заимствованиями из английского языка. Немецкий язык принимает эти лексические единицы в свой словарный состав практически без адаптации, заимствования функционируют в немецком языке наряду с калькированными лексическими единицами. Данный факт свидетельствует о необходимости создания глоссариев и словарей, которые нормировали и стандартизировали бы терминологию данной отрасли.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BUCHHOLZ W., WERNER H. (2001): Supply Chain Solutions: Best Practices in e-Business. Schaffer-Poeschel Verlag. Stuttgart
- GABLER LEXIKON LOGISTIK: Management logistischer Netzwerke und Flusse. (2004) Betriebswirtschaftlicher Verlag Dr. Th. Gabler. Wiesbaden
- Integrated Logistics Systems. <http://www.ilsystem.de>
- Logistik Glossar. <http://www.acel.ch/service.glossar.php>
- WANNENWETSCH H. (2002): Integrierte Materialwirtschaft und Logistik: eine Einführung. Springer Verlag. Berlin, Heidelberg, New York

LEXICALIZACIÓN DIFERENTE DE LOS MISMOS CONCEPTOS ESPECIALIZADOS EN RUSO Y ESPAÑOL

OLGA KORENEVA

1. INTRODUCCIÓN

La globalización exige que la comunicación especializada se efectúe a nivel multilingüe. Los diccionarios organizados alfabéticamente no resultan eficaces en la mayoría de los casos. La necesidad de recursos terminológicos multilingües válidos plantea un desafío para los Estudios de Traducción e Interpretación y para la propia Terminología. La Terminología estudia los términos y conceptos subyacentes, pero mientras que los conceptos pueden tener carácter supralingüístico, existen diferentes formas en la percepción y la comprensión (conceptualización) de la misma realidad. Según Wierzbicka (1997), las distintas lenguas reflejan en su léxico diferentes perspectivas de la conceptualización. Maisak y Rakhilina (2007), Koptjevskaja-Tamm et al. (2010) y Majid et al. (2008), entre otros, subrayan la necesidad de estudios léxico-semánticos y cognitivos a nivel interlingüístico.

Pero mientras que existen numerosos estudios del lenguaje general, al lenguaje especializado no se le ha prestado mucha atención. La complejidad y el dinamismo del conocimiento especializado (CE) dificultan la adquisición y la representación de nociones de especialidad a nivel multilingüe y también afectan a su léxico. Los términos representan lingüísticamente el CE subyacente, lo codifican y transmiten. El hecho de que algunos conceptos de especialidad se lexicalizan de una forma especial o no lleguen a lexicalizarse en una lengua determinada plantea un problema para los traductores y terminólogos, crea lagunas terminológicas y entorpece la comunicación especializada. La nueva orientación lingüístico-cognitiva en Terminología - Terminología Basada en Marcos (TBM) (Faber et al. 2005, 2006; Faber 2011) - propone organizar el CE subyacente a la terminología para su mejor representación y transmisión en estructuras cognitivas esquemáticas supralingüísticas (marcos). Esta organización es la que más se acerca a la estructura

del lexicón mental humano y debe utilizarse en los recursos terminológicos de calidad- las bases de conocimiento terminológico. La TBM afirma que sólo la adquisición previa del CE puede garantizar el uso adecuado de la terminología. La metodología propuesta también ayuda a detectar y solventar los problemas terminológicos a nivel multilingüe y contribuye a la comunicación especializada.

El presente estudio de la terminología ruso-española propone describir la conceptualización del fenómeno natural medioambiental OLA en ambas lenguas. Se recurre a la Lingüística de Corpus y se analiza el segmento del conocimiento construido alrededor de OLA. La hipótesis de partida consiste en que la diferente procedencia de las lenguas del estudio – ruso (lengua eslava) y español (lengua romance) – junto con el aislamiento de la URSS de Occidente durante décadas producirían distintos enfoques de la conceptualización de los mismos conceptos especializados. Como objetivo final se pretende contribuir a la traducción y la terminología, mejorar la representación y la transmisión del CE en las bases de conocimiento terminológico multilingües.

2. FUNDAMENTOS TEÓRICOS

La TBM está inspirada parcialmente en Frame Semantics de Fillmore (1982) y propone utilizar los marcos como forma de estructuración cognitiva esquemática. Esta nueva orientación cognitiva en Terminología comparte postulados con la Teoría Comunicativa de la Terminología (Cabré 1999) y la Teoría Sociocognitiva de la Terminología (Temmerman 2000), que van en línea con la actuales corrientes rusas, que son la Terminología Cognitivo-Comunicativa (Manerko 2003) y el enfoque antropocentrista (Volodina 2000).

La TBM propone asegurar la equivalencia terminológica efectuando el estudio de los términos en su contexto, recurrir a la Lingüística de Corpus y a poner bajo la lupa a la conceptualización. Se insiste en la adquisición del conocimiento especializado previo de forma estructurada. Para ello se debe prestar mucha atención a la reconstrucción del sistema conceptual subyacente a los conceptos y al estudio de las relaciones conceptuales (*is_a, part_of, caused_by*), sobre todo las no jerárquicas.

Gracias al estudio de corpus extenso perteneciente al dominio medioambiental y a la organización de los conceptos claves se ha podido detectar la presencia de un marco supralingüístico prototípico para este dominio que tiene forma de evento dinámico. Se trata del Evento Medioambiental (EM) que prevé el uso de las macrocategorías AGENTE, PACIENTE/RESULTADO, PROCESO/ESTADO, LUGAR y DESCRIPCIÓN. La existencia de estas macrocategorías implica la activación de las relaciones conceptuales en su mayoría no jerárquicas, tales como: *caused_by, affected_by, result_of, phase_of, located_in, attribuite_of, part_of*, etc. De este modo cualquier segmento del conocimiento medioambiental tendría cabida en esta organización. Por ejemplo: MAREA es *paciente* (la relación conceptual activada *caused_by*) para el *agente* la FUERZA GRAVITACIONAL

DE LA LUNA, tiene a su vez a su *paciente* que es EL NIVEL DEL AGUA (*affected_by*) al que eleva en un *lugar* que es, por ejemplo, el MAR (*located_in*), donde la ELEVACIÓN DEL NIVEL DEL MAR sería su *resultado* (*result_of*); también representa un *proceso* con sus *estados* MAREA BAJA o MAREA ALTA, y tiene los elementos descriptivos o herramientas, tales como: MAREÓGRAFO, TABLA DE MAREA, etc.

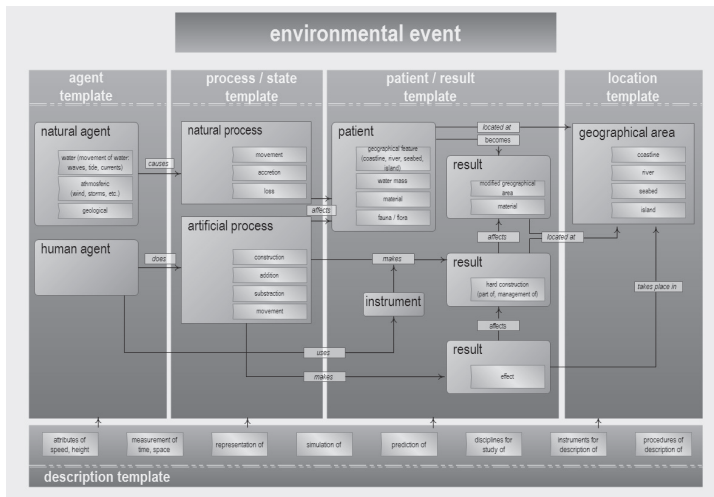

Fig. 1 Evento Medioambiental [ver archivo aparte]

La TBM encontró su aplicación práctica en la base de conocimiento terminológico EcoLexicon (<http://ecolexicon.ugr.es>). Se trata de un tesoro multilingüe (7 lenguas: inglés, español, alemán, francés, ruso, griego moderno y neerlandés) que dispone de más de 3.000 conceptos especializados del dominio medioambiental y de más de 10.000 términos. Este recurso representa la estructura conceptual del dominio donde el concepto de búsqueda aparece rodeado de conceptos relacionados que vienen reflejados en su definición. Además, se dispone de recursos visuales, lingüísticos y conceptuales adicionales. Este tesoro puede ser utilizado como diccionario multilingüe.

3. METODOLOGÍA DEL ESTUDIO

El primer paso consiste en extraer el CE de la terminología. Para este fin se adaptan los enfoques *top-down* (analizar las definiciones existentes del concepto) y *bottom-up* (analizar el corpus). Para el segundo paso se ha recopilado un corpus bilingüe (16.000 palabras en cada lengua) que contiene textos destinados al público lego, semi-especialistas y expertos sobre el fenómeno. Gracias a la aplicación de la herramienta informática WordSmith Tools se pueden extraer las

concordancias - líneas de texto formadas alrededor del término de interés que dan la información exhaustiva sobre los conceptos asociados. De esta forma se detectan los conceptos claves para el segmento del conocimiento sobre OLA y se identifican las relaciones conceptuales existentes entre ellos. Su posterior organización en el marco del EM ayuda a asegurar la equivalencia terminológica multilingüe.

4. RESULTADOS

El análisis de las definiciones en ambas lenguas ha demostrado que las definiciones existentes contienen pocas relaciones conceptuales lo que dificulta la descripción eficaz del concepto. Por ejemplo: **Ola:** onda de gran amplitud [*is_a*] que se forma en la superficie de las aguas [*located_in*] (drae). **Волна** — это масса воды [*is_a*], которая образуется на поверхности моря, океана [*located_in*] и т. п. из-за сильного ветра или течения [*caused_by*] (Толковый словарь Дмитриева).

Las concordancias en ambas lenguas, en cambio, han aportado más información sobre el fenómeno y los conceptos asociados a éste y han proporcionado un amplio inventario de relaciones conceptuales, sobre todo no jerárquicas. Por ejemplo:

1 s, mareas o corrientes marinas. Las **olas** son movimientos cíclicos, es
 2 Antártico. Oceanus Ver Océano. **Ola:** Onda de gran amplitud en la s
 3 s crestas o dos valles sucesivos de **olas** de oscilación. Por debajo de
 4 céano abierto la mayor parte de las **olas** generadas por el viento tiene
 5 que tarda un valle o un pico de la **ola** en recorrer su longitud de **onda**
 6 esa energía. El movimiento de las **olas** del mar, denominado marea, q
 7 a la costa, a las aguas bajas, las **olas** sufren fenómenos de refracción
 8 la erosión marina producida por las **olas**, mareas y corrientes marinas
 9 donde fueron generadas se denominan **olas** tormentosas. Estas forma

Fig. 2 Concordancias en español

1 приобретают значение волны. В морях **волны** также оказывают з
 2 таточно указать на то, что ветровые **волны** на поверхности океана
 3 , слагающие скалы (см. Абразия). **Волны** активно разрушают при
 4 риливообразующими силами (приливные **волны**). Движущиеся су
 5 ли двумя гребнями называется длиной **волны**. Наибольшая длина
 6 волны, или фазовая скорость, период **волны**. Период ветровых В.
 7 что потеря мощности на образование **волн** превышает потерю на т
 8 озникают поверхностные и внутренние **волны** под действием Луны
 9 ный. После каждого взрыва возникла **волна**, заливавшая берега пр
 10 атмосферного давления (анемобарические **волны**), землетрясением,

Fig. 3 Concordancias en ruso

De esta forma se han podido detectar los conceptos claves asociados a OLA correspondientes a los *rol*s previstos por las macrocategorías del EM, como por ejemplo: *agente* (VIENTO/ВЕТЕР), *paciente* (COSTA/ПОБЕРЕЖЬЕ), *resultado* (EROSIÓN/АБРАЗИЯ), *lugar* (MAR/МОРЕ), *parámetros* (LONGITUD/ДЛИНА), etc.

Hay que señalar que el análisis de las concordancias y la estructuración en el marco del EM ha demostrado, por ejemplo, la repercusión a nivel léxico de la herencia interjerárquica ONDA/OLA (*tipo_de*). El uso del término compuesto *longitud de onda* de una ola en español vs. *длина волны* en ruso demuestra la existencia del “desequilibrio” terminológico debido a la distinta lexicalización de los mismos conceptos en lenguas diferentes. Asimismo, se ha identificado la asimetría en el uso terminológico (*erosión marina/абразия*, *olas de tormenta/анемобарические волны* (haciendo referencia a las olas producidas por el cambio de la presión atmosférica durante la tormenta) lo que debe tenerse en cuenta por un traductor especializado.

5. CONCLUSIONES

Como confirma dicho estudio terminológico ruso-español, la conceptualización depende de cada lengua y tiene repercusión a nivel léxico. Haciendo uso de la metodología propuesta por la TBM, se pueden estudiar diferentes enfoques de la conceptualización inherentes a distintas lenguas. De esta forma se consigue recopilar una información exhaustiva sobre los conceptos asegurando su equivalencia multilingüe o detectando lagunas terminológicas debidas a la distinta lexicalización de los conceptos.

La gestión terminológica basada en el conocimiento y el estudio de términos en su contexto garantiza su uso adecuado y mejora la transmisión del CE contribuyendo a la comunicación multilingüe.

BIBLIOGRAFÍA

- FABER, P. (2011): “The dynamics of specialized knowledge representation: simulational reconstruction or the perception-action interface”, *Terminology* 17 (1), pp. 9-29.
- FABER, P., MÁRQUEZ LINARES, C. Y VEGA EXPÓSITO, M. (2005): “Framing Terminology: A Process-Oriented Approach”, *Meta: journal des traducteurs /Meta: Translators’ Journal* 50 (4).
- FABER, P., MONTERO MARTÍNEZ, S., CASTRO PRIETO, M.R., SENSO RUIZ, J., PRIETO VELASCO, J.A., LEÓN ARAÚZ, P., MÁRQUEZ LINARES, C.F. Y VEGA EXPÓSITO, M. (2006): “Process-oriented terminology management in the domain of Coastal Engineering”, *Terminology* 12 (2), pp.189-213.

- FILLMORE, C.J. (1982): "Frame Semantics", *Linguistics in the Morning Calm*, in *The Linguistic Society of Korea*, pp.111-137. Seoul: Hanshin.
- КОПТЈЕВСКАЈА-ТАММ, М., ДИВЈАК, Д. У РАКХИЛИНА, Е. (2010): "Aquation verbs in Slavic and Germanic: A case study in lexical tipology", in Driagina-Hasko, V. у Perelmutter R. (eds.), *New approaches to Slavic verbs of motion*. Amsterdam: Benjamins, pp. 315-341.
- МАЈИД, А., БОСТЕР, J.S. У БОУЕРМАН, М. (2008): "The cross-linguistic categorization of everyday events: A study of cutting and breaking", *Cognition* 109, pp. 235-250.
- Wierzbicka, A. (1997): *Understanding Cultures Through Their Key Words*. Oxford у New York: Oxford University Press.
- ВОЛОДИНА М.Н. (2000): *Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации)*. – М.: МГУ, 2000. – 128 с.
- МАНЕРКО, Л.А. (2003): "Истоки и основания когнитивно-коммуникативного терминоведения", *Лексикология. Терминоведение. Стилистика*. Москва.
- МАЙСАК, Т.А., РАХИЛИНА, Е.В. (2007): *Глаголы движения в воде: лексическая типология*. М. Индрик, pp. 9-26.

ХРИСТИАНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ АРЕАЛОВ
SLAVIA ORTHODOXA И SLAVIA LATINA:
НЕКОТОРЫЕ ПРИЧИНЫ РАЗЛИЧИЙ

С.А. НИКИФОРОВА

Старославянская терминология, разработанная Кириллом и Мефодием в процессе первых переводов церковных книг с греческого языка, а затем развитая их учениками, стала базовой для славянских национальных терминосистем христианства. Однако, если в православной терминологии ареала *Slavia Orthodoxa* множество старославянских по происхождению единиц сохранилось (они во многом определили и дальнейшие тенденции развития религиозной терминологии), то в ареале *Slavia Latina* традиция славянского религиозного текста и проповеди на славянском языке была прервана довольно рано. Так, в истории чешского языка терминотворчество на собственно славянской языковой базе было возобновлено в полной мере только в конце XIV- начале XV вв. Прерванность традиции, а затем и влияние других факторов – как собственно лингвистических, так и экстралингвистических – во многом обусловили существенные расхождения в современной терминологии христианства.

1. ОТРАЖЕНИЕ В СТРУКТУРЕ СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСЕМЫ РАЗЛИЧНЫХ
ПО СТЕПЕНИ РЕЛЕВАНТНОСТИ ЭЛЕМЕНТОВ СОДЕРЖАНИЯ
РЕЛИГИОЗНОГО ПОНЯТИЯ

За тысячелетие, разделившее момент создания славянского термина и его актуальное, современное бытование, несомненно, значительно изменились как структура и семантика терминологической единицы, так и ее прагматика. Сравнительно-исторический анализ таких изменений в близкородственных языковых системах – сопоставление единиц, восходящих к одному источнику, но в диахронии «наполняемых» в смысловом отношении в пределах

самостоятельно развивающейся системы – позволяет определить релевантные для каждого языка в целом и каждой терминосистемы в частности признаки слова, специфику его функционирования, значимость в соответствующем семантическом пространстве.

Так, например, одним из ключевых понятий христианства является благодать. Благодать (в нравственно-философском, теологическом аспекте) в соответствии с «греч. χάρις – имеет два главнейших значения. Оно обозначает: 1) свойство Божие, которое в отличие от благодати, простирающейся на всех тварей, и любви, простирающейся вообще на личные и духовно-разумные существа, проявляется в отношении к падшему человеку, выражаясь в прощении ему грехов и помиловании, вообще – в спасении; 2) силу Божию, которой совершается спасение человека» [Христианство 1993-1995: 332].

Теологический термин в современной русской языковой системе (и в целом в ареале *Slavia Orthodoxa*) композит благодать содержит элементы, изоморфные словам благо и дать. При тесной, синкретичной связи представлений о Боге и благе в истории древнерусского языка и христианской терминологии *Slavia Orthodoxa*, в частности, (когда Бог и есть высшее благо) становится очевидным соотношение структуры композита и его современной дефиниции: «В строго богословском смысле благодать есть спасительная сила Божия, дающая христианину средство к достижению жизни вечно блаженной» [Дьяченко 2001: 41]. Таким образом, благодать – благо, осознаваемое как сила спасения, исходящая от Бога, даваемая Богом.

В чешском языке раннеславянская единица благодать не сохранилась при потенциальной возможности использования самой модели термина (так, в чешской языковой системе находим немало композитов с начальным *blaho-*. Однако в качестве термина, эквивалентного восточнославянскому благодать, в теологической литературе используется термин *milost*. Современное чеш. *milost* генетически восходит к «*milý s menším významovým posunem 'láska' → přízeň, slitování*» [Rejzek 2001] (буквально рус. – приязнь, благосклонность, сочувствие, расположение; милость, милосердие, сострадание, жалость).

Праславянское **milь* в свою очередь выводится из и.-е. **mei-*: ...Ср. лит. *míelas* – милый, любезный, *méilė* – любовь, *mylėti* – любить;... др.-прус. *mijls* – милый» [Черных 1993]; ср. также «*východiskem je ie. *mei- - 'milý, příjemný'*. Příbuzné je sti. *mayas- 'radost, veselí'*» [Rejzek 2001]. Таким образом, древнейшее значение чешского *milost* было сопряжено с представлениями славян о расположении к приятному объекту, о благосклонности, о любви к нему. Семантика же сострадания, жалости к объекту в основе *mil-* в раннеславянской системе не отражена.

Однако в старославянском языке именно этот элемент смысла стал актуальным в семантической структуре слов с корневым *mil-*: ср. ст.сл. *миловати, милосръдие, милостивь, милость, миль* [Старославянский... 1994]. Связано это, несомненно, с особым представлением о любви в христианской традиции: «любовь с точки зрения нравственной философии есть сложное явление, простые элементы которого суть: 1) жалость, преобладающая в

любви родительской; 2) благоговение (*pietas*), преобладающее в любви сыновней и вытекающей из нее религиозной» [Христианство 1993-1995: 57]. Именно с первым элементом смысла тесно связано понимание *milostí* как свойства Божиего, проявляющегося к падшему человеку, – «родительской» любви к нему. Оба современных термина христианства – рус. благодать и чеш. *milost* – восходят к старославянской терминологической традиции (ср. ст.сл. благодать, благодѣть, милость).

Русская и чешская теологические терминосистемы сегодня по-разному отражают представление о благодати как главном свойстве Бога по отношению к человеку: в русском языке фреймовая структура композита благодать «благо + дать» эксплицирует безусловность данного человеку блага / спасения. Чешский язык, отражая понятие через термин *milost*, акцентирует внимание на причинно-следственной связи *milost* и греховности человека, так как Божия любовь – любовь-«жалость» к падшему, обеспечивающая прощение греха, помилование, спасение человека и его любовь-благоговение перед Спасителем.

Выбор единиц для экспликации сложнейшего понятия богословия представляется нам неслучайным: каждый из терминов оказывается не просто наиболее точным, адекватным в рамках определенной языковой системы, когда действуют ее «внутренние» правила, но отражает различные сущностные признаки явления в своей формальной и семантической структуре.

Так, Западная церковь догмат о благодати рассматривает в основном в аспекте соотношения свободы самоопределения человека и необходимости благодати для добродетели... Благодать, действующая непреодолимо, призвана производить в душе грешника само желание добра назависимо от его воли (августинство) [Христианств 1993-1995: 334]. Таким образом, в центре внимания Западной церкви оказываются отношения Бога и человека, которому отводится в этих отношениях немалая роль (особенно в учениях, восходящих к пелагианству). Даже в воззрениях августинского направления именно человек становится объектом действий Бога, объектом его любви, дарующей освящающую благодать (*gratia habitualis*) и свободу, которая есть форма действия Бога на исходно согрешившего, а значит действующего, человека.

При таком толковании догмата о благодати термин *milost* представляется оптимальным: семантическая структура существительного *milost* предполагает взаимодействие субъекта – здесь Бога и объекта – здесь человека (ср. 'přiznivý vztah k někomu níže postavenému: být u někoho v milosti', важна также генетическая связь существительного *milost* и глагола *milovat* 'любить'), а семантика основного компонента позволяет интерпретировать такое взаимодействие как любовь Бога к человеку посредством имплицированных представлений о сострадании, милосердии, пощаде (*milost* = *láska* → *Boží láska* ← *přízeň*, *slitování* = *spása*).

Православная церковь «различает два вида евангельской благодати: а) благодать предваряющую – просвещающую и б) благодать особенную – оправдывающую... Вопрос же о свободе как таковой православием не решается:

«благодать и свобода действуют всегда совместно и в зависимости одна от другой... Они, по выражению преосв. Феофана, “взаимновходны”» [Там же]. Исходя из такого понимания благодати в православии, можно судить о специфике субъектно-объектных отношений Бога и человека: человек здесь остается объектом и только объектом, его действия продиктованы свободой, изначально направляемой благодатью, даваемой, даруемой Богом.

Таким образом, христианские церкви пошли разными путями актуализации смыслов при отражении представлений о благодати в языке: Запад акцентирует внимание на отношениях Бога и человека «действующего» (*milost*), Восток – на объектности человека как цели Божественного дарования (благодать) и совершенствования и «механизме» его обращения и оправдания. «Давая Благо», Восточная церковь указывает на неоспоримость благодати, которая сходит на человека «принимающего» и изменяет его.

2. ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРИЧИН, В ЧАСТНОСТИ ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ И ЕЕ ОТДЕЛЬНЫХ ТЕЧЕНИЙ, НА СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ ЛЕКСЕМЫ

Славянская христианская культура формировалась под мощным влиянием двух направлений развития христианских религиозных идей: под влиянием византийской традиции, легшей в основу православной ветви христианской философии – здесь *Slavia Orthodoxa*, и римско-католической – ставшей базой для культур *Slavia Latina*. Религиозные культуры, первоначально имевшие общую теологическую, а главное – языковую базу, оказались обусловлены, с одной стороны, разными взглядами двух церквей, с другой – попали под влияние прецедентных текстов на разных языках – греческом и латыни. Однако не только собственно теологические или лингвистические факторы играли роль в содержательном формировании важнейших понятий христианства: и экстралингвистические, например исторические, причины представляются важными, когда мы говорим о создании новой картины мира славянина-неофита.

Греческое по происхождению начальное анти- (греч. *`anti-*) крайне редко фиксируется в славянских конфессиональных текстах: так, в старославянских памятниках письменности это всего два образования антипасха и антихристь – прямые заимствования из греческого. Термин антипасха (‘воскресенье после Пасхи’) использован 3х только переводчиком Ассеманиева Евангелия (например, не(дЪль) .б. антипас(ха)), композит антихристь (‘антихрист’) лишь единожды в Супрасльской рукописи вьниде антихръсть вь градъ [Старославянский... 1994]. Ранние древнерусские тексты сложное образование антихристь практически не фиксируют. Появляется композит в текстах вне греческих соответствий переводов позднее – с XIV века. С одной стороны, это объясняется непродуктивностью начального анти- со значением ‘замещения или противоположения’ или отрицания в целом в древнерусский и среднерусский

период развития русского литературного языка (заимствования этого типа в русском языке активизируются лишь в современный период); с другой стороны, недостаточной актуальностью для православного верующего самой идеи об Антихристе – «антагонисте Христа, узурпирующем его имя или права» [Кругосвет...], о лице-посланце дьявола, которое сосредоточит в себе все существующее зло для борьбы против христианской веры. Представления о «человеке греха» и «сыне погибели» (ап. Павел 2 Фес 2:4) в ранней православной книжности возмещаются (или сопрягаются с ним) ярчайшим описанием антогониста Бога – дьявола, приобретающего в церковно-книжных текстах множество имен характеризующего типа (кстати, сами термины дьяволь или сотона / сатана практически не используются в ранний период).

Антихрист в православном тексте – человек, деяния которого скверны, от беса, дьявольски (дьявол может быть репрезентирован и его злыми приспешниками бесами), но представление это может быть расширено до сил зла в целом и Антихристом может быть назван сам сатана (богъ (антогонист Бога) = антихристь = бесь). Образ Антихриста соотносим для православия с безбожием и язычеством (ср. антихриста себе створивъ = кумиры себе створивъ) и противопоставлен Христу (истинному спасителю). И наконец, Антихрист – тот, кто выдает себя за Христа, функционально «замещает» его, встает на его место на Великом суде или совершает подобное деяние – занимает чужое место и творит беззаконие – по навету дьявольскому. И только Бог и его благодать способны противостоять Антихристу.

Важно, что «на всем протяжении истории церкви разные лица и институции объявлялись отступническими и отождествлялись с Антихристом. Первым воплощением духа Антихриста считали римского императора Нерона... Многие, в том числе Лютер, Кальвин, Цвингли и другие, считали антихристом папу Римского» [Кругосвет], «представления об Антихристе всегда оживали, когда происходили какие-либо перевороты или бедствия космического или культурного характера... С появлением протестантизма в положение Антихриста попал папа. В свою очередь католическая церковь увидела Антихриста в Лютере» [Христианство 1993-1995: 90]. Однако в истории русской православной церкви в ранний период ее истории такие исторические персонажи, которые могли бы быть отождествлены с Антихристом по силе воздействия на массы и роли в истории церкви, отсутствуют, а базовым и важнейшим остается все же антагонизм Бог – Дьявол, который и репрезентирован в древнерусской и среднерусской книжности чрезвычайно широко. Представление же об Антихристе становится особенно востребованным в XVI веке, когда оно «необычайную роль... сыграло в идеологии нашего старообрядчества и сектантства» [Христианство 1993-1995: 90] – по силе и широте распространения своеобразного варианта западноевропейского протестантизма.

В средневековых текстах ареала Slavia Latina образ Антихриста становится актуальным в XIII-XIV вв., когда чешский христианский реформатор, профессор богословия Ян Гус в своих сочинениях протестует против устоев римско-католической церкви и сравнивает папу римского с Антихристом: термин

Антихрист приобретает в европейском славянском культурном пространстве особую значимость, так как позволяет охарактеризовать в рамках христианской философии лиц, действия которых осуждаемы протестантами. Именно в это время, в XIV и позднее, в нач. XV вв., получают распространение первые церковно-книжные тексты на чешском языке, в которых и фиксируются представления об Антихристе – др.чеш. antikrist, ancikrist. Антихрист представлен как антогонист добра и проводник зла, его время сопряжено с ритуальными действиями – с поклонением ему. Таким образом, Антихрист может быть метонимически соотнесен с дьяволом, а ритуальные действия в его честь понимаются широко – как кощунство, непочитание Бога. В первой половине XV- начале XVI века продолжается традиция, заложенная Яном Гусом, и образ Антихриста становится тесно связан с борьбой протестантов. Например, Петр Хелчицки в Слове о трех народах (O trojím lidu řeč 1508) открыто говорит о противостоянии римско-католической церкви Антихриста, власти светской, не истинно церковной, соотносимой с язычеством, веры фальшивой и истинной веры Христовой (церкви реформаторов): A to jest i nám svědomo, že skrze tu moc světskú všicku sílu Antikrist vzal jest u víře Kristově a ta veliká nevěstka, ješto sedí na římské stolicí, všecy své tráveniny rozšířila jest skrze tu moc světskú.

Безусловно, книжники Slavia Orthodoxa и Slavia Latina опираются на общехристианское представление об Антихристе как о человеке, противопоставившем себя Христу и претендующем на его место в истории человечества, как о посланнике дьявола, олицетворяющем его силу и влияние на человека, противнике Бога и обманщике, «замещающем» истинного Мессию, а сопрягаемый с сатаной образ Антихриста расширяется до представления о зле в целом, о дьявольских силах в мире. Но если в ареале Slavia Orthodoxa на раннем этапе развития христианской терминологии именно эта мысль о противостоянии добра и зла, Бога и дьявола становится ведущей и базовой для репрезентации понятия «антихрист», то в ареале Slavia Latina в XIV-XVI вв. образ Антихриста стал для реформаторов символом папы Римского, папской власти, против которой нужно идти в бой и проливать кровь за истинную веру, а в древнечешских текстах достаточно подробно описано происхождение Антихриста как зло-человека. Вероятно, поэтому и современные западные справочные источники интерпретируют образ антихриста соответственно: «Anti pravděpodobně měli chápat spíše jako náznak protikladu než jako falešné tvrzení, takže antikristem je spíše ten, kdo Kristu odporuje, než ten, kdo se za něho prohlašuje... Odporem vůči Božím věcem koná satanovou práci» [Nový... 1996], т.е. не как лже-Христа, который будет выдавать себя за Мессию, а как противника Христа, творящего дела дьявольские.

БИБЛИОГРАФИЯ

- NOVÝ BIBLICKÝ SLOVNÍK (1996). *Návrat domů*. Praha.
- REJZEK, J. (2001): *Český etymologický slovník*. Leda. Český Těšín.
- ДЬЯЧЕНКО, Г. (2001): *Полный церковно-славянский словарь*. Издательство "Отчий дом". Москва.
- Кругосвет: онлайн энциклопедия. Гуманитарные науки / URL: [http://www.krugosvet.ru/ enc/istoriya/ANTHRIST.html](http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/ANTHRIST.html)
- Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) (1994). Рус. яз. Москва.
- Христианство (1993-1995): *Энциклопедический словарь*: В 3 т. Большая Российская энциклопедия. Москва.
- ЧЕРНЫХ, П.Я. (1993): *Историко-этимологический словарь русского языка*. Рус.яз. Москва.

CAPÍTULO VI.
MODELOS DE CONCEPTUALIZACIÓN LINGÜÍSTICA

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И СМЕЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

А.Д. ШМЕЛЕВ

Появление в последние годы ряда лингвистических работ, в которых проводится сопоставление семантически близких лексических единиц ряда языков, выявляются тонкие семантические различия между ними и на основании такого анализа устанавливаются или уточняются характеристики культур, обслуживаемых этими языками, привело к тому, что сама мысль о возможности использовать лингвистический анализ как прием исследования культур стала общим местом. На этом фоне появилось некоторое число публикаций, в которых эта связь усматривается слишком прямолинейно и попытки выявить связь языка и культуры не опираются на тщательный семантический анализ.

Для того чтобы понять каким образом семантическая типология может составить основу типологии культур, полезно провести необходимые разграничения между дисциплинами, в которых так или иначе рассматриваются обсуждаемые вопросы, и обсудить понятийный аппарат, используемый этими дисциплинами.

В последующем изложении речь будет в основном идти о явлениях специфичных для того или иного языка или той или иной культуры (причем основное внимание будет уделяться русскому языку и культуре). Явление является специфичным для некоторого языка (лингвоспецифичным), если оно присутствует не во всех языках мира; явления, присутствующие во всех языках, являются универсальными. Так, лингвоспецифичным для французского и немецкого языков является наличие артиклей (в русском языке, как известно, артиклей нет); лингвоспецифичным для русского и немецкого языков является склонение существительных (во французском языке существительные не склоняются). Понятно, что установить лингвоспецифичность какого-либо языкового явления существенно проще, нежели установить универсальность: довольно привести пример хотя бы одного языка, в котором

данное явление не имеет места (тогда как для доказательства универсальности, вообще говоря, следовало бы осуществить проверку по всем языкам мира). Аналогично понимается специфичность (и, соответственно, универсальность) культурного явления для той или иной культуры.

Универсальные явления в каком-то смысле вытекают из «природы вещей». Напротив того, лингвоспецифичные явления и явления, специфичные для той или иной культуры, являются конвенциональными; иными словами, они определяются языковыми и культурными конвенциями. Изучение соотношения языка и культуры представляет собою изучение соотношения языковых и культурных конвенций.

Поскольку суждения о культуре на основе языковых данных предполагают детальный семантический анализ этих данных, в центр внимания при обсуждении вопроса, поставленного в заглавии статьи А. Павловой, должна попасть лингвистическая семантика. Действительно, А. Павлова касается вопросов семантики и упоминает некоторые понятия и термины, используемые в лингвистической семантике: сема, концепт, полисемия, языковая картина мира. Раскроем содержание некоторых из этих понятий.

Языковые единицы определенным образом концептуализуют внеязыковую действительность. В одной из давних статей Барбары Холл Партии рассматриваются предложения *Поскольку мне об этом сказал врач, я склонна воспринимать это серьезно* и *Поскольку мне об этом сказал сосед сверху, я склонна воспринимать это серьезно*. Отмечается, что причина беспокойства выражена в этих предложениях различным образом, даже если сосед сверху по профессии является врачом: один и тот же человек концептуализуется в этих предложениях различным образом.

Единицей языковой концептуализации действительности является концепт. Можно сказать, что концепт осуществляет связь между смыслом языкового выражения и обозначаемым им фрагментом внеязыковой действительности. Тот или иной концепт скрывается за всякой языковой единицей; часто один концепт выражается рядом языковых единиц (обычно принадлежащих одному фрагменту словообразовательного гнезда): концепт 'гордость' в русском языке выражается словами *гордый, гордо, гордость, гордиться*. На практике концепты принято обозначать при помощи существительных: не говорят о «концепте, скрывающемся за предлогом *в*», а говорят о 'концепте нахождения внутри'.

В некоторых семантических теориях (в первую очередь следует назвать теорию «естественного семантического языка» Анны Вежицкой и Клиффа Годдарда) постулируется существование небольшого набора (чуть больше 50) элементарных концептов¹, которые предполагаются врожденными и

1. Наряду с выражением «элементарные концепты», в близком значении используют выражения «элементарные смыслы», «семантические примитивы» или просто «семы» (впрочем, термин «сема» ощущается несколько устаревшим).

универсальными (т. е. имеющими вербализацию во всех естественных языках). Из элементарных концептов строятся более сложные концептуальные конфигурации, которые, как правило уже не являются универсальными (т. е. входят в значение языковых выражений не во всех языках).

Некоторые концептуальные конфигурации, входящие в значение языковых единиц, соответствуют определенному представлению об устройстве какого-то фрагмента мира. Так, в русском языке проводится различие между *фруктами* и *ягодами*: слово *фрукт* употребляется по отношению к плоду, который, как правило, слишком велик, чтобы его положить в рот целиком; поэтому фрукты едят, откусывая или отрезая от них кусочки; слово *ягода* используется по отношению к плодам, которые можно положить в рот целиком (часто даже несколько сразу). При этом и фрукты, и ягоды едят преимущественно для удовольствия как десерт, в отличие от *овощей*, которые едят для насыщения или в качестве гарнира, причем, как правило, с солью.

Концептуальные конфигурации, соответствующие представлению об устройстве внеязыковой действительности, как правило, относятся к неассертивной части значения языковых единиц: пресуппозициям, коннотациям, фоновым компонентам значения. Именно поэтому носители языка так что участники коммуникации на данном языке обычно принимают их на веру, не задумываясь. Однако их наличие в семантике языковой единицы становится очевидным, поскольку высказывания, которые в неявном виде противоречат этим представлениям, воспринимаются как аномальные. Так, плоды *малины* и *земляники* в русской языковой картине мира являются *ягодами*, а *помидор* и *арбуз* – нет, и это видно, в частности, из того, что в нормальной коммуникации об арбузе или помидоре нельзя сказать: *Дай мне эту ягоду*. Напротив того, смысловые компоненты, которые составляют ядро значения слов и выражений и попадают в фокус внимания говорящих, могут быть (и нередко бывают) осознанно оспорены носителями языка. Поэтому они не входят в языковую картину мира, общую для всех говорящих на данном языке. Но, разумеется, говорящие могут намеренно поместить в фокус внимания неассертивные компоненты значения и сообщить, что помидор с «научной» точки зрения – ягода, а плоды малины и земляники ягодами как раз не являются.

Система концептуальных конфигураций, соответствующих каким-то представлениям об устройстве внеязыковой действительности, образует языковую картину мира. Реконструкция языковой картины мира является одной из важнейших задач современной лингвистической семантики. Она требует детального семантического анализа всех языковых единиц данного языка и выявления в них неассертивных компонентов. Так, выявив отрицательную оценку, содержащуюся в словах *доносить* <на кого-либо>, *донос*, *доносчик*, мы можем сделать вывод, что для русской языковой картины характерно неодобрение поведения того, кто сообщает властям о действиях человека, которые с точки зрения властей являются предосудительными и могут повлечь за собою репрессивные меры в отношении этого человека. Установив, что слово *страх* обозначает чувство, которое обычно испытывает

человек, который думает, что может произойти нечто плохое, чего он не может предотвратить, мы можем сделать вывод, что чувство страха вполне обычно для людей, попавших в такую ситуацию.

Перейдем к вопросам соотношения языка и культуры. Соответствующие проблемы с давних пор привлекают внимание исследователей (в таких дисциплинах, как антропология, лингвистическая прагматика, этнолингвистика), однако в России внимание им стало уделяться лишь сравнительно недавно. В Советском Союзе они в основном изучались в рамках вспомогательной дисциплины, которая использовалась преимущественно при преподавании русского языка иностранцам и именовалась «лингвострановедение»². В последние десятилетия группа дисциплин, в рамках которых рассматриваются вопросы соотношения языка и культуры получили несколько неуклюжее наименование «лингвокультурология».

Взаимодействие языка и культуры имеет две стороны. Во-первых, составной частью культуры является культура использования языка; во-вторых, особенности культуры, обслуживаемой некоторым языком, обычно тем или иным образом отражаются в этом языке.

Первая сторона взаимодействия языка и культуры может быть иллюстрирована рядом норм, касающихся использования языка таким образом, как это принято в соответствующей культуре. Сюда относятся такие вопросы, как когда и кому допустимо и следует делать комплименты; как отвечать на комплименты; с кем и когда следует здороваться (напр., следует ли здороваться с незнакомыми людьми, следует ли здороваться с человеком при повторной встрече в тот же день).

Во многих языках (в частности, европейских) различается способы обозначения собеседника и того, что к нему относится, в зависимости от степени формальности общения (в русском языке обычно говорят об обращении «на вы» и «на ты»). При этом круг ситуаций, когда следует использовать более формальное обращение, различен в разных языках (а точнее, в обслуживаемых этими языками культурах); различается и языковое оформление более формального обращения. При этом есть языки (напр., английский, современный шведский, современный иврит), в которых нет непосредственного аналога противопоставления обращений «на вы» и «на ты» (можно сказать, что в этих языках во всех случаях используется обращение, аналогичное обращению «на ты»).

Во многих языках, для того чтобы привлечь внимание собеседника и инициировать общение, используют так называемое обращение (когда называют имя или какую-либо характеристику человека, к которому обращаются:

2. См., напр., книгу [Верещагин, Костомаров 1973]. Некоторые вопросы, связанные с культурным аспектом языковой деятельности рассматривались также при обсуждении культуры речи и речевого этикета.

Masha! Madame! Молодой человек!). При этом в русском речевом общении обращение часто используется и в середине разговора, напр. в случае, когда собеседника надо в чем-то убедить (*Ну, Маша, ты же сама понимаешь*), а также в тех случаях, когда надо мягко выразить несогласие, смягчить отказ и т. п. – словом, когда надо подчеркнуть установку на контакт и взаимопонимание. Для финского речевого общения такое использование обращений совершенно не характерно, так что, когда русские в разговоре с финнами (на каком бы языке разговор ни велся) используют обращения таким образом, это иногда приводит к недоразумениям при межкультурной коммуникации. Финский участник коммуникации может воспринять это как панибратское похлопывание по плечу или как скрытое обвинение в том, что он не слушает и надо специально привлекать его внимание [Leinonen 1985]. Во французской деловой и официальной переписке обращение используется не только в начале письма, но и в составе заключительной формулы (*Veillez agréer, Monsieur, l'expression de mes sentiments distingués*), а по-английски в заключительную формулу (*Sincerely yours*) обращение не включается.

Другая сторона взаимодействия языка и культуры связана с отражением в языке некоторых особенностей культуры, обслуживаемой данным языком. Объекты, характерные для той или иной материальной культуры, часто получают в языке, обслуживающем эту культуру, специальное наименование. Стандартная структура современного русского обеда обуславливает тот факт, что субстантивированное прилагательное *первое* в русском языке имеет значение 'суп', а слово *второе* указывает на твердое блюдо. Различение *овощей* и *фруктов* в русском языке (как и в большинстве европейских языков) связано с разными модусами использования растительной пищи.

В языке отражается и тот аспект культуры, который связан с использованием языка. Наличие в русском языке глагола *тыкать* 'использовать обращение *ты* в ситуации, когда по мнению говорящего следует использовать обращение на *вы*' обусловлено различием в русском речевом этикете различия между формальным и неформальным способом именования собеседника. Понятно, что этот глагол трудно перевести на английский язык, в котором соответствующее разграничение не проводится.

Существенно, что для обоих аспектов взаимодействия языка и культуры связь между языковыми и культурными конвенциями оказывается двусторонней. Культурная сторона использования языка должна учитываться в собственно лингвистическом описании соответствующих языковых единиц (напр., русских местоимений *ты* и *вы*). В то же время тот факт, что культура находит отражение в языке, дает основание на основе наблюдения над поведением языковых единиц делать вывод об особенностях соответствующей культуры. Даже если бы мы не располагали сведениями о структуре русского обеда, знания «гастрономического» значения русских слов *первое* и *второе* позволило бы нам сделать относительно этой структуры достоверные выводы (твердому блюду у русских предшествует суп) и, в частности, установить, что *закуска*, которая в русском обеде нередко предшествует *первому*, является

факультативным элементом. Аналогично, знание того, что в итальянском языке сочетание *primi piatti* 'первые блюда' обыкновенно относится к разным видам «пасты» (макаронных изделий), позволяет понять, как устроен итальянский обед (можно добавить, что, подобно русским закускам, в итальянском обеде первому блюду могут предшествовать так называемые *antipasti*). Знание того, что в русском языке помидоры концептуализуются как *овощи*, а не *фрукты* и не *ягоды*, позволяет заключить (даже если бы мы этого не знали из собственного опыта), что помидоры у русских подаются чаще всего с солью в составе закусок или вместе со вторым блюдом, а не с сахаром в качестве десерта.

Выявление особенностей культуры «через язык» особенно важно, когда мы имеем дело с древними культурами, о которых у нас нет достаточно полных и надежных сведений. Если мы обнаружим, что в памятниках на некотором языке различаются слова со значением 'наследство по закону' и 'наследство по завещанию', это даст базу для установления важных фактов касательно наследственного права в соответствующем обществе.

Анализ значения языковых единиц позволяет делать и менее тривиальные выводы об особенностях соответствующей культуры, в частности о ее ценностных установках. Так, компонент отрицательной оценке в семантике русского слова *мелочность* дает основания для заключения, что русская культура не одобряет погони за небольшой выгодой, желания «не упустить своего» даже в мелочах.

Представления, характерные для соответствующей культуры, обычно не нуждаются в том, чтобы их специально подчеркивать в процессе коммуникации между представителями данной культуры. Они, как правило, кроются в неассертивных компонентах значения языковых единиц и тем самым являются частью языковой картины мира. Поэтому реконструкция языковой картины мира имеет первостепенное значение для описания взаимодействия культуры и языка, в частности для выявления особенностей культуры на основе детального семантического анализа языковых единиц, выявляющего в них неассертивные компоненты значения.

Итак, различия культур часто коррелируют с различиями языков (или разновидностей одного языка), обслуживающих эти культуры, и соответствующих языковых картин мира. При общении между представителями разных культур (межкультурной коммуникации) представления, специфичные для одной из этих культур и не попадающие в фокус внимания при коммуникации внутри этой культуры, могут стать камнем преткновения. Так, в секулярной европейской культуре с некоторого момента гордость перестала восприниматься как один из самых гнусных пороков, первый из смертных грехов; соответственно и слова, обозначающие 'гордость', во многих европейских языках, в том числе в русском языке, утратили отрицательные коннотации и стали употребляться скорее с положительной оценкой. Однако культура, исходящая из традиционной системы ценностей и соответствующего словоупотребления, не исчезла полностью. Когда одна из корреспонденток Антона Чехова, ориентируясь на

новое словоупотребление, назвала его «гордым мастером», он написал ей, что «горды только индюки».

Еще больше ловушек возникает, когда при межкультурной коммуникации хотя бы одному из участников приходится говорить на неродном языке³. Здесь мы подошли к проблеме переводимости языковых выражений. Заметим, что следует различать переводимость в конкретном тексте (она в значительной мере определяется целями перевода) и наличие словарного эквивалента. Понятно, что для вопросов, связанных с возможностью использовать семантический анализ для выявления особенностей культуры существенно именно наличие и отсутствие словарного эквивалента, а вопросы практического перевода отходят на задний план.

Тем не менее стоит остановиться на некоторых моментах, связанных с практическим переводом. Во-первых, это касается случаев, когда высказывание вполне переводимо, но в культуре языка перевода в соответствующей ситуации обычно используется другой способ выражения. Так, русский вполне может сказать официанту в ресторане *Принесите, пожалуйста, меню*. Фраза может быть легко переведена на английский язык (*Please bring me the menu*), но по-английски звучит несколько невежливо, лучше сказать: *Could I see the menu?* [Ларина 2009: 272]. Точно так же русское высказывание *Вы не правы* значительно вежливее, нежели ее буквальный английский перевод *You are wrong*. Можно ли считать английские переводы адекватными? Ясно, что это зависит от того, как мы понимаем адекватность перевода⁴. Во-вторых, у культурно нагруженных слов плотность ассоциативного поля может теряться при переводе. Так, французское слово *flâner* в большинстве контекстов хорошо переводится русским словом *прогуливаться*; но слово *прогуливаться* в русском языке не обладает высоким культурным статусом [Левонтина, Шмелев 1999: 284]. Не случайно для передачи культурного ореола французского глагола иногда используют заимствованный глагол *фланировать*.

Сказанное может касаться межкультурной коммуникации и вне непосредственных рамок перевода, напр. когда человек воспринимает текст на чужом языке через призму родного языка (и вычитывает из текста вовсе не те «скрытые» смыслы, которые имел в виду в него вложить автор). Схожая ситуация имеет место и в случаях, когда некто воспринимает текст, который

3. Разнообразные примеры того, как неудачный выбор английского выражения носителями русского языка ведет к коммуникативному провалу, приведены в книге [Виссон 2007].

4. В какой-то момент мне понадобилось перевести на английский язык высказывание русского врача, обращенное к ребенку: *Сейчас может быть немножко больно, но ты потерпи*. Все мои американские информанты сказали, что американский врач не скажет ничего подобного; скорее он скажет *It won't hurt* 'Больно не будет'. Русское высказывание не является непереводаемым в собственном смысле слова, но его американский аналог (нечто вроде *It may be a little painful; you'll have to grin and bear the pain*) неупотребителен и вызывает у носителей языка совсем иные ассоциации, нежели исходное высказывание.

как будто принадлежит его родному языку, но в действительности составлен на иной его разновидности, напр. на языке предшествующей эпохи. Отличие от ситуации перевода состоит здесь в том, что несовпадение используемых разновидностей языка и тем самым возможность неверного понимания может совсем не осознаваться: современные читатели могут пребывать в заблуждении, что пушкинский текст понятен им уже в силу их знания русского языка.

Из всего сказанного ясно, что любая попытка понимания культуры на основе языковых данных должна опираться на тщательный семантический анализ, выявляющий неассертивные компоненты в значении языковых единиц. В противном случае такая попытка будет заведомо несостоятельной. Показательны нелепые предположения, формулируемые в статье (Павлова 2016: 21): «...представим себе, что для немцев понятие *kiebitzen* (тайком заглядывать в карты другого игрока или просто подглядывать за кем-либо) более актуальное явление, чем для русских (в русском языке здесь лакуна)». Понятно, что само по себе наличие в одном языке слова для обозначения некоторого явления при отсутствии аналогичного слова в другом языке не дает оснований для того, чтобы объявить, что для культуры, обслуживаемой первым языком, данное явление «более актуально», чем для культуры, обслуживаемой вторым языком. Такое прямолинейное усмотрение связи языка и культуры напоминает истолкования, которые когда-то давались в рамках «лингвистического анализа художественного текста», напр. интерпретацию безличных предложений в романах Федора Достоевского как выражение фатальности «некоей непостижимой силы» (Сими́на 1957: 146). С другой стороны, столь же понятно, что возможность такого прямолинейного истолкования не компрометирует общей идеи об отражении в языке особенностей культуры, обслуживаемой этим языком, и, соответственно, о возможности использовать языковые данные для выявления особенностей этой культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ВЕРЕЩАГИН Е.М., КОСТОМАРОВ В.Г. (1973): *Язык и культура*. Издательство МГУ. Москва.
- ВИССОН, Л. (2007): *Русские проблемы в американской речи. Слова и фразы в контексте двух культур*. Р. Валент. Москва.
- ЛАРИНА, Т.В. (2009): *Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских культурных традиций*. Рукописные Памятники Древней Руси. Москва.
- ЛЕВОНТИНА, И.Б., ШМЕЛЕВ, А. Д. (1999): На своих двоих: лексика пешего перемещения в русском языке В кн. *Логический анализ языка. Языки динамического мира*. Международный Университет Природы, Общества и Человека «Дубна». Дубна.
- ПАВЛОВА, А. (2012): «Можно ли судить о культуре народа по данным его языка?», *Антропологический форум*, 16 Online, стр. 3-60.

- СИМИНА, Г.Я. (1957): «Из наблюдений над языком и стилем романа Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание"». В кн. *Изучение языка писателя*. Государственное Учебно-педагогическое Издательство Министерства Просвещения РСФСР. Ленинград.
- LEINONEN, M. (1985): "Finnish and Russian as They Are Spoken: from Linguistic to Cultural Typology", *Scando-Slavica*, 31, pp. 118-144.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ МЕМА «ДЖЕНТЛЬМЕН» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ КАК ПРИМЕР КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Н.С. АРИСТОВА

Вопрос о сущности языковых единиц, их динамического развития, эволюционирования и, как результат, перехода из одного языка в другой, на протяжении уже многих десятилетий является одним из наиболее актуальных в сравнительно-историческом языкознании. Многими отечественными и зарубежными учеными описывались взаимосвязи между ментальными конструктами языка, как статичной знаковой системы, и их репрезентациями в речевой деятельности; предпринимались попытки философского осмысления сущности происхождения языковых знаков, степени их зависимости от обозначаемых ими объектов экстралингвистической реальности. В рамках современной кросс-культурной коммуникативной парадигмы не менее значимой проблемой, на наш взгляд, является уточнение механизмов перехода языковых знаков из одной лингвокультуры в другую, что, несомненно, накладывает определенный отпечаток не только на язык страны-реципиента лингвистической единицы, но и, в более широком понимании, моделирует ее культуру.

Очевидно, что процесс перехода языковых единиц между родственными или неродственными языками, не может сводиться лишь к механизмам заимствования. Когда речь заходит о социально значимых концептах, реплицирующихся в иноязычную лингвокультуру посредством языкового знака, интересным представляется проследить динамику развития той или иной языковой единицы в интерлингвистическом и кросс-культурном пространстве.

Проблема базовых единиц лингвокультурологии привлекает внимание многих отечественных и зарубежных исследователей. Так, Н.Д. Арутюнова (1999) рассматривает *универсальные термины культуры*; работы В.Н. Телии (1996) посвящены вопросам описания *национально-культурных*

коннотаций во фразеологии и выявления «характерологических черт менталитета»; гумбольдианские традиции продолжает В.В. Воробьев (1997: 45-51), рассматривая культуру, воплощенную в языке, на основе гипотез Сепира-Уорфа и Л. Вайсгербера. Согласно В.И. Карасику (2002: 103-108), рассматривающему лингвокультурологию как «комплексную область научного знания о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры» в сопоставительном аспекте, основными единицами лингвокультурологии являются *культурные концепты* и *лингвокультурные типаж* – «узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества».

Исходя из того, что лингвокультурный типаж априори является достаточно статичным конструктом, отражающим степень культурного развития общества и национального языка в синхроническом аспекте, представляется закономерным проследить динамику его развития и переноса на другие лингвокультуры. Для этого обратимся к теории «мема» и попытаемся доказать, что «мем» в социолингвистическом и лингвокультурологическом плане является идейным продолжением концепта и может считаться его своеобразным кросс-культурным «последователем».

Термин «мем» был впервые предложен Р.Доукинзом (1992), как «основная единица передачи культурной информации, то есть имитации». «Мем» можно считать единицей культурной эволюции, если принять, что, по аналогии с эволюцией биологической, идеи также способны эволюционировать, обладая большей или меньшей степенью устойчивости, «живучести». Таким образом, культурная эволюция всего мира в целом и отдельных национальных культур в частности происходит в результате отбора наиболее значимых концептов, идей и ценностей посредством их репликации из культуры-источника в другие сообщества. Стоит признать, что вопрос о способе передачи мемов вызывает некоторую трудность, и в этой связи именно языковая репрезентация мема (как средство неограниченного реплицирования лингвокультурного концепта или типажа в языке и речи в процессе межкультурной коммуникации) может пролить свет на данный вопрос.

Рассмотрим мем «джентльмен», пришедший из английской лингвокультуры, и его языковое отражение в русском языке на примере литературных произведений XIX-XXвв. Наибольший интерес с точки зрения лингвокультурологии и меметики здесь представляет степень схожести языковых репрезентаций данного слова в английском и русском языках.

По мнению Б.М.Гаспарова (1996), «Языковая укорененность» лингвистических единиц проявляется в том, что слова и выражения разных языков, даже относящиеся к тождественному денотату, различаются своим образным откликом в сознании носителей различных языков. А так как «языковая перцептивная способность говорящих обнаруживает исключительную гибкость и толерантность в обращении с образами», пришедшими из иных языковых окружений, «любой языковой образ способен воплощаться в представлении говорящего с различной степенью фокусировки».

Мем «джентльмен», составляющий основу языковой картины мира Великобритании, а также обозначающий определенные транснациональные нормы поведения в любом обществе, по праву относится к числу наиболее интересных концептов, заимствованных русской лингвокультурой из английской. Проследим диахронические тенденции лексической вербализации данного концепта в русском языке на примере произведений художественной литературы XIX-XXI вв.

В ходе исследования лексикографических источников были установлены изначальные сходства и различия мема «джентльмен» и его отражения в русской лингвокультуре: так, составлявшие ядро семантического поля «джентльмен» в русском языке XIX в. ассоциации «принадлежность к англоязычной расе» и «благородное происхождение» были напрямую заимствованы из английского концепта. Однако анализ лексических репрезентаций, отражающих дальнейшее развитие данного ментального конструкта в XX в., свидетельствует о постепенной дивергенции от английской системы классовых привилегий, и ядром становятся значения, раскрывающие определенную манеру поведения и внешние атрибуты русского джентльмена.

Анализ более 4 000 примеров употребления лексемы «джентльмен» в произведениях русских писателей с 1800 по 2000 гг., обработанных методом сплошной выборки и контекстуального анализа, выявил интересные особенности изменения компонентов семантического поля «джентльмен» в русском языке по мере ассимиляции данного понятия в новой лингвокультуре.

Первое лексикографически зафиксированное упоминание лексемы «джентльмен» в русском языке относится к 1865 г. и интересно тем, что в словаре А.Д. Михельсона (1865) основным и единственным значением указывается «*общее название порядочного человека в Англии*». Особенность подобной трактовки заключается в том, что в английских толковых словарях того же периода зафиксировано два основных компонента значения: а) человек благородного происхождения, дворянин и б) человек, обладающий безукоризненными манерами и владеющий канонами вежливого поведения в обществе. Согласно «Большому Оксфордскому словарю английского языка» (2012), исторически термин «gentleman» обозначал человека благородного происхождения, обладавшего обширными земельными угодьями и стоявшего на одной социальной ступени с дворянами: *Gentleman – a man of gentle birth, or having the same heraldic status as those of gentle birth; properly one who is entitled to bear arms, though not ranking among the nobility*. Помимо этого приводится и такое значение: *A gentleman - a man in whom gentle birth is accompanied by appropriate qualities and behaviour; hence, in general, a man of chivalrous instincts and fine feelings*. Как мы видим, здесь четко прослеживается дихотомия: благородное происхождение – куртуазные манеры, воспитание. В ходе социализации данного термина, ввиду особенностей внутреннего устройства высшего класса Великобритании (закон майората, обеднение младших сыновей богатых аристократов, получивших превосходное образование, упразднение классовых привилегий и т.п.), большую важность

стало приобретать не благородство происхождения носителя данного титула, а, в первую очередь, манеры его поведения.

Как показал диахронический анализ компонентов ассоциативного поля данного концепта в русском языке, возможно провести прямые параллели между динамикой развития компонентов значения данного термина в русском и английском языках, так как до конца XIX в. именно значения «англичанин» и «порядочный человек» в русском языке являлись ядром семантического поля «джентльмен».

В XIX в. ядром семантического поля являлись следующие компоненты: 1) англичанин или человек, живущий по английской моде, подражая Англии; 2) порядочный человек; 3) благовоспитанный человек, обладающий безупречными манерами. Однако важно отметить, что даже в значении «англичанин» присутствуют дополнительные семы, указывающие на благородное происхождение и хорошие манеры человека, так как не всякий англичанин удостоивался «звания» джентльмена. Среди дополнительных ассоциаций, раскрывающих основные компоненты значения, следует выделить изящные манеры, тактичность, отстраненностью и нежеланием вмешиваться в чужие дела.

Как явствует из произведений русской художественной литературы, положительная коннотация в значении слова «джентльмен» создается благодаря собирательному образу respectable знатного человека-англичанина. Употребление прилагательного «английский» необязательно для обозначения принадлежности к английскому обществу. По частотности употребления примеры использования и неиспользования прилагательного «английский» примерно равны.

В России, так же, как и в Англии, джентльмен – эталон светского поведения, милый, любезный и добрый человек, однако характерно, что доброта, как компонент собирательного образа джентльмена, выделяется лишь в русской картине мира, и соседствует здесь с более типичной английской чертой – холодностью.

Внешние атрибуты образа джентльмена также фиксировались в ассоциативном поле данного концепта в XIX в. Так, безукоризненный внешний вид и ухоженная внешность всегда считались визитной карточкой джентльмена, о чем свидетельствуют многочисленные подробнейшие описания предметов туалета – костюмов, шляп, обуви, галстуков, стрижек, перчаток, тростей и т.п.

В XX веке значительные изменения претерпело как само ядро, так и многие периферийные компоненты значения. Так, наиболее частотными стали компоненты значения, отражающие внешние атрибуты истинного джентльмена, а также черты характера, составляющие основу этого собирательного образа – тактичность и благовоспитанность. Соотнесение этого слова с реалиями Англии и британским высшим обществом отошло на второй план. При этом строго позитивная коннотация данного концепта разрушилась привнесением некоторых отрицательных черт речевого поведения русского джентльмена –

эмоциональности споров и использованием вульгаризмов в речи, что было сложно представить в XIXв.

С лексикографической точки зрения обращает на себя внимание тот факт, что лишь в некоторых русских словарях иностранных слов XXв. было зафиксировано значение «англичанин». Так, в словаре иностранных слов М.Попова (1907) дается такая дефиниция: *Джентльмен – благовоспитанный благородный светски англичанин и вообще всякий человек, относительно которого хотят подчеркнуть его нравственную порядочность и хорошее воспитание; в Англии вежливое обращение ко всякому мужчине.* Однако в большинстве последующих изданий наблюдается явная двойственность образа, на первый план выходят черты характера, присущие истинному джентльмену. Так, словарь иностранных слов А.Н. Чудинова (1910) приводит такую трактовку: *Джентльмен - 1) в Англии так назыв. всякого образованного светского человека. 2) человек, принадлежащий к светскому обществу; человек порядочный, благовоспитанный.*

Подобные компоненты значения фиксирует и «Толковый словарь» Д.Н.Ушакова (1935-1940): *1. В Англии - вежливое обращение к мужчине. 2. Человек, отличающийся благородством, порядочностью и великодушием (в духе буржуазно-аристократической морали). Он поступил, как настоящий джентльмен. || Человек, принадлежащий к высшим кругам буржуазно-аристократического общества и усвоивший их манеры и привычки. Он одет джентльменом.*

Словарные статьи, в которых значение «англичанин» отсутствует вовсе, приводятся в «Словаре иностранных слов» Ф.Павленкова (1907): *Джентльмен - образованный и нравственно порядочный человек, умеющий безукоризненно держать себя с окружающими лицами,* а также в «Толковом словаре» С.И.Ожегова (1949): *1. Вполне корректный человек, строго соблюдающий правила и нормы поведения. 2. перен. Человек подчёркнутой вежливости, корректности. Будьте джентльменом!.*

Возможно, свою роль в таком распределении компонентов значения сыграла политическая конъюнктура советского времени и идеологическая пропаганда, клеймившая все, что относилось к проявлениям «буржуазного запада». Таким образом, джентльменство стало проявляться преимущественно во внешних атрибутах образа. Внешние признаки джентльмена в XXв. включали в себя аристократичность, красивые черты лица и модную одежду, что отражено в использовании многочисленных эпитетов – красивый, изящный, щеголеватый и т.п.

Касательно изменения коммуникативного поведения джентльмена в XXв., стоит отметить, что помимо изысканной вежливости, отличительной чертой русского джентльмена стала манера выражать свои мысли с использованием вульгаризмов и сниженной лексики. Таким образом, мы наблюдаем дихотомическое развитие данного языкового образа – сохранение общей положительной аксиологической маркированности и толерантное отношение к языковым проявлениям, недопустимым в приличном обществе. По мнению

многих зарубежных исследователей, занимавшихся проблемой гендера, рафинированные, мягкие и в чем-то женоподобные джентльмены таким образом пытались утвердить в глазах окружающих свою мужественность. В примерах из произведений художественной литературы обращает на себя внимание употребление наречий времени «как всегда», «обычно», «по обыкновению», а также прилагательных «суровый», «хмурый» и т.п. - для описания намеренно грубого языкового поведения русских джентльменов XXв.

Итак, можно с уверенностью утверждать, что постепенное изменение компонентного состава и коннотативной окраски слова «джентльмен» свидетельствуют о том, что данную лексему вполне можно назвать сложившимся мемом, оказывающим значительное влияние на русский язык и культуру. Дивергенция двух семантических полей и самостоятельное функционирование данного концепта в рамках неродственных языковых культур происходила под влиянием различных социолингвистических тенденций, то приближавших, то отдалявших ассоциативное ядро в языке-реципиенте от изначального смыслового и аксиологического наполнения англоязычной формы. Последующее исследование данного мема и его лексической репрезентации было бы актуально с точки зрения выявления динамики его развития в русской литературе XXв., а также для более глубокого понимания связей английской и русской лингвокультур.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АРУТЮНОВА Н.Д. (1999): Язык и мир человека. Языки русской культуры. Москва.
- ВОРОБЬЕВ В.В. (1997): Лингвокультурология: теория и методы. Издательство Российского университета дружбы народов. Москва.
- ГАСПАРОВ Б. М. (1996): Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. Новое литературное обозрение. Москва.
- КАРАСИК В.И. (2002): Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Перемена. Волгоград.
- КАРАСИК В.И. (2005): Антология концептов. Том 1. Парадигма. Волгоград.
- МИХЕЛЬСОН А.Д. (1865): Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. Москва.
- ОЖЕГОВ С.И., ШВЕДОВА Н.Ю. (1949): Толковый словарь русского языка. Просвещение. Москва.
- ПАВЛЕНКОВ Ф. (1907): Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Москва.
- ПОПОВ М. (1907): Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. Москва.
- ТЕЛИЯ В.Н. (1996): Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Языки русской культуры. Москва.

- УШАКОВ Д.Н. (1935-1940): Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. Государственный институт "Советская энциклопедия"; ОГИЗ; Государственное издательство иностранных и национальных словарей. Москва.
- ЧУДИНОВ, А.Н. (1910): Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Москва.
- DAWKINS R. (1992): The Selfish Gene. Oxford University Press. Oxford.
- OXFORD ENGLISH DICTIONARY ON HISTORIC PRINCIPLES. (2012): <http://www.oed.com/>.

КОНЦЕПТ «ЯЗЫК» В РУССКИХ И ГРУЗИНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ (ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА)

Н.Г. БОБОХИДЗЕ, Р.С. САГИНАДЗЕ

Актуальной проблемой языкознания последних двух веков является сопоставительное изучение языков, направленное на выявление общих свойств и различий. Особый интерес в этом плане представляют исследования в области фразеологии, которая наиболее ярко представляет своеобразие жизни того или иного народа, его традиций, культуры и языковых особенностей. Поэтому знание фразеологических высказываний, единиц становится частью фундаментального владения языком. Особенно интересным и продуктивным является привлечение в качестве объекта сравнительного анализа фразеологического материала типологически и структурно различных языков, - нахождение общего между такого вида языками приводит к повышению эффективности их усвоения.

На сегодняшний день существует мнение, что при изучении языка человек постигает ментальность нации и тот путь, которым прошла эта нация, образуя и создавая эту ментальность. Бесспорным является факт, что во фразеологии запечатлен исторический и культурный опыт народа. Именно поэтому так важна работа переводчика при передаче фразеологизмов.

Существует большое количество научных работ, посвященных проблеме перевода. В них постоянно обсуждаются вопросы, насколько возможен адекватный перевод и как свести до минимума «потери» при переводе. Многим ученым и переводчикам кажется, что легче «поддаются» переводу научные работы, - возможно, из-за обилия в научной литературе латинских терминов. А вот художественное творчество требует владения «родным» языком оригинала, причем, не просто свободного владения. Известный философ Хосе Ортега-и-Гассет в статье «Нищета и блеск перевода» писал, что проблема перевода состоит в феномене речи. По его мнению, семантические объемы слов, обозначающих одни и те же явления в разных языках, различны. Говоря по-французски, признает автор, он «умалчивает» значительную часть

испанских мыслей, которые невозможно передать по-французски. «Мы никогда не поймем такого поразительного явления, как язык, если сначала не согласимся с тем, что речь в основном состоит из умолчаний. ...Каждый народ умалчивает одно, чтобы суметь сказать другое. Ибо все сказать невозможно. Вот почему переводить так сложно: речь идет о том, чтобы на определенном языке сказать то, что этот язык склонен умалчивать» (1991:345).

Перевод художественной литературы требует особого мастерства и чувства языка и культуры народа. Именно поэтому он получил статус искусства. Немаловажен и жанр переводимого текста. Так, многие переводчики считают исключительно сложным фольклорный материал. Многими исследователями отмечалось, что чем меньше объем фольклорного (в особенности, поэтического) текста, тем труднее дается его перевод. Переводчик латышских дайн Ю.Абызов пишет: «Что делает дайны непереводаемыми (на ланной ступени)? Несоответствие содержащейся в них информации и малой их площади. Я бы даже сказал, что объем этой информации обратно пропорционален площади. Причем информация не фоновой, которой можно в какой-то мере или пропорции пренебречь, а составляющей самую суть» (1982:106). Что же тогда говорить о крылатых выражениях, пословицах языка – своего рода конденсаторах огромной семантической энергии, отражающей культурологические аспекты каждого народа!

Нами был проработан целый ряд фразеологизмов русского и грузинского языков, дабы получить единую картину их происхождения и развития. При этом «тематика» фразеологизмов – сочетаний, сращений и выражений ограничивалась концептом «язык».

Перевод, найденные соответствия и аналогии в русском и грузинском языках приводят к интересным выводам. Например, в грузинском языках в каждом выражении повторяется слово *язык*, без чего «легко» обходится русский, заменяя на *речь*: тяжелая речь (язык – в грузинском), скованная речь, осторожная речь и так далее. Обращает на себя внимание и то, что практически все грузинские выражения начинаются со слова *ena* – язык, в то время, как в русских вариантах оно занимает произвольное местоположение.

Enadabmuli – связанный, скованный язык, речь (букв. – привязанный язык)

Ena daimokle! – Укороти язык!

Enaze kbilis dachera – Прикусить язык! (букв. – придави язык зубом)

Ena mutselshi chauvarda! – Язык проглотил (букв. – язык упал в живот)

Enas dzlivos avlebs – Еле ворочает языком

Enaze klitis dadeba – Держать язык за зубами (букв. – замкнуть язык ключом)

Enaze sheshreba satkmeli – Язык присох (букв.- сказанное присохло на языке)

Ena agar erchoda – Язык не повиновался

Enaze kmena – Прикусить язык

Enaze tsiskvilis kviz dakideba – Слово клещами не вытянешь (букв.- повесить на язык мельничный жернов)

Ena datsuloba – Приостановить речь, задуматься (букв. – языком замереть)

- Ena mdzime – Тяжелая речь (букв. – тяжелый язык)
 Enachlungi – «Бедный» язык, чересчур простая речь
 Enashenakhuli – Осторожная речь (букв. – сохраняющий язык)
 Ena gadmoagdo – Высунул (а) язык, чересчур много говорит
 Enagrjeli – Длинный язык

В грузинском языке существительное *ena* легко сочетается с прилагательными и образует слова-характеристики людей – *enadabmul* – связанный, скованный на язык, *enachagdebuli* – проглотивший язык, *enachavardnili* – проглотивший язык (букв.- проваленный язык), *enamochlekili* – заика и т.д. Вообще, в грузинском языке фразеологические выражения созданы, в основном, путем сочетания существительного с разными прилагательными или глаголами: *enis adgena* – заговорить, научиться говорить (букв. – взяться за язык), *ena datsuloba* – приостановить речь, задуматься (букв. – языком замереть), *ena gadmoagdo* – высунул(а) язык, чересчур много говорит и другие; в русском же языке представлено гораздо большее количество различных грамматических форм. В грузинском языке некоторые из данных фразеологизмов употребляются в повседневной речи и носят побудительный характер либо в повелительных предложениях: *Ena gaachume!* – Замолчи! (букв. сделай язык потише), *Enaze kbili daachire!* – Прикуси язык! (букв. – придави язык зубом), *Ena daimokle!* – Укороти язык! и другие.

Интересны некоторые несоответствия, казалось бы почти одинаковых выражений. Например, русский фразеологизм «Как за язык подвешенный» имеет в виду излишне болтливую человека-говоруну, у которого язык, иначе говоря, «хорошо подвешен». В грузинском языке практически то же сочетание *enitdakidebuli* (букв. подвешенный за язык) может означать только напротив - молчуна, человека, из которого и слова не вытянешь. То есть, в русском варианте это сочетание включает предлог **за** в контексте метафоры: человек образно подвешен за свой собственный язык – через гиперболичность создается фразеологический образ. В грузинском же языке происходит буквальное восприятие этого образа: человека подвесили **на** его же языке – как же он может говорить? Или, сравним выражения «Держать язык за зубами» и «Придержи язык» с аналогичными в грузинском языке. Аналогичными, но не подобными, потому что в грузинской ментальности существительное «язык» и глагол «держат» совершенно не «стыкуются» друг с другом; вот «прикусить» язык – это понятно: *Enaze kbili daachire!* – Прикуси язык! или придавить его чем-то тяжелым: *Enaze tsiskvilis kviz dakideba* – повесить на язык мельничный жернов.

Даже такой небольшой по объему материал подтверждает мысль о том, что каждая опорная лексема фразеологического текста является конденсатором семантики, в большей или меньшей степени обнаруживающейся в представленных текстах или предложениях. И, несмотря на то, что могут совпадать первичные значения внешне эквивалентных слов двух народов, никогда не совпадут их приращенные объемы.

Г.Цибашвили, рассуждая о книге переводов на русский язык грузинских сказок, отмечает, что перевод фольклорного материала связан с такими трудностями, которые могут и не встретиться при переводе произведений индивидуальных авторов. Имеется в виду и перевод имен, топонимов, зачинов и концовок сказок, фразеологизмов, и сохранение духа и тона повествования, без которых фольклорное произведение перестает быть таковым и приобретает просто описательный характер (1983). И если мастер пера Сомерсэт Моэм считал, что у слова есть три параметра, которые определяют его оригинальность и, как следствие, трудности при переводе: «Слово имеет вес, звук и вид; только помня обо всех этих трех свойствах, можно написать фразу, приятную и для глаза, и для уха» (1989, 351), то нам кажется, по отношению к идиоматическому слову можно было бы добавить четвертый параметр – дух, внутреннюю сущность, которая и является главной составляющей фразеологической единицы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АБЫЗОВ, Ю. (1982): *Почва и судьба*. Рига.
- МОЭМ, С. (1989): *Искусство слова*. Художественная литература. Москва.
- ОРТЕГО-И-ГАССЕТ, Х. (1991): *Блеск и нищета перевода // ОРТЕГО-И-ГАССЕТ, Х. Что такое философия?* Москва.
- ЦИБАХАШВИЛИ, Г. (1983): *К вопросу о переводе грузинского фольклорного текста на русский язык: (размышления о книге «Грузинские сказки. Сто сказок»)*. Литературное содружество народов СССР, 2. Тбилиси.

МОДЕЛИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОТОТИПА В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Н.В. ГАБДРЕЕВА

Как известно, в процессе заимствования иноязычный прототип не механически усваивается языком-рецептором, а подвергается его ассимилирующему воздействию. Процесс приспособления к новой системе происходит на всех уровнях: фонетическом, грамматическом, семантическом. Прослеживая лингвистические изменения в прототипе, которые сопровождают процессы заимствования и ассимиляции, можно говорить о том, что русский язык на протяжении 18-19 вв. вырабатывает определенные модели усвоения иноязычного материала. Например, фонетическая ассимиляция иноязычного прототипа в русском языке сопровождалась значительным вариативным разбросом, так при переводе произведений Монтескье в переводах 18-начала 20 вв. отмечены около 10 форм: Монтескюй, Монтескио, Монтескюль и др. В середине прошлого века устанавливается единая компилятивная модель передачи французских финалей на –et ; –iét ; -eux . Аналогичные типы, или модели, можно проследить и на других примерах и установить константные субституции. Однако в настоящем докладе мы остановимся на семантической рецепции одного иноязычного прототипа разными лексическими системами. Совершим для начала небольшой исторический экскурс.

Одной из проблем, к которой неоднократно возвращался Бодуэн де Куртенэ, было “смешение” языков, обусловленное политическими, экономическими, культурными контактами народов. По мнению ученого, языковое смешение может быть различных степеней, определялись две его крайности: смешение без всякого видимого следа в языке-рецепторе и языковая денационализация. Очевидно, что существует целый гетерогенный пласт между этими двумя полярными позициями. Мы рассмотрим некоторые модели, отражающие особенности ассимилирующего воздействия языков-рецепторов (русского, польского, украинского) при заимствовании одного прототипа. Несколько слов

о терминологии. В работе используется классическая дефиниция термина заимствования, используемая в фундаментальных работах по контактологии Ю.С. Сорокина, Е.Э. Биржаковой, Л.А. Войновой, Л.Л. Кутиной, Н.И. Гайнуллиной, из современных исследователей Й. Айдуковича. Под прототипом понимается лексико-фонетический комплекс, слово из другого языка, которое послужило основой для коррелята в языке-рецепторе. В данном докладе в качестве прототипов анализируются слова французского происхождения, однако очевидно, что к анализу могут быть привлечены прототипы иных этимологий.

Первая модель может быть представлена как качественные изменения, связанные с сужением семантического объема в языках-рецепторах и иллюстрируется следующими примерами. Лексема *parter* (букв. на земле) была заимствована обоими языками (русским и польским) из французского в XVIII веке, в котором функционировали основное значение 'цветник' и переносное 'задние места в зрительном зале'. Ядерная сема 'нечто, находящееся на земле' сохранена обоими языками. В русском языке XVIII века семантическая структура галлицизма была представлена перераспределенным по значимости комплексом значений: основное – театральный термин 'задние кресла зрительного зала' (места дешевые по сравнению с передними местами, которые были дорогими и назывались кресла, пространственное расширение слова партер отмечается во 2-й пол. XX века), второстепенное 'цветник', архаизированное к концу XVIII в. В современном русском языке отмечается наращение значений: партер – спортивный термин в классической борьбе. В польском языке при сохранении ядерной семы наблюдается семантическая деривация – на первый план выходит развившееся значение 'нижний этаж', которое дает ряд производных: *parternia* 'место консьержа или хранителя ключей', *parterowy* 'одноэтажный дом'. Нумерация этажей в русском языке не совпадает с европейской, где нижний этаж (фр. *rez-dechaussee*, польск. *parter*) обычно считается нулевым.

Другим примером может служить французский прототип *invalide*, который дал корреляты в русском, польском и украинском. Во французских этимологических словарях лексема датируется 1540 годом как заимствование из латыни в обобщенном значении 'sans force' (Доза). В латинском языке слово представляло собой префиксальное производное от *validus* 'сильный крепкий здоровый'. Во французском языке 17-19 вв. наблюдается сужение семантического поля, поскольку идея обессиленности и дряхлости связывается лишь с воинами, потерявшими в боях за отечество здоровье, т.е. *invalide* имело значение 'ветеран'. В 1670 году Людовиком 14 в Париже на левом берегу Сены было построено убежище для ветеранов войны, которое до сегодняшнего дня носит название *Les invalides*. В русском языке 18 века закрепилось первоначальное прототипическое значение. В русских переводах "Персидских писем" Монтескье 18 века, где описываются достопримечательности Парижа, французское слово переводится оборотом "увечные дряхлые воины, жертвы отечества". И лишь к концу 19 века (перевод 1892 г. Ивана Первого) отмечается

заимствование “ во дворце инвалидов”. К этому времени у русского слова произошло расширение понятийного поля, именно в этом нарастленном значении оно фиксируется и в словаре В.И. Даля: “ Инвалидъ м. съ фрнц. Отслуживший, заслуженный воин, неспособный к службе за увечьем, ранами, дряхлостью” (Даль; 2, 44). У А.С. Пушкина в 20-е гг. слово в рассматриваемом значении встречается дважды, ср. “ В любви считаюсь инвалидом, Онегин слушал с важным видом как сердца исповедь любя, поэт высказывал себя” (Пушкин, 59). В украинском и польском языках в современном состоянии словари фиксируют значение ‘ kaleka’ (Стыпула, Ковалева).

Несколько иначе семантически адаптируется слово *magasin*: сохраняется основная прототипическая сема ‘место хранения, собрание чего-либо’. В русском языке XVIII века весьма распространены контексты *магазин памяти, рукописей, продуктов, оружия*, ср. например, название журнала “ Магазин натуральной истории, физики и химии” который выходил в 1788-1790 гг., однако в XIX в. в русском языке происходит метонимический перенос: место, где хранят и продают что-либо. В польском языке на первый план выходит и сохраняется основная сема: *magazyn* ‘склад, хранилище’, *magazynowy* ‘складской’, *magazynowac* ‘хранить на складе, копить’.

Таким образом, можно наблюдать, что в данной модели при заимствовании одинаковых прототипов в русском и польском языках, при сохранении основной центральной семы происходит перераспределение периферийных сем, которое находит выражение в развитии новых значений и различных семантических модификациях.

Вторая модель представляет собой редукцию прототипа в русском языке на более позднем этапе с сохранением и образованием семантических и иных производных в польском и украинском. Иллюстрацией является французское *sense*, заимствованное в русский язык в Петровскую эпоху. Знаменитое кредо переводчиков того времени “хранить сенси от сенсу”. Судьба слова в русском языке была недолговременной: к концу XVIII века оно выходит из активного словоупотребления. Однако в украинском и польском языках прототип закрепляется и функционирует до настоящего времени: польско-русский словарь Р.Стыпулы приводит *sens* ‘ смысл’, см. также цитату из перевода “Маленького принца” Экзюпери на украинский язык: “*Колись у цьому був сенс*”(Сент-Екзюпери, 48). Другой иллюстрацией может служить французский прототип *mur* ‘стена’, заимствованный русским языком в Петровскую эпоху (Смирнов) Однако уже к концу 18 века слово редуцируется. В украинском языке *мур* ‘стена’ сохраняется, в польском *mur* ‘стена из камня’ даст ряд производных, например *murowac* ‘ строить из камня’, которое, видимо, на более позднем этапе было именно через польский заимствовано русским языком в форме *замуровать*.

Третья модель иллюстрирована процессом сохранения французских лексем в трех языках с семантической структурой прототипа, это русско-польско-украинские корреляты: *миллион-million- мільйон, коллекция- kolekcja- колекція* и др. При сохранении плана содержания, однако, в плане выражения возможны

фонетические, морфологические, орфографические изменения, связанные с особенностями принимающих систем: это и субституции звуков, смена грамматических характеристик, удвоение согласных, йотация и т.д.

Четвертая модель характеризуется заимствованием прототипа только польским и украинским языками: пол. *kravatka* 'галстук' (фр. *cravate*), укр. фарб, пол. *farba* 'краска' (фр. *farbe*), пол. *kawiar* 'икра' (фр. *caviar*), укр. фотеля, пол. *fotel* 'кресло' (фр. *fauteil*). В дальнейшем предстоит выяснить, почему в русском языке звенья этой цепи оказались свернутыми.

Полная картина рецепции прототипа в славянских языках может быть представлена при диахроническом изучении процесса заимствования и привлечения различных источников и словарей. Представленная работа, отчасти носящая фрагментарный характер, является первым опытом такого изучения. В лексикографическом виде проблема взаимодействия прототипов и соответствующих коррелятов в славянских языках решается в словаре Й.Айдуковича (Айдукович, 2004). Дальнейшую перспективу мы видим также в изучении прототипов иных этимологий. Пока же нами (Габдреева, 2011) исследованы процессы ассимиляции французской лексики в 18-20 вв. на материале разновременных переводов французской литературы.

БИБЛИОГРАФИЯ.

- АЙДУКОВИЧ, Й. (2004): *Контактологический словарь адаптации русизмов в восьми славянских языках*, Белград, 2004.
- БОЛЬШОЙ РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЙ СЛОВАРЬ / Л.В. Щерба, М.И. Матусевич, С.А. Никитина и др. – 6-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2006.
- ДАЛЬ, В.И. *Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля*: Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. – СПб., 1882.–ТТ.1-4.
- ПУШКИН, А.С.(1977): *Евгений Онегин. Драматические произведения. Романы и повести*, М.: Художественная литература.
- Сент-Екзюпери, Антуан де, 1976: *Маленький принц: пер. на украин. язык А. Жаловського*,– Киев: Молодь .
- СМИРНОВ, Н.А. (1910): "Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху (словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху петра Великого)", Сборник ОРЯС, СПб., 1910, Т.88, № 2.
- СТЫПУЛА, Р., КОВАЛЕВА, Г.В. (1980): *Польско-русский словарь*. Около 35 000 слов. Изд. 3-е стер., Москва-Варшава: Русский язык–Ведза Повшехна.
- ГАБДРЕЕВА, Н.В., 2011: *История французской лексики в русских разновременных перекладах*, 2-изд., испр и доп. М. Ленанд.

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ В
ПЕРЕВОДАХ А.ЧЕХОВА НА ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК
(НА МАТЕРИАЛЕ КОНЦЕПТА «ГОСКА»)

Л.В. СОКОЛОВА

Основная проблема, с которой сталкивается переводчик при передаче референциальных значений, выраженных в исходном тексте, - это несовпадение круга значений, свойственных единицам исходного языка (ИЯ) и переводящего языка (ПЯ). Л.С. Бархударов отмечает, что все типы семантических соответствий между лексическими единицами двух пунктов можно свести к трем основным: 1) полное соответствие; 2) частичное соответствие; 3) отсутствие соответствия. (Бархударов, 1975).

В тех случаях, когда соответствие той или иной лексической единице одного языка в словарном составе другого языка полностью отсутствует, принято говорить о безэквивалентной лексике. Этот термин ввели Е.М. Верещагин и В.Г.Костомаров. Под безэквивалентной лексикой они понимают «слова, служащие для выражения понятий, отсутствующие в иной культуре и в ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, т.е. к культурным элементам, характерным только для культуры А и отсутствующим в культуре В, а также слова, не имеющие перевода на другой язык, одним словом, не имеют эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат». (Верещагин, Костомаров, 1983) При этом отмечается, что характерной чертой безэквивалентных слов является их непереводаемость на другие языки с помощью постоянного соответствия, их несоотнесенность с некоторым словом другого языка. Но это не обозначает того, что они совсем непереводаемы.

Русский язык, как и любой другой естественный язык, отражает определенный способ восприятия мира. Владение языком предполагает владение концептуализацией мира, отраженной в этом языке. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений русского языка, складывается в некую единую систему взглядов и предписаний,

которая в той или иной степени разделяется всеми говорящими по-русски. В соответствии с общими принципами новомосковской школы концептуального анализа, представления, формирующие языковую концептуализацию мира, входят в значения языковых выражений в неявном виде, в качестве своего рода «презумпций»: пресуппозиций, «фоновых» компонентов смысла, коннотаций. Они не относятся к ассертивному компоненту значения языковой единицы и в норме не попадают в фокус внимания участников коммуникации. В результате человек, говорящий на данном языке, обычно принимает их на веру, как нечто само собой разумеющееся, не задумываясь и сам того не замечая; у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь (Зализняк, Левонтина, Шмелев: 2005). Но при сопоставлении разных языковых концептуализаций мира обнаруживаются значительные расхождения между ними, причем весьма нетривиальные.

Для переводчика особенно важно постигнуть основные черты менталитета другого народа, без этого невозможно понять чужую культуру. Один из способов ее постижения нам видится в обращении к концептуальной картине мира, отразившейся в русских художественных текстах

Перевод произведений А.Чехова на иностранные языки способствует развитию уровня постижения русской языковой картины мира, так как ключевые образы-концепты чеховского текста проливают свет на духовные константы русской культуры. Анализ переводов чеховских произведений на испанский язык позволяет сделать вывод о том, что именно чеховские тексты вызывают неизменный интерес у переводчиков, и одновременно, большие трудности в понимании ключевых языковых единиц. Это связано с тем, что в текстах А.Чехова достаточное количество языковых единиц обладает богатой «скрытой семантикой», т. е. содержит нетривиальные презумпции, дающие «ключ» к пониманию каких-то ее важных характеристик языковой концептуализации мира. Они определенным образом соотносятся с «ключевыми» концептами культуры. В силу того, что они содержат нетривиальные презумпции, они обычно плохо поддаются переводу на другие языки (Шмелев, 2002, 2007) Так, плохо поддаются переводу в текстах А.Чехова такие «ключевые» русские слова, как *тоска*, *надрыв*, *воля*, *простор*, *даль*, *ширь*, *приволье*, *раздолье*, *добраться*, *выбраться*, *разлука*, *неприкаянный* и др.

Обратимся к одному из ключевых концептов чеховского текста *тоска*, понимание которого вызывает определенные сложности у испанских переводчиков.

Русского читателя испанских переводов Чехова не может оставить равнодушным разнообразие переводов слова «тоска» на испанский язык. Автор обнаружила по крайней мере 24 варианта перевода этого слова на испанский: *tristeza* “грусть, печаль, уныние, хандра, плачевность, прискорбность”, *melancolía* “меланхолия, уныние, хандра”, *morriña* “тоска, грусть, печаль”, *angustia* “тоска, печаль, беспокойство, тревога”, *recuerdo* “воспоминание, память о прискорбном событии”, *rememoración* “воспоминание, воскрешение в памяти (прискорбного события)”, *songoja* “тоска, тревога, смятение”, *esplín* “сплин,

хандра”, *añoranza* “тоска, печаль”, *soledad* “одиночество, печаль, тоска”, *aburrimiento* “скука, тоска”, *tedio* “скука, тоска” – *causar tedio* “наводит тоску”, *fastidio* “неудовольствие, утомление”, *pesadumbre* “обида, беспокойство, тревога, тяжесть, трудность”, *pesadez* “тяжесть, крайняя усталость”, *amargura* “горечь, огорчение, душевная боль”, *aflicción* “огорчение, расстройство, скорбь” – *caer en aflicción* впасть в уныние, *pena* “огорчение, боль, страдание, мучение”, *desconsuelo* “безутешное горе, безнадежность, отчаяние”, *tribulación* “скорбь, печаль”, *quebranto* “разрушение, несчастье”, *desdicha* “несчастье, беда”, *dolor* “боль, страдание, скорбь” и т.д.

Значит ли это, что тоска является русским национальным концептом, точный эквивалент которого отсутствует в испанском языке?

Тот или иной концепт можно отнести к национальным, если он соответствует некоторым критериям (Wierzbicka, 1992). Во-первых, слово, обозначающее концепт, должно быть высокочастотным. Во-вторых, это слово должно содержать активную производящую основу и входить в состав устойчивых идиоматических конструкций. Эти два критерия обеспечивают использование концепта в повседневном речевом мышлении носителей языка. Наконец, концепт должен быть “семантически нагруженным” и, как правило, должен вызывать трудности перевода на иностранный язык (за исключением случаев, когда этому концепту соответствует точный эквивалент в языке перевода).

Действительно, слово *тоска* имеет намного более высокую частотность в русском языке по сравнению с ближайшими испанскими эквивалентами: на один миллион единиц непрерывного русского текста приходится пятьдесят три упоминания этого слова (Засорина Л. Н., 1977), в то время как в миллионном корпусе слов испанского текста эквиваленты *тоски* - *tristeza*, *angustia*, *añoranza* - упоминаются 18, 10, 5 раз.

Тоска удовлетворяет и второму критерию “национальности” - наличию словообразовательного гнезда (*затосковать*, *тоскливо*, *тоскующий* и др.) и устойчивых идиоматических конструкций (*тоска по Родине*, *зеленая тоска*, *нагнать/развеять тоску*, *смертельная тоска*).

Третий критерий национальности концепта - его семантическая “нагруженность” - в концепте *тоска* проявляется особенно ярко. Среди семантических составляющих русской тоски А.Вежицкая выделяет такие, как ‘грусть’, ‘пустота’, вызванная ‘отсутствием, и недоступностью кого-то или чего-то’ чего-то хорошего’, ‘безграничное непримиримое страдание, которое простирается за границу “этого” мира’, ‘контраст между миром “здесь и сейчас”, который потерял свою привлекательность, и другим, недоступным, миром, который содержит потерянное сокровище’ (Wierzbicka 1990).

Однако, сопоставив эти развернутые семантические компоненты с простейшим толкованием лексемы *тоска* в русских словарях, легко увидеть, что А.Вежицкая обошла вниманием еще один важный семантический аспект этого русского концепта.

Русская эмоция *тоска* обычно толкуется как «душевная тревога, соединенная с грустью» (Ожегов: 1988; 656) либо как «тяжелое душевное состояние,

характеризующееся томлением, грустью, тревогой и упадком сил» [1] (Черных: 1993, II; 253). Таким образом, важнейшая составляющая *тоски* – тревога, т.е. особый, иррациональный, вид страха, источники которого непонятны для человека. Это русский аналог немецкого Angst, английского anguish или испанского *añoranza*. Такой иррациональный страх (=тревога) исчезает, как только человеку становятся понятными причины, вызвавшие его.

Возможно, что *тоска* является своеобразным «семантическим мостиком», который соединяет функционально-семантические поля со значением «страха» и «печали». Показательно, что в параллельных испанских текстах-переводах Чехова русскому *тоска* могут соответствовать как слова, обозначающие *тревогу* (исп. *pesadumbre, congoja*), так и слова, обозначающие *грусть, печаль* (исп. *angustia, tristeza, añoranza*).

С другой стороны, внутренняя форма анализируемых лексем и метафорические модели, в которых они используются, содержат и идею пустоты, отражающую в конечном счете пустоту душевного состояния человека, испытывающего тоску. Так, этимологи соотносят слово *тоска* с *тощий* и *тищетный* (Черных: 1993, II; 253). А писатели активно используют образ пустого помещения как метафору состояния души. См., например, приводимые А.Вежицкой строки М.Цветаевой: «По тебе внизу тоскует мама./В ней душа грустней пустого храма». Таким образом, русская *тоска* отличается самым широким спектром передаваемых эмоций – от грусти и печали до душевной пустоты и тревоги. В испанских эквивалентах семантический компонент тревоги и страха значительно приглушен; испанский концепт *añoranza* оказывается ближе к русскому слову “печаль”, а другой концепт *angustia* – к русскому эквиваленту “грусть”.

Фрагмент картины мира, связанный с эмоциональным состоянием *печали*, также отличается в исследуемых языках значительным своеобразием. В *русской* картине мира *грусть* как более интимное, личностное и спонтанно возникшее чувство (см. возможность употребления данной лексемы в дативных конструкциях типа *Мне грустно*) противопоставлена *печали* как чувству, закономерно вызываемому смертью близкого человека или разлукой с ним. Печаль (по крайней мере генетически) - это коллективное и не зависящее от воли и настроения отдельной личности чувство. В силу того, что это своего рода иная форма контакта с умершим, печаль может осмысливаться в русской лингвокультуре и как светлое чувство. *Печали* с другой стороны противопоставлена *скорбь* как демонстративное переживание разлуки с умершим.

Таким образом, в *русской* лингвокультуре эмоция *печали*, выражающая уныние в связи со смертью близкого человека, до сих пор воспринимается как эмоция в значительной степени *коллективная* (ср. невозможность использования лексемы *печаль* в дативных конструкциях типа **Мне печально*).

В центре *испанской* картины мира также находится эмоция *angustia, añoranza* которая, однако, несколько отличается от одноименной русской эмоции. Она обозначает печаль внутреннюю - общее уныние, подавленность,

пустоту. Ей противопоставлена эмоция *dolor*, передающая печаль, скорбь и траур по умершему. Таким образом, в *испанской* лингвокультуре эмоции *grustь, печаль и скорбь*, передающие уныние в связи со смертью близкого человека, воспринимаются как более личностные, интимные или отчасти демонстративные.

Эмоция *тоски* в *русской* языковой картине мира на первый взгляд кажется очень личностной: причины, ее вызывающие, могут быть любыми, формы, в которых она может проявляться, - весьма многообразными. Между тем весьма примечательно, что тоска другого человека воспринимается окружающими как нечто извинительное даже в тех случаях, когда внешние проявления этой тоски грозят им серьезными неудобствами. Это, пожалуй, один из немногих случаев, когда общество в *русской* лингвокультуре относится к личности с сочувствием и пониманием. Следовательно, тоска в известной степени не разрывает, а, наоборот, укрепляет межличностные связи. С другой стороны, сама тоска на самом деле не столько личностное, сколько социальное чувство (это, в частности, отличает *тоску* от *грусти*). Действительно, тоска по умершему или отсутствующему человеку – это стремление восстановить утраченные социальные связи. Безобъектная тоска (*Мне тоскливо*) на самом деле вызвана тем или иным разрывом с обществом (потерей работы, неудовлетворенностью карьерой, проблемами в семье, отсутствием цели в жизни).

На фоне *русской* лингвокультуры в *испанской* языковой картине мира тоска предстает как более личностное чувство. Это проявляется в многообразии лексических средств, обозначающих тоску (см. исп. *angustia, añoranza, tristeza, pena, melancolía, amargura, morriña, aflicción* и т.д.), каждое из которых акцентирует внимание на том или ином аспекте переживания данной эмоции, а также в употреблении данных слов в безличных конструкциях типа *Me da mucha pena*), маркирующих спонтанность наступления тоски.

Относительно *испанских* переводов *тоски* в чеховском тексте, можно заметить, что переводчик выбирает тот *испанский* эквивалент *тоски*, который ближе всего отражает актуализированный контекстом компонент *русского* понятия. Все варианты переводов *тоски* в чеховских текстах можно свести к трем основным семантическим группам: первая группа актуализирует такие аспекты *тоски* как томление, ожидание, сильное желание чего-то, а также эмоциональное напряжение, связанное с интенсивностью такого желания: *tristeza, melancolía, añoranza, angustia y etc.*. Вторая группа актуализирует значения отрицательных эмоций - грусти, печали из-за недостижимости желаемого, а также значение тяжести и душевной боли: *aflicción, pena, dolor, amargura y etc.*. Третья группа вариантов перевода акцентирует внимание на таких компонентах значения тоски, как уныние и скука: *moriña, congoja, tedio y etc.*.

Изучение переводов национальных концептов типа *тоска* на иностранные языки, таким образом, помогает высветить особенности семантического наполнения того или иного концепта, обеспечивая широкое поле для исследований в области теории и практики перевода.

БИБЛИОГРАФИЯ

- БАРХУДАРОВ, Л.С. (1975): Язык и перевод. М.: Международные отношения. С.74
- ВЕЖБИЦКАЯ, А. (1996): *Язык. Культура. Познание*. М.
- ВЕРЕЩАГИН, Е.М., КОСТОМАРОВ, В.Г. (1983): Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык. С.53
- КОЛЕСОВ, В.В. (2004): *Язык и ментальность*. СПб.
- ЗАЛИЗНЯК, А.А., ЛЕВОНТИНА, И.В., ШМЕЛЕВ, А.Д. (2005): *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Языки славянской культуры. Москва.
- МАСЛОВА, В.А. (2004): *Когнитивная лингвистика*. – Минск.
- ОЖЕГОВ, С.И. (1988): *Словарь русского языка*. М.: Русский язык.
- СТЕФАНСКИЙ, Е.Е. (2007): «Тесно мне! Тесно мне!» Страх и тоска как доминирующие эмоции персонажей в романе М.Булгакова «Мастер и Маргарита», *Probleme de filologie slava. XV*, Timisoara: Editura Universitatii de Vest, 2007. – P. 63-71.
- СТЕФАНСКИЙ, Е.Е. (2008): «Грамматика страха» в русском языке сквозь призму межкультурной коммуникации. В кн.: *Русистика и современность. Том 1. Материалы X международной научно-практической конференции*. СПб.: Издательский дом «МИРС». С. 235-238.
- ШМЕЛЕВ, А.Д. (2002): *Русская языковая модель мира: материалы к словарю*. Языки славянской культуры. М.
- ШМЕЛЕВ, А.Д. (2007): «Русская языковая картина мира: система ценностных установок». В кн.: Congreso Internacional “La lengua y literatura rusa en el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas”. Ponencias y comunicaciones. Granada-San-Petersburgo. Tomo II. *Частотный словарь русского языка (под ред. Л.Н.Засориной)*. Л.: Русский язык, 1977.
- Частотный словарь испанского языка (Spa-Rus)* <http://wordsgalore.com>
- ЧЕРНЫХ, П.Я. (1993): Историко-этимологический словарь русского языка. В 2 тт. М.: Русский язык.
- WIERZBICKA, A. (1990): Duša (» soul), toska (» yearning), sud’ba (» fate): three key concepts in Russian language and Russian culture. In: *Metody formalne w opisie języków słowiańskich. Białystok, 1990.S.13-32.*
- DICCIONARIO DE LA LENGUA ESPAÑOLA: 2005 Espasa-Calpe:

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

Н.Д. КАДЖАЯ, С.А. МУДЖИРИ

Изучение языка писателя в контексте лексической типологии является актуальным в современном языкознании. “Каков человек, таковы его речи (Виноградов 1980: 56)”. В это латинское изречение В.В. Виноградов вкладывал не только нравственно-эстетический, но и исследовательский смысл.

Интересным объектом изучения и описания в контексте лексической типологии является языковая личность писателя, например, К. Паустовского (автора книги «Бросок на юг», одной из его "грузинских" произведений), языковая личность в иноязычной среде, а также возможное сравнение его путешествия с "путешествием" нашего современника, Владимира Викторовича Каминера, популярного в Германии писателя русско-еврейского происхождения. О творчестве русско-немецкого писателя написано уже достаточно и в Германии, и за её пределами, однако язык его произведений, язык особого случая путешествия - эмиграции, ещё не стал предметом столь широкого академического исследования, как К. Паустовского.

На сегодняшний день известны различные подходы изучения ЯЛ, определяющие статус её существования в лингвистике: элитарная ЯЛ (Сиротинина О., Кочеткова Т.), русская ЯЛ (Караулов Ю.), ЯЛ западной и восточной культур (Снитко Т. и др.). К ним можно добавить ещё одну - языковая личность в иноязычной среде (ЯЛИС), в среде иной этнокультуры. Это языковая личность К. Паустовского – писателя в среде грузинской этнокультуры и В.В. Каминера в среде немецкой этнокультуры.

Задачей исследования является не только раскрытие авторского замысла, который проявляется в смысле текста, как авторской задумки, но и изучение ЯЛ писателя, масштабной и впечатлительной, её лексического наполнения русскими и иноязычными лексемами (в том числе и западноевропейскими). Так, вся жизнь первого русского писателя, становление его ЯЛ с раннего детства

до начала тридцатых годов, описана в шести книгах автобиографической «Повести о жизни», куда входит и «Бросок на юг». Личность К. Паустовского, как и В. Каминера, отражающая и социальную, и индивидуальную ориентированность языка в его социально - этнической объективности и личной субъективности, в этом случае очень показательна. А этнический момент проецируется на текст произведения писателя, как результат речевой деятельности. В данном случае нас интересует не только сам по себе художественный текст, но и проявленные в нём черты этнокультуры, выраженные через лексическое наполнение. Кавказская тема оказала самое непосредственное влияние на этническую проблематику: напряженное взаимодействие природы, человеческих душ и мира этнических законов возникает во вполне конкретных бытовых ситуациях, воспоминаниях К. Паустовского о пребывании в Грузии. Как биографический писатель, автор-герой рассказывает о том, что было с ним, не о чужих, а о собственных сомнениях и заблуждениях и передаёт это, в большинстве случаев, посредством иноязычной лексики.

Язык пятой книги «Бросок на юг» автобиографического произведения лирической эпопеи «Повести о жизни» пронизан разной иноязычной лексикой и содержит синтаксические структуры, передающие специфику местных интонаций. В тексте представлен экспрессивно-эмоциональный пласт речи, отражающий местный колорит трёх городов, где жил и работал К. Паустовский. Отсюда особенность лексической наполненности языка писателя, передающего события трёх циклов кавказского путешествия: сухумского, батумского, тбилисского и четвёртого - дорожного. Также как и у К. Паустовского, у В. Каминера все написанные до сих пор произведения принадлежат к двум жанрам литературы, которые являются сейчас наиболее популярными - автобиография и «дорожная история». Однако К. Паустовский путешествовал, чтобы рассказывать, а В.В. Каминер, наоборот, рассказывает, вместо того, чтобы путешествовать. Наиболее интересна (и в плане сравнения с "дорожными" рассказами Паустовского) «Военная музыка» Каминера, имеющая подзаголовок «Роман», книга, которую сравнивают с плутовским романом, состоящая из многих эпизодов и отражающая в общих чертах биографию писателя в советский период его жизни. Также как и у Паустовского, большая часть историй Каминера - это рассказы от первого лица. Таким образом, мы можем говорить о лексической наполненности языка автора и рассказчика в обоих случаях.

Кавказская тема оказала самое непосредственное влияние на этническую проблематику: напряженное взаимодействие природы, человеческих душ и мира этнических законов возникает во вполне конкретных бытовых ситуациях, воспоминаниях К. Паустовского о пребывании в Грузии. Как биографический писатель, автор-герой рассказывает о том, что было с ним, не о чужих, а о собственных сомнениях и заблуждениях. Пятая книга «Бросок на юг» автобиографического произведения лирической эпопеи «Повести о жизни» построена по новеллистическому принципу. Это произведение с циклической

формой построения объединяет в одно целое главный лирический герой – писатель.

В процессе работы над текстом были выявлены 600 языковых единиц (слов, словосочетаний, конструкций), которые были сгруппированы в 10 семантических блоков (имеющих, в некоторых случаях, градацию внутри себя): 1) слова – географические названия, имена собственные (названия областей, районов, рек, озер, гор и т. д.); 2) слова – названия природных явлений, свойственных данному региону; 3) названия животных (фауны); 4) названия растений (флоры); 5) слова, выражающие характеристики (краски, тона, оттенки, интенсивность и т. п.); 6) слова-названия предметов быта, обстановки; 7) названия национальных традиций, обычаев, нравов; 8) слова – названия национальных характеров (имена собственные людей, личностей,..); 9) названия явлений грузинской, абхазской и др. культур, искусства, литературы, истории, фольклора; 10) слова и обороты, описывающие взгляды, отношения, настроения, впечатления автора под воздействием каких-то явлений, событий. Причём к выделенным блокам относятся как отдельные слова, так и словосочетания двухкомпонентные и многокомпонентные, а также целые предложения и высказывания.

«Бросок на юг» отличается от других повестей цикла своей тональностью, стилистикой. Пестрый, яркий эмоциональный мир Кавказа представлен здесь без прикрас, передавая тогдашнюю сложную атмосферу времени. К. Паустовский проявляет необыкновенное умение, способность созерцать, наблюдать и, воспринимая, понимать незнакомую действительность реально, а иногда и преувеличенно выпукло. С первых же строк текста на нас обрушивается водопад региональных, этнических названий, прямо и описательно, с авторской характеристикой передающий глубокий их смысл: табачная республика, душная и маленькая Абхазия, Сухум, Главный хребет, Клухорский перевал, Аджария, Черноморье, встревоженный войной и междоусобицей Кавказ, река Келасура, гора Чернявского, селение Цебельда, Мерхеулы, Самурзакано, вершины Большого Кавказа, Сванетия,.. Русский писатель становится прекрасным знатоком национальных традиций, обычаев и нравов, оказывается хорошо осведомлённым в вопросах жизни грузинского, абхазского, аджарского народов вплоть до мелочей быта, обстановки, предметов обихода и т.п. Интересным, живым языком передаёт писатель этническую обстановку кавказских народов с первых своих шагов на этой богом благословенной земле. В тексте находим много слов - названий грузинской обстановки, быта. Причём названия-существительные находим как отдельно, так и в сопровождении эпитетов, сравнений, оборотов: быт (удивительный); дом (мингрельский на сваях), дом (отмеченный кровной мстью), (проклятые) дома, береговые приюты (бордингаузы, гостиницы для матросов), подушка (набитая сухумским табаком), сараи (бесчисленные), дворовый лабиринт (извилистый), казарма (маленькая), ниши (с железными дверями), сиденья (маленькие железные), примусы (шипящие),.. Оружие, как обязательный, главный атрибут одежды кавказцев: оружие (спрятанное под

одеждой), маузер (тяжёлый), ружьё (кремневое), пистолет-пушка, обрезы и карабины, кинжалы (старинные, фальшивые) и т. д.

В «Броске на юг» довольно большое количество слов в переносном употреблении, тропов. Находим эпитеты, метафорические описания, олицетворения, сравнения: пароходы (недовольные, ревели во мгле простуженными сиренами и тускло блестели мокрыми палубами,.. / ... вызвал у меня чувство жалости, как промокший под дождём, дрожащий от непогоды неудачник... / ... абхазские суеверия, черепа лошадей (от дурного глаза), мольба испуганная, месть кровная, судилища старцев, любовь кровная, жестокая, беспорядок базарный, черты изобилия, песни застольные, оркестр журначей, духаны (темноватые, низкие) и т.п. К. Паустовский перечисляет яркие, колоритные названия духанов, состоящие из слов и словосочетаний с согласованными и несогласованными определениями-эпитетами, а также с формами повелительного наклонения глагола: «Симпатия», «Сюр-Кура», «Зелёная скумбрия», «Завтрак на ходу», «Царица Тамара», «Отдых людям», «Остановись, голубчик», «Бабуля по-рецески» (бабуля – местное название рыбы “барабули” или “султанки”; по-рецески - «по-гречески»). Ещё одно очень “смелое” название духана – кабака передаёт писатель: «Тили пучули», что, мягко говоря, означает «маленькая вошь». Нужно отметить, при описании некоторых жизненных фактов К. Паустовский допускал своеобразную «вольность», что приводило к искажению действительности.

В «Броске на юг» много слов, характеризующих кавказский быт, т. наз. экзотическая лексика, которая выполняет в тексте как номинативную, так и стилистическую функцию. Любовь ко всему экзотическому, к путешествиям привела писателя в Грузию. Результат: его языковая личность обогатилась экзотической лексикой, колоритными словами - символами. Это слова - названия грузинской кухни, национальной одежды, предметов быта, игр; обращения вежливые, ласкательные, выражающие душу истинных грузин, а также просторечные, междометные формы, возгласы, названия лиц по роду деятельности, национальности и т.д.: башлыки, черкески, лезгинка, журначи, сазандари, муши, кинто, мингрел, Колау, шампуры, нарды, тахта, тики (бурдюк), мцвади (шашлык), изабелла (темно-лиловый виноград), хурма, тархун, кинза, сулгуни, чахохбили, харчо, локо (разновидность рыбы), сациви, лаваш, чурек (мчади), маджарка (вместо мачари - “молодое, бешеное вино”), чача (грузинская водка), мацони (кавказская простокваша), нафт (вместо нефти - “керосин”),.. Текст пронизан местной лексикой и содержит синтаксические конструкции, передающие специфику местных интонаций, экспрессивно-эмоциональный пласт речи, отражающий местный колорит: кацо (Ты мне не веришь, кацо, но клянусь своей дочерью... / Тысячи лет они резали друг друга, кацо, - и вдруг запрещение! / Дорогой подарок, кацо!); мравал джамиер (... самый пьяный гость пел отчаянным, пропащим голосом застольную «Мравал джамиер! »); генацвале (Оглянись на меня, генацвале, генацвале, оглянись на меня!); батону (Хорошо, батону!); уй-мэ - “горе мне” (...девица каждый раз испуганно вскрикивала: «Уй-мэ!», «Уй-мэ!»).

Писать об общественной жизни и быте России после революции К. Паустовскому было не трудно. Но писать о неизвестной до того, далёкой Грузии, Абхазии, Аджарии, не зная языка, было совершенно невероятно. Грузинская земля предстала перед писателем “живой стеной” роскошной растительности, природы. “Что это? - спрашивал себя Паустовский, очарованный райскими красками буйной природы... - Мираж? Остров Таити или райские острова Самоа?” Этот рай назывался Абхазией. О ней он мало знал в то время. Не было ни газетных статей, ни книг (кроме чеховской “Дуэли”), ни одного рассказа о Сухуми. “Для меня все в Абхазии было тогда чужим - и горы, и реки, и растительность, и народ (Паустовский 1967: 227)”. Но огромный талант, человеческое и языковое чутьё позволили К. Паустовскому понять и описать экзотическую природу, иноязычную среду, чужой народ, его нравы. И, на первый взгляд, душная и маленькая Абхазия стала составной частью его человеческой, языковой личности. Писатель научился жить в чужом мире, жить в чужом языке и творить в нём свой мир и свой язык, т.к. языковые личности “взаимно инкорпорируют в себя языковой опыт партнёра ..., пробуждая многообразные и сугубо индивидуальные отклики в своём языковом мире ... [Гаспаров, 1996, 115]”.

Для большей интенсивности изображения К. Паустовский употребляет в описании глаголы, поэтому его метафоры, возникающие на базе конкретного значения, семантически активны и органичны, вовлекаясь в метафорический процесс олицетворения, делают наглядными и зримыми картины природы. Глагольный компонент метафорических словосочетаний в “Броске на юг” выражает семантику движения, конкретного физического действия: разрывать (Гроза разрывала молниями чёрное небо); реветь, мчаться, ворочать (Ревя, мчались по лощинам водопады, ворочая глыбы камней.); чернеть, свирепеть (Чернела и свирепела морская даль.); кипеть (море кипело); гореть (Они (косы) горели под солнцем, как золотой песок.); взвиваться (Листья взвивались, как маленькие змейки.); обливаться (зной обливал); двигаться (льды двигались); собираться, двигаться (Листья собирались в целые эскадры и двигались очень дружно.); кипеть (пенистые реки кипели) и т. д.

Оценочный компонент также неотъемлемая черта текста Паустовского. Оценка проявляется не только эксплицитно (“хорошо”, “плохо”, “недопустимо”, “замечательно”, т.е. через слова, передающие логическую оценку), но и в характеристиках событий, персонажей, в интонации рассказчика, в авторских отступлениях, монологе: Философия запивох!/ Психопат! /...не психопат, а негодяй./ Книга стихов под заглавием “Цветы, поэзия, сукина дочь!”/ Дотопаете до места пёхом .../ Смотри, не сковырнись в какую-нибудь гадость.../ ... слава богу, кончилась эта волянка./ Ты врёшь совершенно ненатурально. Но фиг с тобой!/ Предупреждаю! Всех! В другой раз как кокну - мокро станет!/ Блатная петрушка./ Идиот! /

Использование фразеологизмов другая особенность идеостилия Паустовского и, хотя применение фразеологизмов у него ограничено, однако оправдано смысловой нагрузкой и структурой текста (Собаке собачья смерть!/ Играл

на сердечной струне./ Кредит портит отношения./ У каждого своя дорога./ ...молить бога, чтобы наши дороги больше никогда не встречались./ ... вырвать из старой прозы и вставить их в новую прозу./ ...лить слёзы над её печальным прошлым./ ...бросил свою жизнь к ногам этой женщины .../ Весь жил на нерве./

Значимость творчества К. Паустовского признана во всём мире. За каждым его текстом стоит глубоко талантливая языковая личность, владеющая системой языка, анализ которого позволяет с каждым разом глубже понимать и воспринимать личность самого автора, талантливого писателя.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ВИНОГРАДОВ, В.В.(1980): *“О языке художественной прозы”*, Избранные труды. Наука. Москва. С. 56.
- ГАСПАРОВ, Б.М. (1996): *Язык, память, образ*. Лингвистика языкового существования. Москва. С. 115.
- КАРАУЛОВ, Ю.Н. (1987): *Русский язык и языковая личность*. Наука. Москва. С. 245.
- ПАУСТОВСКИЙ, К. (1967): *Собрание сочинений в восьми томах. Том первый. Романы и повести*. Изд-во «Художественная литература». Москва.С. 227.

THE EMERGENCE OF SATELLITE-FRAMED PATTERNS IN ROMANCE LANGUAGES: A TYPOLOGICAL CHALLENGE?

M. MARTÍNEZ VÁZQUEZ

According to Talmy (2000: 221) languages divide into two typologies on the basis of how they express the main event: "the typology consists of whether the core schema [framing event] is expressed by the main verb or by the satellite". VF languages (Romance, Semitic, Japanese, Korean, Turkish, Tamil, Polynesian, Nez Perce, and Caddo) encode path in the verb, and manner, if expressed, in an adverbial or gerundive element, as shown in (1). SF languages (Indo-European except Romance, Finno-Ugric, Chinese, Ojibwa, and Warlpiri) encode manner in the verb and path in a satellite, as in (2).

La botella entró a la cueva (flotando). (Talmy 1985: 69)
'the bottle moved-in to the cave (floating)'

(1) The bottle floated into the cave. (Talmy 1985: 69)

Spanish is presented as a prototype of VF typology, which does not admit the SF type. However, some exceptions have been signaled. Aske (1989) argues that Spanish disallows SF constructions only with telic path phrases, but the construction is accepted with atelic paths, as in:

(2) La botella flotó hacia la cueva. (Aske 1989: 3)
'The bottle floated towards the cave'

Stringer (2002) observes the same limitation in French: it does not combine manner verbs with bounded paths, but may take unbounded paths, as illustrated in 4.

(3) La fille a dansé *jusqu'* à la gare. (Stringer 2002: 29)
'The girl danced to the station.' (danced *until*)

Slobin & Hoiting (1994), and Slobin (1997), more specifically claim that manner verbs cannot appear as the main verb of a clause if they imply a situation in which a boundary is crossed. Slobin (1997) relates boundary-crossing events to resultatives, which are not allowed in Romance languages:

It appears to be a universal characteristic of V-languages that crossing a boundary is conceived of as a change of state, and that state changes require an independent predicate in such languages. (Slobin 1997: 441)

Certainly, resultatives are almost non-existent in Spanish. But Martínez Vázquez (2001) contributes examples of Spanish manner of motion verbs with telic path phrases, (5-7), even in boundary-crossing situations, (8-9).

- (4) ...caminó a su cortijillo sin esperanza en la vida... (Martínez Vázquez 2001)
'he walked to his farmhouse without hope in life'
- (5) ... nadó a tierra y caminó a través de la isla de Soledad. (Martínez Vázquez 2001)
'he swam to land and walked across the isle of Soledad'
- (6) ...volaron a Mar de Plata... (Martínez Vázquez 2001)
'they flew to Mar de Plata'
- (7) La cabeza de Robespierre rodó en el cesto de la guillotina. (Martínez Vázquez 2001)
'Robespierre's head rolled into the guillotine basket'
- (8) ...saltó a otro taxi... (Martínez Vázquez 2001)
's/he jumped into another taxi'
SF patterns involving boundary-crossing situations have also been observed in Italian and French:
- (9) Max a couru dans sa chambre / au magasin.
'Max ran into his room / to the shop' (Cummins 1996: 48)
- (10) Gianni è corso nel bosco in un secondo.
John IS runPAST into the woods in one second. (Folli & Harley 2006: 135)

Counterexamples like these have led researchers to consider a more critical revision of Talmy's typology: languages within one of the typologies may show, not just some exceptional cases, but a mixed behavior, allowing both VF and SF patterns (Beavers 2008, Beavers *et al.* 2010, Filipovic 2007, Croft *et al.* 2010, *inter alia*). Beavers *et al.* (2010) claim that VF languages may actually prefer SF constructions in some contexts.

Once we acknowledge these SF patterns in Romance languages, an explanation of the conditions under which these anti-typological cases emerge should be attempted. The formation of SF patterns in Romance languages has been explained on lexical grounds: some manner verbs allow goals and some don't. For example, Folli & Ramchand (2005) list *correre* 'run', *rotolare* 'roll', *rimbalzare*, 'bounce', *scivolare* 'glide, slide', *gattonare* 'crawl', *saltare*, 'jump', *volare* 'fly', *saltellare* 'jump', among Italian manner verbs which can take a telic path phrase. In contrast, *galleggiare* 'float', *camminare* 'walk', *galoppare* 'gallop', *danzare* 'dance', *nuotare* 'swim', *sciare* 'ski', *passaggiare* 'walk around', and *vagabondare* 'wander' do not admit goals (Folli & Ramchand 2005: 97). Fortis (2010: 16) proposes a similar classification for French verbs: *courir* 'run', *rouler* 'roll', *(re)bondir* 'bounce', *glisser* 'glide, slide', *ramper* 'crawl', *sauter* 'jump', *voler* 'fly', and *sauter* 'hop' allow SF formation, while *flotter* 'float', *marcher* 'walk', *galoper* 'gallop', *danser* 'dance', *nager* 'swim', *skier* 'ski', and *se promener* 'walk around' do not admit a SF pattern.

In a similar line, Mateu (2011) considers that verbs like *fly* or *jump* take goals in Spanish because they encode directionality, but pure manner verbs do not. He claims that verbs with a directional component are not examples of the Germanic co-event conflation pattern since they do not encode exclusively manner. He argues that verbs that only express manner, like *dance* or *limp*, are ungrammatical in this pattern; hence, Talmy's typology is still valid.

- (11) *Juan bailó a la cocina. (Mateu 2011: 36)
'Juan danced to the kitchen'
(12) *Juan cojeó a la puerta. (Mateu 2011: 36)
'Juan limped to the door'

However, corpus evidence shows that the lack of a path component in the verb does not rule out its emergence in a SF pattern. Notice, for example, the following instances, where the verbs *renquear* 'limp', and *flotar* 'float', both assumed to belong to the class of verbs not allowing goals, appear with directionals.

- (13) Renqueó hasta la ventana. (CREA)
'he limped to the window'
(14) Su cuerpo sin vida flotó a la superficie. [http://www.fotolog.com/mmaria_22/84507887/]
'his lifeless body floated to the surface'

Another element that could lexicalize a path is the satellite. But most Romance languages lack unambiguous path prepositions like English *to* or *into*. Therefore, if the verb is not a good predictor of a directed motion reading, and there are no inherent goal satellites, then we must look for another parameter to explain the emergence of these anti-typological patterns.

It has been claimed that Romance languages do not express manner as frequently and specifically as SF languages, but instead leave this information to be inferred

(Talmy 1985, Slobin 1996, Stringer, 2002, Pourcel & Kopecka 2006, Kopecka 2009, Beavers *et al.* 2010, *inter alia*). Talmy (1985: 69) observes that manner is “stylistically awkward” because of its position outside the verbal slot, so Manner is often “either established in the surrounding discourse or omitted altogether.” As a result, the interpretation of motion events relies heavily on inferences from the extralinguistic context. Moreover, Stringer observes that in a scene where a mother yells at her children to get into the house, the SF pattern reproduced in (16) sounds more natural than the VF type in (17).

- (15) Allez, courons dans la maison!
 go.2PL, run.1PL in the house
 ‘Come on, let’s run in the house!’
- (16) ?#Allez, entrons dans la maison en courant!
 go.2PL, enter.1PL in the house in running
 ‘Come on, let’s enter the house running!’ (Stringer, 2002: 46)

The analysis of naturally occurring examples of SF patterns in Spanish extracted from the CREA corpus shows that the events they refer to are linked to conventional goals. For example, verbs of motion with a vehicle will tend to imply a goal, the destination. So, verbs like *fly*, *drive*, *ride* (*a horse, a bike...*) will be expected to include a goal. In such contexts the SF pattern is felicitous in Spanish:

- (17) Cuando conducía a casa de Sara y Adrián. (CREA)
 ‘when I drove to Sara and Adrian’s house’
- (18) Cecilia pedaleó hasta el pueblo. (CREA)
 ‘Cecilia pedaled to the village’
- (19) Cabalgó hasta la taberna del puerto. (CREA)
 ‘(he) rode (his horse) up to the harbor tavern’

Walking is also a conventional way of covering short distances. In our corpus, beside *caminar* ‘walk’ or *correr* ‘run’, more elaborate manner verbs appear in SF constructions in a walking sense: *desfilar* ‘parade’, *peregrinar* ‘go on a pilgrimage, peregrinate’, *apresuar* ‘hurry’, *trotar* ‘trot’, and *gatear* ‘crawl’:

- (20) Hombres y mujeres de distintas provincias cubanas desfilaron al altar.
 (CREA)
 ‘men and women from different Cuban provinces paraded to the altar’
- (21) Hoy peregrinan a esta Ermita un grupo de balseiros. (CREA)
 ‘today a group of boatpeople peregrinate to this chapel’
- (22) Se apresuró al camarote. (CREA)
 ‘(s/he) hurried to the cabin’
- (23) Allí tuve que trotar hasta el carro equipaje en busca de mi maleta. (CREA)
 ‘there I had to trot to the luggage cart’

- (24) El niño gatea hasta la puerta. (CREA)
 'the child crawls to the door'

Verbs involving a change of posture are usually associated to a specific resulting state/location, for example, kneeling usually involves a resulting position, with knees on the floor; lie verbs (*acostarse* 'go to bed', *tumbarse* 'lie down', *echarse* 'lie down') presuppose a bed or a couch; *sentarse* 'sit down', a chair, and so on. The resulting position is usually left unexpressed, but when lexicalized, the pattern encodes both motion and resulting state in a same structure, as in:

- Se arrodilló en la silla. (CREA)
 'Alina knelt on the chair'

Other SF patterns appear in what I term "gravity-induced scenarios", which imply an accidental downward motion, and may appear with a variety of manner verbs like *rodar* 'roll' in (8), or *jump* 'saltar' in (9).

Summing up, events conventionally expected to include an endpoint, for example, accidental gravity-induced events, jumping events, or transportation scenarios, will be felicitous in a SF pattern in Spanish.

Sometimes the SF pattern is not a choice but a rather a requirement. Consider, for example, a jumping event like (27). A cat typically walks, jumps or climbs; jumping, is therefore a conventional manner of motion of cats, so it wouldn't make sense to encode this manner in an adverbial phrase, where it would be presented as highlighted information, (28).

- La gata saltó a su regazo. (CREA)
 'the cat jumped to her lap'
 ?la gata fue a su regazo de un salto/saltando
 'the cat went to her lap of a jump/jumping'

Consider another case: motion in the water. *Swim* has been claimed to be a verb that does not take directionals in Italian, French or Spanish. But the main reason for this incompatibility is that swimming is generally conceived as a leisure activity, not a means of transportation. However, in an appropriate context, i.e. when there is a limit in the water that a person can reach, an SF pattern may emerge, as in (29). In such scenarios swimming is the default manner of human motion and is better encoded in the verb than in an adverbial phrase (*fue a la orilla nadando* 'he went to shore swimming') where it would acquire unnecessary weight for a default manner of motion.

- El marinero saltó del barco y nadó a la orilla. (CREA)
 'the sailor jumped from the boat and swam to shore'

In conclusion, SF patterns are "relatively infrequent" in VF languages. But, they are recurrent, or even the best option for the expression of some events. Is this a challenge to Talmy's typology? No, if we assume that languages are not totally coherent and we contrast event types instead of whole systems. In line with Croft *et al.* (2010: 3) we propose that Talmy's classification should not be applied to "languages as a whole" but rather to "individual complex event types within a language".

REFERENCES.

- ASKE, J. (1989): "Path predicates in English and Spanish: A closer look", Proceedings of the Berkeley Linguistics Society, 15, pp. 1-14.
- BEAVERS, J. (2008): "On the nature of goal marking and delimitation: Evidence from Japanese", Journal of Linguistics, 44, pp. 283-316.
- BEAVERS, J., LEVIN, B. & THAM, S.W. (2010): "The typology of motion expressions revisited", Journal of Linguistics, 46, pp. 331-377.
- CROFT, W. J., BAR, W. HOLLMANN, V. SOTIROVA AND C. TAOKA (2010): "Revising Talmy's typological classification of complex event constructions". In *Contrastive Studies in Construction Grammar*. Amsterdam.
- CUMMINS, SARAH (1996): "Movement and direction in French and English", Toronto Working Papers in Linguistics, 15, pp. 31-54.
- FILIPOVIĆ, L. (2007): *Talking about motion: A crosslinguistic investigation of lexicalization patterns*. Amsterdam.
- FOLLI, R. AND G. RAMCHAND (2005): "Prepositions and Results in Italian and English: An Analysis from Event Decomposition". In *Perspectives on Aspect*, Dordrecht.
- FOLLI, R. AND H. HARLEY (2006): "On the licensing of causatives of directed motion: Waltzing Matilda all over", *Studia Linguistica*, 60, pp. 121-155.
- FORTIS, J.M. (2010): "The Typology of Motion Events. Space in Language". Leipzig (<http://htl.linguist.univ-paris-diderot.fr/jmfortis.htm>.)
- KOPECKA, A. (2009): "L'expression du déplacement en français : L'interaction des facteurs sémantiques, aspectuels et pragmatiques dans la construction du sens spatial", *Langages*, 173, pp. 54-77.
- MARTÍNEZ VÁZQUEZ, M. (2001): "Delimited Events in English and Spanish". *Estudios Ingleses de la Universidad Complutense*, 9, pp. 31-59.
- MATEU, J. (2011) "Conflation and incorporation processes in resultative constructions". In *Telicity, Change, and State: A Cross-Categorial View of Event Structure*. Oxford.
- SLOBIN, D.I. (1996): "Two Ways to Travel: Verbs of Motion in English and Spanish". In *Grammatical Constructions: Their Form and Meaning*. Oxford.
- SLOBIN, D.I. (1997): "Mind, code, and text". In *Essays on language function and language type: Dedicated to T. Givón*. Amsterdam.
- SLOBIN, D.I., & HOITING, N. (1994): "Reference to movement in spoken and signed languages: Typological considerations", Proceedings of the Berkeley Linguistics Society, 20, pp. 487-505.
- STRINGER, D. (2002): "Predication of path in French and Japanese". available at www.indiana.edu/~dsls/publications/Stringer.2002.Predication.pdf
- TALMY, L. (1985): "Lexicalization patterns. Semantic structure in lexical form". In *Language typology and syntactic description*, 3. Cambridge.
- TALMY, L. (2000): "Lexicalization patterns". In *Toward a cognitive semantics*, 2: Typology and process in concept structuring. Cambridge.

МЕТАФОРА В НОМИНАЦИИ ЛИЦА ПО ПРИЗНАКУ ВОЗРАСТА В ИСПАНСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

И.Ю. ПРОЦЕНКО

Современные исследования в современном сравнительном языкознании осуществляются с позиций лингвокультурологии, которая основана на принципах сравнительной антропологии В. Фон Гумбольдта (2000) и культурной антропологии Е. Сепира (1993) и Б. Л. Уорфа (1960), научной дисциплины, отражающей процессы взаимодействия приоритетов культуры и языка. Вопросам такого взаимодействия посвящены работы Ю. Д. Апресяна (1966; 1974; 1995; 2001), А. Вежбицкой (1996), В. Г. Гака (1977; 1986), И. А. Голубовской (2004), М. П. Кочергана (1996), Е. Косериу (1977), Р. Ладло (1989), В. Скалички (1989), С. Ульмана (1970), Р. Якобсона (1990) и других. Особое место, как отмечает В. М. Богуславский, занимает изучение национального образа внешности человека как явления, которое соотносится с историческим прошлым и современностью того или иного народа (1995). Одним из важных аспектов в этом контексте является исследование лексики, которая называет человека по признаку пола и возраста. К этой проблеме обращались на материале романских языков Т. А. Репина (1996), английского – И. С. Беженарь (1994), немецкого – Е. Е. Ластовкина (1995), украинского, русского и английского языков – В. И. Матвеев (1984). Испанский язык остается в этом смысле недостаточно изученным (тем более, в компаративном аспекте).

Целью нашего исследования является установление общих и дифференциальных особенностей нейтральной и коннотативной лексики, называющей человека по признаку возраста в испанском и украинском языках.

Анализ семантических способов словообразования имен существительных, называющих лицо по признаку возраста, свидетельствует о том, что в испанском языке, как и в украинском, самыми распространенными являются метафоры, основанные на зоо-био- и социально-бытовых реалиях,

отражающих национально-культурную специфику страны и языка. Будем называть такие транспозиции основного значения зоо-био- и социально-бытовые метафоры.

Зоо-биометафоры. К ним относятся модели переноса основного значения слов, первичное значение которых (S1) – наименования представителей флоры и фауны. Транспозиция основного значения в таких моделях анализируемых языков, как правило, одинаковая, а ее лексическая наполненность разная. Например, в испанском и украинском языках для номинации ребенка используются лексемы, первичное значение которых ‘птенец’. Если в украинском языке существительные *голопуцьок*, *пуцьверок*, *вилупок* обозначают видо-родовое понятие ‘птенец’, то испанские слова называют конкретных птиц: *charabán* ‘птенец страуса нанду’; *pichón* ‘птенец голубя’; *pollerudo* ‘цыпленок’. В испанском языке для номинации ребенка также используются слова, которые в первичном значении обозначают детенышей животных с дополнительными возрастными или качественными характеристиками (от 6 месяцев до года – *chivo*; от года до 2 лет – *maltón*; только что оторванный от матери – *chipil*; тот, что потерялся – *guacho*; игривый – *carincho*). В украинском языке такая дифференциация отсутствует.

Слова, которые имеют одинаковые первичные значения в исследуемых языках, могут называть людей разного возраста. Например, испанское существительное *guaja* ‘индюк’ употребляется для номинации ребенка, а в украинском языке слово *дундук* ‘индюк’ обозначает старого человека.

Испанский язык использует названия экзотических, не существующих на территории Украины и Европы животных или растений. Например, *guayabo* ‘гуайава’, *añapa* ‘плод рожкового дерева’ (оба слова обозначают молодого человека, девушку) и т.д.

В украинском языке зоо-биометафоры не используются для определения взрослого человека, а лексемы с первичным значением ‘представитель флоры’ не зафиксированы по отношению к подростку как в одном, так и в другом языке. В испанском языке зоо-биометафоры чаще встречаются для номинации ребенка, в украинском языке – молодого человека, девушки. Такие отличия объясняются, как правило, мифологическим контекстом.

Социально-бытовые метафоры. К ним относятся религиозные номинации, названия профессий, одежды и элементов одежды, продуктов питания, метрическая или качественная характеристика предмета, определения действий и результаты действий, и т.д. В испанском языке соответствующие модели транспозиции основного значения для номинации человека определенного возраста используются по отношению к детям и старым людям, в украинском языке – по отношению к детям и молодым людям (девушкам).

Только в испанском языке используются метафорические переносы, в которых S1 – исторический персонаж (*pitagorín* – от Пифагор ‘очень умный ребенок’); сказочный, нереальный герой (*guagual* – ‘привидение’ – взрослый человек); предмет корабельной тематики (*carraco* ‘старое судно’ – старый человек) и т.д. Для украинского языка типичными являются модели транспозиции основного

значения, в которых S1 – мифологический персонаж (из скандинавской мифологии *гоблин* – ‘подросток’); детская вещь (*цмайлик* ‘соска’ – ребенок); географическое понятие (*вертепила* ‘пропасть’ – ребенок); продукт национальной кухни (*окльоцок*, *сметанник* – ребенок) и т.д.

В метафорическом переосмыслении объектов, которые участвуют в семантическом словообразовании, проявляется индивидуальность каждого языка. Основой этого процесса является «базисная метафора», специфическая для каждого языка, которая формировалась на ранних стадиях развития и становления общества с учетом географических, исторических, культурологических (мифологических) особенностей территории, сохранившаяся до настоящего времени и являющаяся фундаментом национальной картины мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АПРЕСЯН Ю.Д. (1995): *Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды*. Издательская фирма «Восточная литература» РАН. Москва.
- АПРЕСЯН Ю.Д. (1974): *Лексическая семантика : синонимические средства языка*. Наука. Москва.
- АПРЕСЯН Ю.Д. (1966): *Идеи и методы современной структурной лингвистики*. Просвещение. Москва.
- АПРЕСЯН Ю.Д. (2001): “Значение и употребление”. *Вопросы языкознания*. Наука. Москва, 4, сс. 3 – 22.
- БОГУСЛАВСЬКИЙ В.М. (1995): *Типология значений образного выражения оценки внешности человека* : [доклад в форме диссертации] Москва. Институт русского языка им. А. С. Пушкина..
- БЕЖЕНАРЬ И.С. (1994): *Фразеологическая номинация возраста в современном английском языке*. Диссертация на соискание научной степени кандидата филологических наук. Киев.
- ВЕЖБИЦКАЯ А. *Язык. Культура. Познание*. Русские словари. Москва.
- ГАК В.Г. *Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков)*. Международные отношения. Москва.
- ГАК В.Г. “Опыт применения сопоставительного анализа к изучению структуры значения слова”. *Вопросы языкознания*. Москва, 2, сс. 97 – 105.
- ГОЛУБОВСЬКА І.О. (2004): *Етнічні особливості мовних картин світу*. Логос. Київ.
- ГУМБОЛЬДТ В.Ф. (2000): *Избранные труды по языкознанию*. ОАО ИГ «Прогресс». Москва.
- КОЧЕРГАН М.П. (1996): “Зіставна лексична семантика : проблеми і методи дослідження”. *Мовознавство*. Київ, 2-3, сс. 3 – 12.
- КОСЕРИУ Э. (1977): “Контрастивная лингвистика и перевод : их соотношение” *Новое в зарубежной лингвистике : Контрастивная лингвистика*. Прогресс. Москва, Вып. 25, сс. 63 – 81.

- ЛАДО Р. (1989): “Лингвистика поверх границ культур”. *Новое в зарубежной лингвистике: Контрастивная лингвистика*. Прогресс. Москва. Вып. 25, сс. 27-31.
- ЛАСТОВКИНА О.Э. (1995): *Функционально-семантическая категория пола в лингвистическом и социологическом аспектах (на материале микрополя женского пола в современном немецком языке)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Киев.
- МАТВЕЕВ В. И. (1984): *Структура семантического поля возраста человека (на материале русского, украинского, английского языков)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Киев.
- РЕПИНА Т. А. (1996): *Сравнительная типология романских языков*. Изд-во СПб ун-та. Санкт Петербург
- СЕПИР Э. (1993): *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Прогресс. Москва.
- СКАЛИЧКА В. О. (1989): “Типология и сопоставительная лингвистика”. *Новое в зарубежной лингвистике: Контрастивная лингвистика*. Прогресс. Москва. Вып. 25, сс. 27 – 31.
- УЛЬМАН С. (1970): “Семантические универсалии”. *Новое в лингвистике: Языковые универсалии*. Прогресс. Москва. Вып. 5, сс. 250 – 299.
- УОРФ Б. (1960): “Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика”. *Новое в лингвистике*. Прогресс. Москва. сс. 135 – 198.
- ЯКОБСОН Р. “Два аспекта языка и два типа афатических нарушений”. *Теория метафоры*. Прогресс. Москва, сс. 110 – 133.
- Великий тлумачний словник сучасної української мови* [за ред. В.Т. Бусела] (2004): Ірпінь. ВТФ «Перун». Київ.
- Словник української мови : у 4-х томах* [Під ред. Б. Грінченка] (1996) : Наукова думка. Київ.
- Словник української мови : у 11 т.* (1970 – 1980): Наукова думка. Київ.
- Diccionario de uso de español*. Maria Moliner (2003): Gredos, edición en CD-rom. Madrid.
- Diccionario de uso de español de América y de España* (2002): VOX. Barcelona.
- Diccionario de la lengua española* (2003): Real Academia española, edición en CD-rom. Madrid.
- Diccionario de americanismos* (2002): Sopena. Barcelona.

РЕДУПЛИКАЦИЯ, КАК ОДНА ИНТЕРЕСНАЯ ОБЛАСТЬ
ЛЕКСИКОТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ГРУЗИНСКОГО ЯЗЫКА)

И.Т. САНИКИДЗЕ, Т.Т. ШАРАБИДЗЕ

Слово, как исторически созданный-конструированный и постоянно меняющийся языковой феномен, даже в пределах одного конкретного языка может представлять собой неупорядоченное кольцо общей лексической системы. Тем более осложняется поставленная перед ученым задача, когда дело касается лексической типологии, сходства-различия лексических значений, существующих в разных языках или их дериваций. Однако, у нас не должно сложиться представление, что язык является простой и слабой суммой изолированных словесных значений, которая не следует тем же закономерностям, которые устанавливаются самим языком, а иногда языковыми сознаниями, подобными человеческому. Лексическая типология только тогда будет иметь прочную основу, когда нам будет известно лексическое состояние отдельных языков и характерный для них внутренний порядок. Исходя из вышесказанного, не лишено интереса рассмотрение редуцированных корней одной группы грузинского языка, в частности, в звукоподражающих лексических количествах, поскольку, по нашим соображениям, именно здесь проступает воспринятое коллективным сознанием (в этом случае мы подразумеваем общее грузиноязычное сознание), композиционное изображение однородных, хотя расчлененных звуков, на которое возложена исключительно интересная лексико-грамматическая функция – семантическая линия интенсивности звуков. В свое время Вильгельм Гумбольдт отмечал: «Языки – это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение, при том, что мир и воображение, постоянно создающее картину за картиной по законам подобия, остаются в целом неизменными, языки сами собой развиваются, усложняются, расширяются» (1985: 349). Факт, что в этом процессе в разных языках

огромную функциональную нагрузку берут на себя не только грамматические категории, но также, в первую очередь, те языковые знаки, которые мы зовем лексемами и которые, как фундаментальные языковые знаки, представляют основное смысловое ядро. В лингвистике знаком считается все то, что в нашем сознании накапливается в виде материальной реальности и после языковой обработки реализуется в целях передачи знания, информации. «Основной знак языка – слово, – писал М. Л. Феллер. – Сообщение, произведение – особый вид знака – конструкция из знаков, изображающая в речи отрезок действительности» (1984: 33). Думаем, что однозначно ясна роль слова, как семантико-языкового экспонента в структуре языка. Оно представляет ту часть, которая участвует в создании целого и своим предметным-языковым кодом сосуществует вместе с другими лексемами. Исходя из вышесказанного, мы считаем, что выделение лексических групп должно осуществляться в результате расчленения целого, в противном случае, исследование словесных единиц выйдет за пределы сферы внутреннего порядка коллективного мышления и примет спонтанный характер. С этой точки зрения грузинский язык также не является исключением, он тоже не создает сухую документацию бытия, не может избавиться от сложностей путем простой натурализации, когда дело касается лексического выражения.

Теперь мы коснемся очень интересного языкового средства редупликации, которое свободно функционирует на уровне грузинского языка, как в именных, так и в глагольных основах. Дело в том, что большая часть случаев редуплицирования обусловлена звукоподражающими словами. Это является одним из специфических семантических знаков дублетных образований; звукоподражание, само по себе, подразумевающее соединение звука (как акустического знака) и его собственного соответствующего значения, подчиняется исторически сформированной фонематической структуре языка и ее законам. Следует подчеркнуть также тот факт, что звукоподражающие слова менее подчиняются общему закону заимствования слов и они, обычно, представляют собой органическую группу лексики конкретного языка. По данному признаку они действительно создают самобытное и лексически обособленное семантическое единство, которое, несмотря на однородность грамматических признаков, занимает автономное место в общеязыковом лексическом фонде. Интересно, с какой целью осуществляет язык дублирование звукоподражающего комплекса, точнее, его сегмента (простого корня), если в его основе не лежит коммуникативно-языковая (или: функциональная) цель? В грузинском языкознании отмечается: «Каждая глагольная основа, полученная способом редупликации, является единицей, состоящей из двух сегментов. Граница между сегментами часто стерта, или же так видоизменен один из них (или же оба), что в основе вообще очень трудно различить два корня» (Эртелишвили 1970, 181). Несмотря на то, что в грузинском языке в случаях дублирования различные фонетические процессы вызывают видоизменение сегментов, это не мешает таким корням сохранить основной семантический признак и остаться языковым количеством, выражающим

частоту интенсивности голосов на лексическом уровне, что, в свою очередь, в ряде языков становится основой категории многократности.

Эмиль Бенвенист считал, что для изучения отношений между языком и мышлением обязанностью ученого является осмысление категорий; категорий, «играющих посредствующую роль между языком и мышлением» (1974: 106). Разумеется, качество элементов, отобранных мышлением для классификации, глубина мышления дает толчок языку сформировать его в языковую категорию (в широком и узком значении) и превратить его в мишень языкового выражения. В противном случае, мы не должны ожидать его появления ни на лексическом, ни, тем более, на грамматическом уровне. Именно поэтому, в лингвистической науке возникла необходимость переосмысления категории и она получила название функционально-семантической. Автором данной новации является Александр Бондарко. Под функционально-семантической категорией ученый подразумевает подсистемы оппозиционных единиц, выраженных морфологическими, синтаксическими, лексическими средствами или словообразованием. «Такая категория имеет определенную структуру», – отмечает ученый (Бондарко, 1967: 18). Разумеется, функционально-семантическая категория в своем широком значении включает в себя также и лексические группы, поэтому, двухсегментные основы звукоподражающих лексем мы действительно можем поместить внутри функционально-семантической категории вида и, когда вопрос ставится так: чему надо отдать предпочтение при исследовании любой категории: содержанию или языковой структуре, трудно не согласиться с Ал. Бондарко, для которого главным является содержание (1976: 32). Мы тоже полагаем, что именно созревание в коллективном разуме признаков осознанных содержаний есть в основе любой языковой формы, как надстроенный продукт. Она, форма (структура), является языковым построением, мотивированным мышлением и создает в самой себе смесь основных или дополнительных сем.

Б. Почхуа о звукоподражающей лексике писал: «Каждый язык по своему, т.е. с помощью использования своей собственной, обусловленной традицией, звукосистемой, создает звукоподражающие слова, согласно своим, исторически сформулированным фонетическим правилам меняет звучание таких слов» (1974 : 98). Грузинский язык также, с учетом грузинской фонематической системы, создает довольно объемную лексическую группу, члены которой имеют то именную, то глагольную основу и их содержательная нагрузка, фактически, остается общей, кроме одного простого различия, которое ограничивается с одной стороны, функцией выражения имени а, с другой, ограничивается функцией выявления глагольных процессов. Факт, что в таких основах, даже на материале грузинского языка становится ясным, что связь лексического значения наиболее ощутима и язык старается свести к минимуму звуковое отличие между индикатором – определяемым-определителем, так как их абсолютное большинство служит именно отображению комплексов звуков или шума. И, все-таки, в грузинском языке следует рассмотреть несколько форменных вариантов редупликации голосоподражающих сегментов, и эти

отличия сформированы из-за различия в содержании. Теперь мы попытаемся выделить их по семантическому признаку, а также сыскать демаркационные линии в содержательном плане и посмотреть, до скольких вариантов можно их свести в процессе дублетного изображения.

Начнем с т.н. простого удвоения. В таких случаях, звуки, воспринятые языком, выражают интенсивность однородных, идентичных голосов, наделенных функцией прерывности – это явление следует воспринять как основной семантический признак, поскольку главный, т.е. макро-знак – это интенсивность голосов, а не обозначение подобных им, не отличающихся друг от друга звуков. Например:

Бут-бут-и (существительное) (бормотание) – тихий, нечеткий разговор.

Бут-бут-еб-с (гл.) – говорит тихо, непонятно, про себя, говорит что-то.

Кис-кис-и (существ.) – громкий, вольный смех человека (в основном женщины).

Кис-кис-еб-с (гл.) (звонко смеется) – громко, вольно смеется.

Рак-рак-и (журчанье) (существ.) – приятное, средней высоты звук течения воды (в переносном смысле говорят о приятно говорящем человеке).

Рак-рак-еб-с (журчит) (гл.) – приятный звук, издаваемый в процессе течения воды, т.д.

В грузинском языке, в результате соседства сегментов иногда начинает работать фонетический процесс диссимиляции, но с семантической точки зрения он никак не влияет на содержательные данные, например, типичными образцами диссимиляции фонемы «р» (р → л) являются:

Тар-тар-и → **тар-тал-и** (речь человека, разведение сплетен, неприятный разговор);

Кир-кир-и → **кир-кил-и** (издевательский смех, смеяться в тихоня);

Чур-чур-и → **чур-чул-и** (говорить тихо, шепет), т.д.

Второй семантической группой является случай редуплицирования звукоподражающих основ, когда в единой структуре (в дублетном корне) воспринятого языком голоса, первый сегмент является доминантным. Он, обычно, берет на себя главную функцию – указание на конкретный голос, а второй сегмент дублетной основы, находящийся в постпозиции, заменяет корневое гласное. В этом случае, начинает работать четко выраженная содержательная цель языка; ее сущность заключается в следующем – показать, что голоса, воспринятые языковым сознанием, совершенно не являются абсолютно однородными, хотя между ними есть сходство, они почти одинаковы и, в некоторой степени, синонимичны. Примечателен тот факт, что в таких сложных основах появляется гласная «а», которая на первый взгляд, несет функцию распространения общего корня, разъединения согласных, хотя мы считаем, что ее языковое значение намного глубже. В частности, мы подразумеваем

то, что морфологически бесфункциональное гласное «а», помещенное между простыми корнями, несет лексическую ценность и на нее возложена функция разграничения звуков на уровне слова. Естественно, встает вопрос: почему язык не использует такой же метод (гласное «а») для разъединения простых основ в первом случае (в первой семантической группе)? По нашему мнению, здесь значительным является языковая позиция, согласно которой в дуплете идентичных голосов не требуется порцелляция. Последняя становится обязательной, когда голоса отличаются друг от друга, хотя – не радикально. Сегменты схожи друг с другом как содержательно, так и акустически; поэтому они создают одну целостную форму – редуцированный корень, хотя расчленение сегментов обязательно, чтобы получатель акустики, слушатель правильно воспринял различие этих звуков. Приведем несколько примеров из замещения корневых а → и гласных.

Брах-а-брух-и (существ.) // **брах-а-брух-об-с** (гл.) – единство звуков, вызванное падением какого-нибудь тяжелого предмета.

Ткар-а-ткур-и (существ.) // **ткар-а-ткур-об-с** (гл.) – единство звуков, образованных в результате быстрого движения, перемещения (в основном говорится о человеке).

Джах-а-джух-и (существ.) // **джах-а-джух-об-с** (гл.) – единство глухих звуков, вызванных столкновением каких-либо предметов, соударением (говорится, например, о голосах, звуках, возникающих во время драки палками, саблями) и т.д.

Несмотря на то, что в грузинском языке мы сталкиваемся с довольно большим количеством редуцированных корней, какая-то их часть совершенно не относится к голосоподражающей лексике, но следует отметить, что функция выражения интенсивности в любом дублетном образовании является главной (напр. сопел-сопел (гр.) (из деревни-в деревню, по деревням); куча-куча (гр.) по улицам; напир-напир (гр.) (по берегу, по окраине) и в других подобных формах). Факт, что основная функциональная нагрузка дуплетных форм остается неизменной, но в звукоподражающих словах они делятся на две основные группы и фонетические факторы (потеря звука или же диссимиляция). Данное явление, как мы уже отмечали, не меняет семантической нагрузки.

Следует отметить также, что в грузинском языке интенсивность по своей форме в меньшей степени может быть оценена, как чисто грамматическая категория, она, скорее всего, явление, рассматриваемое на лексическом уровне. Поэтому, будет лучше, если мы поставим ее в ряды семантических категорий; хотя, к ней действительно подобран словесный образ и это, в дублетных данных звуков осуществляется переносом простого корня (здесь: звука) в сложный. Таким образом, лексический образ, привнесенный в язык, со своей стороны часто (хотя - не всегда) образует бинарную оппозицию

один член которой передает неинтенсивный звук, до некоторой степени нейтральное содержание, а другой – изображает интенсивность этого звука и на лексическом уровне создает маркированный редуцированный корень. Например: в корне «**рах-ун-и**» (стук) основная часть, передающая звук – это «рах», а -ун является аффиксом, образующим несложный корень, а корень «**рах-рах-и**» является лексической единицей, выражающей интенсивность того же звука.

Мы уже отметили, что бинарный характер семантической категории интенсивности, так и ее содержательная нагрузка, в какой-то степени похожи на видовую оппозицию однократности-многократности. В грузинском языке морфологическая категория многократности была неотъемлемой частью общей системы спряжения, а в настоящее время она передается только на лексическом уровне, описательным образованием («делаю = разовое действие делания – «подельваю» = многократное действие делания). О категории вида можно говорить только тогда, когда в языке существуют видовые значения и сопоставление форм, заключающих эти значения. Изучение такого внутриграмматического сопоставления является сферой морфологии и в меньшей степени относится к лексическому уровню. Хотя, наверное, трудно будет провести резкую грань между семантической функцией интенсивности и содержанием многократности. С типологической точки зрения, интересным является то, что семантическое сопоставление вида славянских языков проявляет сходство с семантической частью морфологической категории вида грузинского языка (частично – с формой также). И, если в дальнейшем продолжится изучение типологически абсолютно разных языков, вполне возможно, что в редуцированной лексике грузинского языка и европейских языков будет четко выявлена лексико-семантическая идентичная функция - лексическая линия показания интенсивности. (ср. русск. глаг.: квакать, гавкать) и случай редупликации в большинстве языков будет доведен, в какой-то степени, до универсальных показателей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- БЕНВЕНИСТ, Э. (1974): *Общая лингвистика*. Издательство «Прогрес». Москва.
- Бондарко, А. В. (1967): «К проблематике функционально-семантических категорий», *Вопросы языкознания*, 2, стр. 18-31.
- БОНДАРКО, А.В. (1976): *Теория морфологических категорий*. Издательство «Наука». Ленинград.
- ГУМБОЛЬДТ, В. (1985): *Язык и философия культуры*. Издательство «Прогрес». Москва.
- Феллер, М.Д. (1984): *Стиль и знак*. Издательство «Вища школа». Львов.
- ERTELISVILI, F.G. (1970): *zmnuri fuZeebis fonematuri struqturisa da istoriis sakiTxebi qarTulSi*. Tsu gamomcemloba. Tbilisi.
- ГОСХУА, В.А. (1974): *qarTuli enis leqsikologia*. Tsu gamomcemloba. Tbilisi.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЕМКОСТЬ КОНСТРУКЦИЙ, ВЫРАЖАЮЩИХ КАТЕГОРИЮ СОСТОЯНИЯ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Д.С. ШМАРЕВ

Слова, выражающие категорию состояния, делятся в русском языке на четыре группы:

- а. Слова, выражающие состояние окружающей среды;
- б. Слова, выражающие состояние живых существ;
- в. Слова, выражающие временные отношения;
- г. Слова, имеющие модальное значение.

В испанском языке роль категории состояния выполняют различные конструкции, которые можно рассматривать как цельные синтаксические единицы, делящиеся на личные и безличные, а также обладающие большой смысловой нагрузкой. Рассмотрим основные конструкции в каждой из этих групп.

Временные конструкции состоят из глагола “ser” и атрибута, выражающего состояние:

Рано	Es temprano
Поздно	Es tarde
Пора	Es (la) hora...

Если русская фраза относится к конкретному лицу, выраженному соответствующим местоимением в дательном падеже, то на испанский язык это местоимение переводится с помощью придаточного предложения с глаголом в том же самом лице и в сослагательном наклонении. Если в роли атрибута выступает прилагательное, то придаточное предложение строится с предлогом “para”:

Мне еще рано уходить: Aún es temprano para que me vaya

С существительным же употребляется предлог “de”:

Мне уже пора уходить Ya es (la) hora de que me vaya

То же самое различие необходимо иметь в виду и при переводе модальных конструкций. Если конструкция употребляется в общем смысле, на испанский язык она переводится с помощью безличных предикативных либо личных атрибутивных конструкций. Безличные предикативные конструкции образуются с помощью местоимения “se” либо сложной глагольной конструкции “Haber que + infinitivo”, обозначающей долженствование:

Надо работать: Hay que trabajar

Личные атрибутивные конструкции состоят из глагола “ser” либо “estar”, атрибута-состояния и инфинитива в роли подлежащего:

Надо работать: Es necesario trabajar

Нейтральный глагол “estar” в ряде случаев можно заменить на более емкий:

Запрещено: Queda prohibido

Если предложение относится к конкретному лицу, то к глаголу-связке “ser” добавляется соответствующее личное местоимение в косвенном (дательном) падеже. В таком случае нейтральный глагол “ser” можно заменить глаголом “resultar” либо еще более емкими конструкциями. Инфинитив можно также заменить придаточным предложением с глаголом в сослагательном наклонении и в том же лице, что и местоимение. В главном предложении глагол в таком случае местоимения лишается.

Предложения, выражающие состояние окружающей среды, четко делятся на две группы. К первой группе относятся конструкции, означающие явления природы, ко второй – все остальные.

Конструкции, связанные с явлениями природы, представляют собой безличные предикативные предложения, состоящие из глаголов “haber” (“быть”, “существовать”, “наличествовать”):

Светло	Hay luz
Дымно	Hay humo
Туманно	Hay niebla
Снежно	Hay nieve

и “hacer” (“делать”, “действовать”) с прямым дополнением, обозначающим само явление:

Холодно	Hace frío
Свежо	Hace fresco
Жарко	Hace calor
Ветрено	Hace viento
Солнечно	Hace sol

Глагол “haber” употребляется гораздо чаще, чем “hacer”, так как он не просто констатирует наличие того или иного состояния, но и говорит о влиянии, которое это состояние оказывает на окружающий мир. Этим также объясняется предпочтение, оказываемое глаголу “hacer” в том случае, если есть возможность выбора:

Ветрено	Hay viento
Hace viento	
Солнечно	Hay sol
	Hace sol

Таким образом, в природе действие преобладает над наличием. Но о субъекте, совершающем это действие, ничего не говорится.

Все остальные предложения, выражающие состояние окружающей среды, обычно строятся с глаголом “estar”. В отличие от первой группы, они могут быть и личными, и безличными. В безличных конструкциях глагол употребляется с местоимением “se”, а среду обозначает обстоятельство места:

Дома очень хорошо En casa se está muy bien

В личных конструкциях среду обозначает подлежащее, а состояние – атрибут:

В комнате душно El cuarto está sofocante

В некоторых случаях безличные конструкции с глаголом “haber” (но не “hacer”!) можно заменить личными конструкциями с глаголом “estar”:

В поле снежно	En el campo hay (mucha) nieve
	El campo está (muy) nevado
На улице людно	En la calle hay mucha gente
	La calle está concurrida

Самую разнообразную группу образуют конструкции, выражающие состояние живых существ. Они могут быть и атрибутивными, и предикативными. Атрибутивные конструкции строятся с глаголами “ser” и “estar”. Состояние в них выражает атрибут. В предложениях с глаголом “ser” подлежащее означает то, что создает выраженное атрибутом состояние:

Приятнее Es más agradable

Объект, испытывающий данное состояние, выражается личным местоимением в роли косвенного дополнения, которое может опускаться или не употребляется вообще. При наличии местоимения нейтральный глагол “ser”, выступающий в роли связки, можно заменить глаголом “resultar”, обладающим гораздо большей смысловой нагрузкой:

Мне приятнее Me es más agradable
Me resulta más agradable

Предложения с глаголом “estar” имеют совсем другую структуру: подлежащее в них выражает не причину состояния, а ее объект:

Мне грустно Estoy triste

Если в русской фразе причина состояния выражается с помощью конструкции “от + существительное в родительном падеже”, то испанский перевод строится следующим образом: подлежащее-причина + личное местоимение в косвенном падеже + глагол “poner” в личной форме + обособленное обстоятельство, выражающее состояние:

От этого мне грустно Esto me pone triste

Предикативные конструкции, выражающие категорию состояния, в зависимости от валентности сказуемого делятся на следующие группы:

- а. Предложения, в которых сказуемое сочетается только с подлежащим;
- б. Предложения, состоящие из подлежащего, сказуемого и косвенного дополнения;
- в. Предложения с прямым дополнением. Чаще всего они строятся с глаголами “tener” (“иметь”), “sentir” (“чувствовать”), “hacer” (“делать”, “действовать”, что соотносится с такими понятиями, как “вызывать”, “оказывать”, “влиять”) и “dar” (“давать”). Глаголы “tener” и “sentir” в ряде случаев могут заменять друг друга:

Мне холодно Tengo frío
Siento frío

Мне стало холодно	Sentí frío
Мне жарко	Tengo calor Siento calor
Мне грустно	Me siento triste

Вместо глагола “sentirse” может также употребляться глагол “encontrarse”:

Мне плохо	Me siento mal Me encuentro mal
Мне нехорошо	No me siento bien No me encuentro bien
Мне одиноко	Me siento solo

Глаголы “dar” и “hacer” в силу своей смысловой нагрузки требуют еще и косвенного дополнения:

Глагол “dar”	Мне стыдно	Me da vergüenza
	Мне жалко, жаль	Me da lástima
		Me da pena
	Мне противно	Me da asco
	Мне приятно	Me da gusto
	Мне приятно	Me da placer
	Мне лень	Me da pereza
Глагол “hacer”	Мне смешно	Me hace gracia
	Мне больно	Me hace daño

Выбор глагола обусловлен лексическим значением того члена, который выражает состояние.

Таким образом, в испанском языке наиболее разнообразны те конструкции, которые выражают состояние человека и окружающей среды. Иными словами, в испанском языке существует гораздо больше средств, позволяющих нам как можно точнее выразить то, что происходит в нас самих и вокруг нас, чем средств, выражающих модальные и временные отношения.

ЛЕКСИКА ПАРЕМИЙНЫХ ТРАНСФОРМ КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ СИНХРОНИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Т. ШУТКОВСКИ

Расширение состава участников коллективной коммуникации, разрушение цензуры, возрастание личностного начала и публичного устного общения – а в последнее время также электронного, размывание резкой границы между неофициальным и официальным общением, возникновение новых форм и жанров общения – это лишь некоторые факторы и признаки современной языковой динамики (ср. Земская 1996: 12-14). Проявлению этого актуального процесса способствует постоянное обновление лексического и фразеологического запаса, показателем которого является активизация эмотивно-экспрессивно-коннотативных средств языка. М.А. Алексеенко справедливо отмечает, что „степень субъективности значения фразеологических единиц (ФЕ) в конкретных речевых ситуациях усиливается посредством окказиональных коннотаций, которые приобретают фразеологизмы в живом употреблении вследствие индивидуально-авторского осмысления их автором (говорящим), что находит своё отражение в разнообразных авторских преобразованиях (трансформациях) значения, формы и структуры ФЕ” (Алексеенко 2002: 113). Динамика процесса образования разнообразных структурно-семантических моделей фразеологических трансформ была указана уже несколько лет тому назад авторами оригинального лексикографического издания *Фразеологизмы в русской речи. Словарь* (Мелерович, Мокиенко 1997). Множество зафиксированных в словаре индивидуально-авторских преобразований свидетельствует об огромном эмотивно-номинативном потенциале ФЕ.

Синхроническая динамика языковых процессов находит также своё чёткое проявление в множестве паремийных трансформ, именуемых по-другому некоторыми лингвистами как антипословицы (ср. Мокиенко, Вальтер

2005; Mieder 1989; Reznikov 2009). Этот термин (нем. *Antisprichwörter*, англ. *anti-proverbs*) был предложен В. Мидером, а потом внедрён в научный обиход современной славистики Х. Вальтером и В.М. Мокиенко (Мокиенко 2012: 88). По мнению некоторых фразеологов (ср. Норман 2010: 308-316), наименование «антипословица» по отношению к паремийным трансформам следует считать некорректным, так как уже самое значение префикса „анти-“ в составе этого термина предсказывает что-то противоположное пословице. Если сравнить исходную паремию *Кончил (сделал) дело, гуляй смело* с её трансформами (напр.: *Кончил в тело, гуляй смело; Кончил дело, баба с возу, кобыла в шоке; Кончил мимо, гуляй смело; Сделал дело, вымой тело; Сделал дело – кобыле легче; Сделал доброе дело, и оно к тебе вернётся*), то сразу видно, что это по-прежнему пословицы (и в семантическом, и в структурном, и в функциональном аспекте), но меняется их содержание – или другими словами говоря – общий смысл. Они в дальнейшем функционируют в живой речи как исходные пословицы. Паремийные трансформы в виде антипословиц иногда именуются также перекрученными, исковерканными или искажёнными мудростями (Вальтер 2004: 328). Сущность употребления приставки „анти-“ логично, как объясняет Б. Норман: „Антипословицы – это явные переделки, трансформы, отсылающие к уже обкатанным в речевом употреблении паремиям. Они – «анти» прежде всего потому, что вторичны” (Норман 2010: 315). На наш взгляд, к наиболее оптимальному варианту термина следует отнести словосочетание «паремийная трансформа», так как оно лишено статуса логического противоречия.

Исследуя синхроническую динамику современного русского языка нельзя обойтись без анализа лексики разнообразных паремийных трансформ, количество которых в последнее время действительно может поражать. Очевидно, что самое явление переделки или „перелицовки” традиционных паремийных единиц не ново. В художественной литературе, публицистике, на эстраде, в живой устной речи уже давно функционировали паремийные трансформы разного типа. Но их количество и сфера распространения радикально увеличились вследствие развития средств массовой информации и Интернета, где доминирует анонимный характер общения. В большинстве антипословицы отличаются большой степенью образности и экспрессивности, кроме того создают эффект пародии, шуток, сарказма, травестики, абсурда (Алексеев 2002: 118). Они являются жанрами искусства, как пародия, коллаж и пастиш, что находит своё отражение в карнавале (Норман 2010: 313). Исследуя функциональный аспект паремийных трансформ, Б. Норман приводит термин „стёб”, который обозначает стремление подвергнуть осмеянию всё (Норман 2010: 314). В связи с этим термином Х. Вальтер замечает, что антипословицы, как средства этого стёба, „ломают стереотипы сознания, неожиданно обнажают скрытые смыслы языковых знаков, представляют собой картину мира – «мира наизнанку», шутовского, дурацкого, провокативно-циничного по форме, где негативизм, агрессивность сочетаются с игровым моментом” (Вальтер 2004: 331).

Синхроническая динамика языковых процессов современного русского языка наиболее чётко отражается на лексическом уровне, в том числе, и в качестве лексических компонентов паремийных трансформ. Компонентный анализ фактографического материала позволяет выделить несколько основных тематических групп по характеру определённых лексем (все примеры даются по словарю *Антипословицы русского народа* (Мокиенко, Вальтер 2005)).

1. Лексические компоненты паремийных трансформ, связанные с компьютерной технологией и информатикой:

- Жизнь прожить – не два байта переслать.
- WWW: один кладет – все берут. МММ: все кладут – один берёт.
- Выше пейджера не бить.
- Хьюлетт Паккарду глаз не выключет.
- Коммунизм – это Internet + сотовый телефон в каждой телефонной будке.
- Кому алтын, тому Intel Pentium!
- Брокер от пейджера недалеко падает.
- Не всё то „Виндоус”, что висит.

2. Лексические компоненты паремийных трансформ, обозначающие товары и марочные наименования:

- Нынче носит адидас, завтра родину продаст.
- Кто носит тапки (майку) адидас, тот самый первый пиродас.
- Кто носит тапки (майку) адидас, тому любая баба даст.
- Виагра плюс димедрол – любовь, похожая на сон.
- «Виагра-лайт» - просто хочется целоваться.
- Знает кошка, чем «Вискас» съела.
- Человек создан для счастья, как «Вольво» для хорошей езды.
- Я встретил VAX, и всё белое. (VAX – чистящая система)
- В бизнесе всё должно быть прекрасно: и 600-й „мерс”, и дача на Канарах, и контрольный выстрел в голову.
- Жизнь женичины – сплошные полосы: то о'кей, то ОВ.
- Любишь на „запорожце” кататься, люби и „мерседесы” чинить.
- Я буду звать тебя „Боинг”, потому что ты у меня 747.
- Главное, чтобы Киндер не стал сюрпризом.

3. Лексические компоненты паремийных трансформ, связанные с техникой:

- Где начинается авиация, там кончается порядок.
- Автопилот до Киева доведёт.
- Дружба дружбой, а энергоносители – врозь.
- Тихо джипами шуриша, крыша едет не спеша.

4. Лексические компоненты паремийных трансформ, обозначающие экономические термины:

- *Сегодня в сексе все важнее бартер.*
- *Посеешь ветер – пожнешь... дивиденду.*

5. Во многочисленных паремийных трансформах функционирует вульгарная лексика:

- *Кто с водкой дружен, тому х... не нужен.*
- *Хочешь пой, а хочешь куй, всё равно получишь х...*
- *Выше х... не прыгнешь.*
- *Если гора не идёт к Магомету, на х... такую гору.*
- *Шире русской души может быть только русская ж...а.*

6. В лексике многочисленных паремийных трансформах проявляется сексистский подход к человеческим взаимоотношениям:

- *Солнце, воздух, онанизм укрепляют организм.*
- *Всех баб не переедешь, не перетрахаешь, но надо к этому стремиться.*
- *В сексе, как и в автоспорте, главное – не жалеть денег на хорошую импортную резинку.*
- *Секс-бомбы в одну кровать дважды не падают.*

Паремийные единицы, как коммуникативный тип фразеологических единиц, выполняют особенную номинативную функцию в любом языке. Они функционируют в качестве ситуативного знака, образованного на основе типичности и повторяемости данной общественной ситуации (Szutkowski 2010: 77). С помощью паремий реализуется прагматический потенциал языка (одобрение, неодобрение, порицание, осуждение, презрение, пренебрежение, восхищение, приказ, требование, рекомендация, совет, просьба, мольба, предостережение и мн. др.).

На уровне паремийных трансформ ещё более чётко проявляются прагматические средства языка и их структурно-семантическое разнообразие. Кроме того, в их лексическом составе отражаются актуальные процессы, явления, тенденции, которые происходят во внеязыковой действительности. Исходным паремийным единица чужды наименования из сферы техники, информатики, экономических наук, коммерческой деятельности, но они успешно используются авторами новых, „искажённых” пословиц. Активное употребление профессиональной лексики говорящими на уровне даже лишь окказиональных паремийных трансформ, которые, пожалуй, никогда не достигнут высокой степени употребительности и распространённости, свидетельствует о живом номинативном потенциале пословиц в современном дискурсе.

Компьютеры, техническое оборудование, экономические процессы являются уже неотъемлемой частью повседневной жизни человека. Как показывает фактографический материал, они не только выполняют свои первоначальные, внеязыковые функции, но путём внедрения их наименований в структуру паремийных трансформ именуют новые факты, явления, характеризуют поведение человека, выражают положительную или отрицательную оценку, создают эффект пародии, шутки, сарказма и т.п.

Размыwanie резкой границы между неофициальной и официальной нормой общения отражается во многочисленных вульгаризмах и сексизмах. Действительно, даже в народных, исходных пословицах наблюдается использование обсценной лексики (например, непристойные, богомерзкие, вульгарные, бранные и др. выражения), но не в такой большой частотности. Вероятно, что этому процессу прежде всего способствует анонимный характер общения интернет-пространства, в котором эти вульгарные паремийные трансформы встречаются и употребляются.

Сексистский подход к человеческим взаимоотношениям – это следующий признак современных паремийных трансформ. Также на этом фразеологическом языковом уровне табу интимной сферы жизни легко меняется и ломается, получая крайне негативный и иногда анималистический образ (ср. Архангельская 2011).

Исследование паремийных трансформ даёт возможность не только познать динамику фразеологической системы языка, но также проанализировать номинативный потенциал исходных пословиц, описать межуровневой кругооборот лексических и фразеологических единиц (ср. Алексеенко 2002), глубже проникнуть в процесс отражения реальной действительности в лексических средствах индивидуально-авторских фразеологических преобразований.

Современная фразеология нуждается в поисках причин распространения паремийных трансформ, в оценке этого интересного языкового феномена и в конкретизации собственно лингвистических и междисциплинарных перспектив их дальнейшего исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АЛЕКСЕЕНКО, М.А. (2002): “К проблеме лингвистического статуса фразеологических трансформ”. В кн.: *Slavica Stetinensia, nr 12*, Szczecin.
- АРХАНГЕЛЬСКАЯ, А. (2011): “Сексизм в языке: мифы и реальность”, Olomouc.
- ВАЛЬТЕР, Х. (2004): “Образ женщины в русских антипословицах”. В кн.: *Słowo. Tekst. Czas VII. Nowe środki nominacji w nowej Europie*, red. M. Aleksiejenko, M. Kuczyńska, Szczecin.
- ЗЕМСКАЯ, Е.А. (ред.) (1996): “Русский язык конца XX столетия (1985-1995)”, Москва.
- МЕЛЕРОВИЧ, А.М., МОКИЕНКО, В.М. (1997): “Фразеологизмы в русской речи. Словарь”, Москва.

- МОКИЕНКО, В.М. (2012): “Славянская паремиология сегодня (аспекты исследования)”. В кн.: *Słowo. Tekst. Czas XI. Frazeologia słowiańska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeograficznym*, red. M. Hordy, W. Mokijenko, T. Szutkowski, H. Walter, Szczecin.
- МОКИЕНКО, В.М., ВАЛЬТЕР, Х. (2005): “Антипословицы русского народа”, Санкт-Петербург.
- НОРМАН, Б. (2010): “Почему антипословицы – «анти»?”. В кн.: *Słowo. Tekst. Czas X. Jednostka frazeologiczna w tradycyjnych i nowych paradygmatach naukowych*, red. M. Aleksiejenko, H. Walter, Szczecin.
- MIEDER, W. (1989): “Antisprichwörter”, 3. volume, Wiesbaden.
- REZNIKOV, A. (2009): “Modern Russian Anti-Proverbs”, Burlington, Vermont.
- SZUTKOWSKI, T. (2010): “Jednostki paremiologiczne z komponentem onomazycznym we współczesnym języku rosyjskim i polskim”, Szczecin.

МОДЕЛЬ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ, ИСПАНСКОЙ И ИТАЛЬЯНСКОЙ КАРТИНАХ МИРА

Е.Ю. БУЛЫГИНА, Т.А. ТРИПОЛЬСКАЯ

Статья является частью сопоставительного исследования «Язык городского пространства: словарь, карта, текст». Работа выполнена на материале русского, итальянского, французского, испанского и английского языков и ориентирована на описание своей и чужой, «иноментальной», пространственной картины мира. Образ своего и чужого города с универсальными и уникальными подпространствами, а также образ горожанина – человека в городском пространстве создают стереотипы, представления, мифы о своем и чужом (чуждом) мире.

Многие исследователи отмечают, что язык пространства в разных культурах отражает общее и частное (особенное) в восприятии окружающего мира. Универсальное связано с нашей системой восприятия (зрение, слух, обоняние, осязание), а уникальное в восприятии пространственных категорий обусловлено как особенностями места обитания: горы или равнины, остров или материк, лес или поле, город или деревня и др., так и спецификой языковых структур, предназначенных для отражения пространственных представлений.

Пространственная картина как фрагмент общей картины мира совмещает в себе две функции – интерпретативную и регулятивную (Постовалова 1988: 22, 24). У человека складываются представления о пространстве и времени, которые регулируют его взаимодействие с реальной действительностью. Говорящий воспринимает пространство через призму своего языка, и эти представления усложняются, обогащаются, модифицируются благодаря совмещению (наложению) наивной и художественной картин мира.

Язык пространства включает следующие характеристики: далёкое и близкое (Яковлева 1994), большое и маленькое, открытое и закрытое, расположенное на разной высоте (высокое и низкое), своё и чужое и др.

Заданные параметры языковой интерпретации пространства в основном пригодны и для описания городского пространства как освоенного и одушевленного человеческим присутствием.

Отправной точкой нашего исследования является представление о своем и чужом городе. Человек смотрит на чужой город через призму своего. Воссоздание чужого городского пространства с помощью своих городских номинаций оказывается весьма приблизительным: сквозь языковую сетку бульваров, площадей, набережных мы видим скорее не чужой город, а город неуловимо похожий на свой. Так, парижские бульвары мы воспринимаем через «призму» бульваров *Садового кольца*; а итальянские площади (*piazza, piazzale, piazzetta, piazzaletto, largo* и др.) через образ *Дворцовой* или *Красной площади*.

Анализируя пространственную картину мира, выделим подпространства, в которых проявляются уникальные черты, создающие неповторимый образ конкретного города. В своей работе «Венеция в русской литературе» Н.Е. Меднис пишет о том, что для формирования любого образа города необходимо выделение так называемых «доминантных точек», которые «в системе составляют подобие образного каркаса, который на визуальном уровне позволяет отличить один город от другого. Наличие доминантных точек делает картину города упорядоченной...» (Меднис 1999: 52).

Для сопоставления фрагментов пространственных картин мира были избраны городские локусы, с одной стороны, характерные для всех европейских культур, с другой стороны, имеющие яркую национальную специфику, «доминантные точки» города: *площадь, набережная, двор, бульвар*. Выбор мотивирован, конечно, языковым материалом, отражающим и интерпретирующим городское пространство. Во-первых, наличием разветвленной системы номинаций данных локусов в каком-либо языке по сравнению с другими, что подчеркивает значимость городского подпространства для социума, во-вторых, языковыми и когнитивными лакунами в этой тематической области, свидетельствующими об особенностях ментального словаря, в-третьих, недостаточностью информации об этой лексике в словарях, справочниках и путеводителях.

В статье мы остановимся на одной из доминантных точек городского пространства – площади.

У площади как городского локуса есть своя история. В словаре М.Фасмера *площадь* – ж., др.- русск. площадь, ц.слав. площадь. Из *ploskedь: плоский (Фасмер 1986–1987). Этимология французского, итальянского и испанского наименований *площади* восходит к латинскому *platĕa* и греческому *plateia*.

Средневековый город воплощает в себе феномен закрытости. Площадь – символ другой эпохи: она воплощает в себе идею открытости не только вверх, но и в стороны через улицы, переулки, окна <...> Площадь производит впечатление мгновенно распахивающегося пространства. Городская площадь – освобождение от мистических тайн и воплощение в себе откровенно десакрализованного пространства (Альберти 1935). Примером такой открытости может служить Триумфальная арка на площади Звезды.

Предшественниками городских площадей были парадные дворы дворцовых и храмовых сооружений. Энциклопедические словари в качестве примера называют наиболее известные европейские площади: *Красная площадь* в Москве, *Дворцовая площадь* в Санкт-Петербурге, *площадь де Голля* (бывшая *площадь Звезды*) в Париже, которые формируют некоторый инвариантный образ центрального городского локуса, воплощающийся во множестве вариантов площадей в разных европейских городах.

Так, многообразие итальянских городов порождает многообразие и неповторимый облик *piazza, piazzale, piazzetta, piazzaleto, largo, campo* и др. Очевидно, что именно в итальянском языке выделяется наиболее богатый синонимический ряд номинаций площади, который может конкурировать только с системой наименований в испанском языке: *plaza, plazoleta, plazuela, terrero, barreduela, rotunda, replaceta, glorieta, foro* и др.

Представление европейцев о городской площади совмещает в себе все возможные характеристики этого городского пространства: любой формы и размера, на пересечении улиц, окруженная/не окруженная зданиями, с растениями или без растений, украшенная или не украшенная фонтанами, памятниками и др.

Однако есть признаки, наиболее важные для номинатора, которые нашли отражение в отдельном слове.

Размер площади: в итальянском языке (*piazzale, piazzetta, piazzaleto, piazzettina, piazzuola, campiello*); в испанском языке (*plaza, plazoleta, plazuela* dim. de *plaza* – маленькая площадь, площадка, сквер); во французском языке (*place, placette* – *petite place*). Признак большой/маленький характерен для восприятия городских открытых пространств, он так же относителен, как понятие далеко/близко. *Piazza* и *piazzale*, предполагающие, по данным словаря, значительный размер (ср. *piazzetta*), с позиции русского наблюдателя, кажутся небольшими пространствами, тогда как площадь в российском городе – это большое открытое пространство, связанное с представлением о просторе.

В русском языке не используются деминутивы от слова *площадь*, слово *площадка* для обозначения небольшой городской площади не употребляется. Пространства же, называемые в Италии *piazzetta, piazzaleto, campiello*, во Франции – *placette*, в Испании – *plazoleta, plazuela*, едва ли были бы квалифицированы русскими как площадь. Различные пространственные представления носителей языка о русских и, например, итальянских *площадях* обусловлены «экономией» жизненного пространства в европейском городе, а также стремлением европейцев максимально обустроить городское пространство. Ср.: «Когда приезжаешь сюда (в Пиенцу – *T.T. и Б.Е.*), как бы ни готовился заранее, цепенеешь от миниатюрности идеала. Выходящие на главную площадь собор и три палатки – обычного ренессансного размера. Но сама площадь – двор. Едва не дворик» (Вайль 2010: 120).

Принадлежность к определенному городу. Наряду с *piazza, piazzeta; place, placette; plaza, plazoleta, plazuela*, которые встречаются практически во всех городах Италии, Франции и Испании, имеются наименования площадей,

неразрывно связанные с конкретным европейским городом: *Largo Augusto* и *Campo dei Fiori* в Риме, *Campo* в Венеции, *Ronda del Litoral* в Барселоне, *Glorieta Arabial* (*glorieta* – площадь на скрещении улиц со сквериком в центре) и *Campo del Príncipe* в Гранаде, *Place Étoile* или *L'Étoile, rond-point de la Chapelle* в Париже, *Square Dutilleul* в Лилле, *Prato della Valle* в Падуе, *Марсово поле* в Санкт-Петербурге и Париже.

В Лилле часто площадь именуется *square*, что не характерно для других французских городов. Лексема *ronda* обычно используется в Испании как номинация улицы, идущей вдоль крепостной стены *Ronda de Juanelo* в Толедо, в Барселоне же она обозначает площадь, что связано с этимологией слова *ronda* – «круг».

Отметим, что выбор номинатором «уникальных» наименований площадей, как, впрочем, и других городских пространств, частично можно объяснить стремлением выделить объект номинации – площадь, отличающуюся размером, расположением, окружением. Так, в Падуе находится самая большая в Северной Италии площадь – *Прато-делла-Валле* – с каналом, мостиками, фонтанами и множеством статуй.

Местоположение площади: расширение на пересечении улиц (*largo*); у здания, которое доминирует в пространстве, по преимуществу перед собором (*sagrato, parvis*); городское пространство на пересечении центральной авеню второстепенными улицами (*rond-point des champs Élysées* – Круглая площадь на Елисейских полях); в центре города, главная площадь по преимуществу перед доминирующим архитектурным сооружением (в Европе перед собором): *Красная площадь*, *Дворцовая площадь*, *Площадь Ленина* (Новосибирск, перед зданием Оперного театра), *Городская Эспланада Парк* (Пермь), *Piazza San Pietro* (Рим), *Piazza del Duomo* (Милан), *Plaza Major* (Мадрид), *Piazza del'Erbe* (Верона, Падуя), *Prato della Valle* (Падуя), *Trafalgar Square* (Лондон).

Форма площади. В отличие от английского языка, в итальянском, испанском, французском и русском языках оказался несущественным для формирования понятия «площадь» такой признак, как форма. Этот признак может актуализироваться в контексте, но в семантике наименований площадей он чаще является потенциальным, это подтверждает, например, итальянский толковый словарь: *Piazza 1. Spazio urbano di forma variabile più o meno ampio e libero, circondato da caseggiati, sito di solito all'incrocio di più strade* (SC). Ср.: *площадь Сан-Марко* имеет, например, форму трапеции.

Исключением является наименование итальянской площади *largo*, в семантике которой словарь отмечает признак «неправильная форма»: *piazzetta di forma irregolare all'incrocio di più vie* – маленькая площадь неправильной формы на пересечении нескольких улиц (www.dizionario-italiano.it).

Независимо от формы, открытости/закрытости пространства во французском – *place*, в русском – *площадь*, в итальянском – *piazza*, в испанском – *plaza* мотивированы семантикой «плоское место», «открытость». Понятие открытости/закрытости, как и представление о размере, применительно к площадям разных типов оказывается не таким строгим. Ср., например, в Париже площадь

прямоугольной формы, закрытая (!) с четырех сторон однотипными зданиями (вход через арки) – *Place Vogese*. В Италии *piazzetta*, *piazzaletto*, *campiello* напоминают дворы, которые отграничивают своё и чужое пространство, воплощая скорее идею закрытости. Таким образом, признак открытости/закрытости пространства напрямую связан с его размером.

Специальное наименование, отражающее форму площади, имеет только *Place Charles de Gaulle – Place de l'Étoile* или *L'Étoile*, максимально открытая, увенчанная Триумфальной аркой; от неё отходят, образуя лучи, многочисленные *avenue*.

В русском языке пространство, именуемое архитекторами *площадь* или *аванплощадь*, имеет только одно имя (редко встречается *эспланада* – например, в Перми). Характерными чертами русской площади являются достаточно большой размер, пересечение нескольких улиц, любая форма.

Для лексического значения русской лексики *площадь* признаки формы, местоположения, назначения и др. являются имплицитными, семантика слова сохранила этимологически важные компоненты «плоский», «широкий», «свободный», «открытый». Ср.: *выйти на площадь*, *простор площадей*, *широкая*, *большая*, *огромная площадь*.

Это подтверждают и материалы Русского ассоциативного словаря (РАС): *площадь* – Красная 106; **большая** 22; **широкая** 8; улица 7; памятник, **пространство**, сквер 6; города, квадрат, **огромная** 5; город, квадратная, место 4; проспект, толпа 3; главная, двор, красивая, круглая, люди, **обширная**, маленькая, площадка, **просторная**, **центральная** 2; асфальт, базарная, **большой участок**, встреч, **в центре города**, городская, гулять, Дворцовая, замкнутость, из камня, место в городе, место для встреч, **много места**, **огромный**, **открытая**, Париж, перед домом, перед сквером, переулок, поляна, пустота, **размер**, ратуша, ристалище, рыночная, стачка, территория, толпа народа, торговая, Трафальггарская, фигуры, фонтан, цветов полна, шумная 1.

По данным РАС, в сознании русских *площадь*, кроме характеристики размера, ассоциативно связана с местом публичных действий (торговля, зрелища, казнь, трибуна и др.), с центром города, где происходят основные события в жизни горожан, (Красная, Дворцовая, центральная, главная, в центре города и др.), с местом гуляния и встреч (бездельник, бульвар, толпа народа, шумная, людской, гулять). Имеются единичные реакции, актуализирующие форму площади: круглая, квадрат, квадратная.

«Атрибуты» **площади** (растительность, фонтаны, скульптуры, решётки, скамейки). Чаще всего происходит совмещение городского подпространства площади и городского сада/сквера. В Испании есть тип площади, в описании которой толковый словарь отмечает наравне с местоположением наличие на площади сквера/сада: *glorieta* площадь на скрещении улиц со сквериком в центре. Такое устройство *площади* далеко не редкость в европейских и российских городах, хотя словари упорно не фиксируют эти семантические признаки, видимо, ориентируясь на образы *Красной* и *Дворцовой площадей*, *Plaza Major*, *Piazza San Pietro* как на прототипические. *Казанская площадь*

в Петербурге, *площадь Кондратюка* в Новосибирске, *Городская Эспланада Парк* в Перми, *Place Vogese* в Париже и др. отличаются тем, что большая их часть занята садом/парком/сквером/газонами/клумбами. Кроме того, атрибутами площади могут быть колонны, обелиски (Александрийский Столп, Вандомская Колонна и др.), скульптурные ансамбли и фонтаны: *Площадь Навона* и *Площадь Испании* и *Народная площадь* в Риме, *Площадь Согласия* в Париже и др. Пространство площади может вмещать все указанные атрибуты: фонтан со львами, сквер со скамейками на *площади Сан-Сюльпис*, расположенной перед собором Сан-Сюльпис в Париже; скульптурная группа, сквер, клумбы, газоны, скамейки на *площади Ленина* в Новосибирске. Сходное устройство имеют *Пушкинская площадь* в Москве и *Prato della Valle* в Падуе.

Назначение площади. В наименованиях площадей, как в собственном имени, так и в нарицательном, сохраняется информация о предназначении этого городского пространства в разных языках с разной степенью отчетливости. Так, в итальянском языке сохранились специальные названия для торговых площадей, причем иногда с уточнением товара, который продается – *mercato*, *agorà*, *piazza del mercato* – рыночная, торговая площадь: *Piazza della Frutta* (Падуя), *Piazza del'Erbe* (Верона, Падуя) –, Фруктовый и Травяной рынки; *Campo dei Fiori* – цветочный рынок в Риме. В русском языке есть понятие торговой/базарной/ярмарочной площади, однако название товара, мотивирующее имя площади, сохранилось лишь в уникальных наименованиях, например, *Сенная площадь* (Санкт-Петербург).

Испанское слово *plaza*, называющее любую площадь, в том числе и торговую, в английском языке закрепилось как современное воплощение торговой площади – большого торгового комплекса. Ср.: 2) a modern complex of shops, buildings, and parking areas; (capital when part of a name) Rockefeller Plaza (С). В современной России лексема *plaza* используется как имя собственное в сходном значении, а также в качестве названия сети магазинов. Подобное значение приобретает и русское слово *площадь* – «*Торговая площадь*» (сеть магазинов). Во французском языке *place* также соотносится и с торговой площадью, кроме того, используется для обозначения торгового и делового центра Парижа – *la place de Paris*.

Исторически итальянские номинации *tribunale*, *curia*, *foro* связаны с площадью, на которой вершилось правосудие, а испанская *plaza* используется для обозначения арены для боя быков (*plaza de toros*).

Подведем итоги. Площадь в пространстве любого города является центральным локусом как место, на котором происходят основные события в жизни горожан. Обилие разных по размеру, назначению, местоположению площадей европейского, в частности, итальянского города, обжитых, «домашних», парадных и торжественных, отражено разветвленной лексической системой городских номинаций. В русском и английском языках весь объем информации об этом городском подпространстве сконцентрирован в лексемах *площадь* и *square*. Отметим также и качественные отличия ментальной пространственной схемы русских: площадь – главное, большое, просторное,

открытое подпространство, связанное с политической, экономической и культурной жизнью города как части большой страны.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АЛЬБЕРТИ, (1935): *О зодчестве*. Пер. и комментарий В.П.Зубова. Издательство Академии архитектуры. Москва.
- ВАЙЛЬ, П. (2010): *Слово в пути*. Астрель. Москва.
- КАРАУЛОВ, Ю.Н., СОРОКИН, Ю.А., ТАРАСОВ, Е.Ф. и др. (1994): *Русский ассоциативный словарь*. ИРЯ РАН. Москва.
- МЕДНИС, Н.Е. (1999): *Венеция в русской литературе*. Издательство Новосибирского государственного педагогического университета. Новосибирск.
- ПОСТОВАЛОВА, В.И.(1988): «Картина мира в жизнедеятельности человека». В кн.: *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мир*. Наука. Москва, с. 8-69.
- ЯКОВЛЕВА, Е.С. (1994): *Фрагменты русской языковой картины мира(модели пространства, времени и восприятия)*. Гнозис. Москва.
- ФАСМЕР М. (1986–1987): *Этимологический словарь русского языка*: В 4 т./ Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачёва. Прогресс. Москва.
- IL SABATINI COLETTI (2006): *Dizionario della Lingua Italiano*. Rizzoli Larousse (SC).
- COLLINS COBUILD Advanced Dictionary (2008). 6th Edition. HarperCollins (C).

CAPÍTULO VII.
¿TIPOLOGÍA SEMÁNTICA O TIPOLOGÍA LÉXICA?

ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКИХ И ТАТАРСКИХ ПАРАМЕТРИЧЕСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В АСПЕКТЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

В.Г. ФАТХУТДИНОВА

Представления о параметрических признаках предметов являются концептуально значимыми в картине мира любого народа и находят последовательное выражение в лексико-семантической системе естественных языков. В современной лингвистике, а именно с позиций антропоцентризма, семантика размера и вербализующие ее адъективы неоднократно становилась предметом специального изучения: (Рахилина 2000; Ташлыкова 2007; Усманов 2009; Коробейникова 2009). Особую актуальность приобретает изучение параметрических прилагательных в аспекте семантической типологии.

По мнению учёных, для лексической и семантической типологии значимы следующие признаки: объем словарного фонда, семантико-тематическая структура лексики, источники новых обозначений и сравнительная продуктивность разных средств пополнения словарного запаса (морфемная и семантическая деривация, заимствования, образование несвободных сочетаний), что в свою очередь обуславливает такие типологически значимые признаки, как соотношение в языке мотивированных и немотивированных названий; степень морфемной сложности слов (Мечковская 2001: 96). В этой связи следует отметить, что словообразовательный потенциал параметрических прилагательных, а соответственно, и типология лексико-словообразовательных значений их дериватов (особенно в сопоставительном аспекте) до сих пор остаются вне поля зрения ученых.

Предметом нашего исследования стали русские и татарские производные, образованные от следующих коррелятивных основ: *длинный / короткий - озын / кыска; широкий / узкий - кин / тар; высокий / низкий - биек / тубэн*. Исследуемые дериваты представлены в соответствующих словообразовательных гнездах, нашедших отражение в «Словообразовательном словаре русского

языка» (Тихонов 1985) и в «Татарско-русском словаре однокоренных слов» (Сафиуллина 2007).

Прежде чем перейти к непосредственному анализу производных, остановимся на общей характеристике лексико-семантической группы пространственных прилагательных в целом. Именно она включает в себя адъективы, призванные обозначить параметрические признаки предмета. В ЛСГ пространственных прилагательных исследователи выделяют обычно три подгруппы: 1) с основной семей 'протяженный в пространстве': *высокий – низкий, глубокий – мелкий, широкий – узкий, длинный – короткий*; 2) с основной семей 'расположенный в пространстве относительно чего-либо': *близкий – далекий, верхний – нижний, левый – правый* и др.; 3) с основной семей 'занимающий в пространстве какое-либо место, объем': *крупный – мелкий, толстый – тонкий, большой – маленький, просторный – тесный* и др. (Коробейникова 2009: 270). К последней группе, по нашему мнению, следует отнести и прилагательные *пустой – полный*, характеризующие свойства некоторых предметов с точки зрения их объема, величины содержимого и его границ.

Анализируемые лексические единицы характеризуются разветвленностью, сложностью семантической структуры и вступают между собой в антонимические отношения. Они обладают несколькими, иногда далеко отстоящими друг от друга значениями, которые позволяют включать эти лексемы в разные ЛСГ. Своими лексико-семантическими вариантами они входят в те или иные смысловые группы: *длинный – короткий* (размер, временные отрезки, расстояние); *широкий – узкий* (пространство, размер, протяженность); *низкий – высокий* (пространство, количество, оценка); *пустой – полный* (объем, пространство).

Исследуя семантику прилагательных размера в атрибутивных конструкциях с предметной лексикой, Е.В.Рахилина пишет: «С некоторой долей условности можно принять, что, измеряя величину объекта, мы характеризуем объект в отношении его длины, ширины, высоты, толщины и глубины. В принципе, каждый из перечисленных параметров имеет два значения: 'большой' (по высоте, глубине, толщине и т.п.) и 'маленький'. Этим значениям соответствуют пары типа *высокий? – низкий, глубокий – мелкий* и др.» (Рахилина 2000: 116). Важная мысль автора об избирательности их сочетаемости находит подтверждение и на материале татарского языка.

В татарском языке, безусловно, существует соответствующая группа параметрических прилагательных, хотя их лексическая сочетаемость, в отличие от русского языка, в некоторых случаях может быть достаточно специфичной, например: *длинный рукав – озын кин, длинный рассказ – озын хикэя*, но: *длинное путешествие – озак сэяхэт* (букв.: долгое); *короткие волосы – кыска чэч, короткая юбка – кыска итэк*, но: *за короткое время – аз вакыт эчендэ* (букв.: за малый промежуток времени); *широкая улица – кин урам, широкие плечи – кин жылкэлэр*, но: *широкий пиджак – иркен пиджак* (букв.: свободный пиджак); *узкая улица – тар урам, узкая речка – тар елга, узкие листья – тар яфраklar*, но: *узкий рукав – кысан кин* (букв.: который жмет);

узкие глаза – *кысык куз* (букв.: сжатые); *узкая тематика* – *сай тематика* (букв.: мелкая тематика).

В процессе переносного употребления параметрические прилагательные русского и татарского языков утрачивают объемно-пространственные признаки и демонстрируют разные способы лексикализации понятий. Русские адъективы характеризуются более высокой степенью метафоричности, которая не всегда находит адекватного выражения в татарском языке. Они могут характеризовать как внешность человека (*узкое лицо, короткая шея*), так и свойства и качества личности (*мелкий негодяй, глубокий ум, высокий интеллект, широкий / узкий специалист*), психические и ментальные состояния (*глубокое отчаяние, мелкие огорчения*).

Для передачи такого типа значений в татарском языке используются слова других семантических сфер: *узкий кругозор* – *аз белу* (букв.: мало знать); *глубокие переживания* – *кечле* (сильные) *кичерешлэр*; *широкий жест* – *зур юмарты курсэту* (показать большую щедрость). Приведём соответствия обратного порядка: *тар куллы* – скупой (букв.: человек с узкой рукой); *тар холыклы* – неприятный в общении человек, сварливый, неуживчивый (букв.: с узким характером); *тар эчле кеше* – завистливый, злой, скрытный человек (букв.: человек с узкой душой); ср. также: *озын куллы* (воришка, нечистый на руку; драчун, забияка (букв.: с длинными руками)).

Несмотря на выявленные различия, в целом можно утверждать, что параметрические прилагательные для русского и татарского языков являются универсальным классом номинативных единиц. Они приписывают предметам и явлениям функциональные качества и свойства, которые актуализируются и вербализуются в процессе познавательной и практической деятельности человека. Какова же их деривационная активность?

Результаты сопоставительного анализа показали, что соотносительные адъективы русского и татарского языков обладают неодинаковым деривационным потенциалом, что находит отражение в лексическом составе их словообразовательных гнезд. Так, в словообразовательном гнезде *широкий* наличествует 115 дериватов, в то время как в соответствующем ему татарском гнезде с исходным словом *кин* только 10. Приведем аналогичную статистику по другим гнёздам: от исходного слова *узкий* образовано 86 дериватов, в татарском от *тар* – 6; в гнезде *длинный* – 60 производных, от татарского *озын* образуется 10; исходного слова *короткий* – 108, от татарского *кыска* – 15; от *высокий* – 240 дериватов, в татарском от *биек* – 2 деривата + 8 от *югары* (высокий, высший); от *низкий* – 135 дериватов, в татарском от *тубэн* – 20 + 4 деривата от основы *тэбэнэк* (низкий, низкого роста). Таким образом, по количеству дериватов русские словообразовательные гнезда значительно превосходят татарские, что обусловлено в определенной степени морфологической структурой каждого из языков, а именно наличием тех или иных деривационных средств и способов словообразования.

Соотносительные словообразовательные гнёзда различаются не только количественным составом. Их структурно-семантическая организация

представляет собой различную комбинацию разнообразных смыслов и значений. Сопоставительный анализ русских и татарских параметрических прилагательных, характеризующих в номинативном (исходном) значении основные измерения материального объекта, позволяет установить, как развивается и видоизменяется семантика производящей основы в актах словообразования, а также выявить национальную специфику фактов преобразования их семантической структуры.

Своеобразие номинативного пространства коррелирующих словообразовательных гнезд обусловлена многими факторами, среди которых наиболее значимыми являются архитектоника словообразовательной системы и специфика словообразовательной семантики, ее ярко выраженная идиоматичность, что ведет к разному составу номинативных единиц. Так, например, русские существительные *высотка* 'высотное здание', *высокомерие* 'надменность' не находят структурных эквивалентов в татарском языке и передаются описательным способом. Результаты анализа свидетельствуют о том, что одни и те же параметрические признаки в русском и татарском языках получает разную словообразовательную детерминацию: в тат. *озынчык* (от прилагательного *озын* – длинный) – *прямоугольник*; *озынча* – *продолговатый*; *озынборын* (букв.: длинный нос) – *комар*.

В татарском языке от прилагательного *тар* (узкий) образуются производные со специфической внутренней формой, например, отвлеченные существительные: *тарлык*, *тарчылык* (букв.: узость) – нехватка, нужда, недостаточность: *вакытнын тарлыгы* – недостаток времени; глаголы: *тарсыну* – считать для себя тесным; *тартыну* – стесняться, испытывать неловкость, ср.: *тартынучан* – застенчивый, стеснительный, *тартынусыз* – беззастенчивый, бесцеремонный. Таким образом, некоторые объекты словообразовательного маркирования характерны только для одного из языков, что объясняется спецификой ассоциативных связей при образовании новых номинативных единиц.

Причиной асимметрии лексического состава сопоставляемых словообразовательных гнезд может являться наличие векторного соответствия на уровне их исходных слов. Возьмём для анализа прилагательное *низкий*. В татарском языке ему соответствуют главным образом две лексические единицы – *тубэн* и *тэбэнэк*. Выбор каждой из них зависит от лексической сочетаемости имён существительных, ср.: *тэбэнэк буйлы кеше* (человек невысокого роста, низкорослый) и *тубэн кеше* (низкий человек, т.е. совершивший низкий поступок). Соответственно оба адъектива имеют свой собственный набор дериватов.

От прилагательного *тэбэнэк* образуются производные, семантика которых связана с его номинативным значением, прежде всего с параметрическим признаком: существительное *тэбэнэклек* (низкорослость), глаголы *тэбэнэклэу* (делать более низким), *тэбэнэклэну* (становиться низким), *тэбэнэклэндеру* (понуд., делать более низким). От прилагательного *тубэн* образуются производные лексемы как с прямым, так и переносными значениями: *тубэнге* (нижний, низовой); *тубэндэге* (находящийся внизу, низовой, нижеследующий);

тубэнтен (снизу, внизу); *тубэнэйту*, *тубэнлэту* (снизить, понизить); *тубэнэю* (снижаться, понижаться); *тубэнлек* (низменность; унижение; низость, подлость); *тубэнсету* (унижать); *тубэнсетелу* (быть униженным); *тубэнсену* (считать себя униженным); *тубэнчелек* (снисходительность, обходительность, вежливость); *тубэнчелекле* (снисходительный, обходительный, вежливый).

Объектом сопоставительного анализа русских и татарских словообразовательных гнезд с исходным словом *низкий* могут послужить пять семантических зон, образуемых переносными значениями производных глаголов: *занизить* – ‘представить в меньших размерах (числовые показатели), объем чего-либо и т.п., чем следует’; *понизить* – ‘уменьшить уровень, степень, интенсивность чего-либо; ослабить, ухудшить; перевести на более низкую должность; сделать более низким по тону’; *снизить* – ‘сделать более низким, малым (степень, величину, интенсивность чего-либо), уменьшить; лишить значимости, приподнятости, упростить, ослабить’; *принизить* – ‘умалить значение кого-, чего-либо; поставить в унижительное положение’; *унизить* – ‘задеть, оскорбить чье-либо самолюбие, достоинство, поставить в унижительное положение; умалить, принизить чьи-либо заслуги, достоинства, роль, значение’.

В зависимости от лексической сочетаемости как самих префиксальных глаголов, так и их последующих производных в татарском языке нами выявлены следующие эквиваленты: *занизить* нормы выработки – эшлэп чыгару нормаларын *кимету*, *заниженные* оценки – *тубэнэйтелгэн* билгелэр, *занижение* объема работ – эш куләмен *кечерэйту*; *понизить* цену – бэясен *тошеру*, *понизить* качество – сыйфатны *начарайту*, *понизить* в должности – вазыйфасын *тубэнэйту*, *понизить* температуру – температура *тошеру*, *пониженное* давление – *тубэн* басым; *принизить* достоинства книги – китапнын унай якларын *кечерэйтеп курсэту*, *приниженный* вид – *кимсенуле* кыяфэт, *приниженное* положение – *кимсетелгэн* хэл; *снизить* себестоимость – узкыймэтен *тошеру*, *снизить* давление – басымны *тошеру*, *снизить* требования – талэплэрне *кимету*; *унизить* человека – кешене *кимсету*, *унижительное* предложение – *кимсетэ торган*, намуска тия торган тэкьдим, *унижительность* положения – *кимсетэ (тубэнсетэ) торган* буллу, *испытывать унижение* – *кимсетудэ*, хурлыкта *булу*.

Таким образом, русским префиксально-суффиксальным глаголам, образованным от прилагательного *низкий*, в татарском языке соответствуют разнокоренные глагольные лексемы: *кимету* (уменьшать, убавлять, умалять), *тубэнэйту* (снижать, понижать), *кечерэйту* (уменьшать), *тошеру* (опускать, ронять, понижать), *начарайту* (ухудшать), из чего можно сделать вывод, что отсутствие структурных соответствий компенсируется лексическими единицами других семантических сфер.

Выявление и изучение фактов подобной диспропорции в области производных номинативных единиц имеет важное значение для семантической типологии. С точки зрения А.Е.Кибрика, «объяснительная» типология стремится не только и не столько классифицировать языки в пределах выявленного пространства межъязыкового варьирования, но прежде всего ответить на

вопрос, почему это пространство ограничено именно таким, а не каким-либо другим образом, и почему оно имеет свою собственную, вполне определенную внутреннюю структуру. Поскольку использование языка есть один из видов целенаправленной деятельности человека, пределы межъязыкового варьирования в конечном итоге обуславливаются особенностями человеческого интеллекта и коммуникации, т.е. когнитивной способностью человека. За тем бесконечным эмпирическим разнообразием, которое регистрирует «таксономическая» типология, скрывается, по мнению автора, универсальная природа языка, которую можно представить в виде ограниченного множества лежащих в ее основе принципов (Кибрик 2003:44).

Итак, параметрические признаки предметов, будучи базисной категорией человеческого сознания, в русском и татарском языках обнаруживают сходства и различия в способах своей лексикализации. Соотносительные адъективы обладают неодинаковым деривационным потенциалом, что находит отражение в лексическом составе соответствующих словообразовательных гнезд. Одни и те же понятия, отражающие наивные представления человека об окружающем его мире, в разных языках, наряду с идентичными формами языкового выражения, могут обладать разной степенью детерминации, т.е. могут быть словообразовательно маркированными или же закрытыми для актов деривации, что свидетельствует о своеобразии номинативного и семантического пространства каждого естественного языка.

БИБЛИОГРАФИЯ

- КИБРИК, А.Е. (2003): *Константы и переменные языка*. Алетейя. Санкт-Петербург.
- КОРОБЕЙНИКОВА, В.А. (2009): «Метонимическая деривация прилагательного». В кн.: *«Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка»*, Издательский центр «Наука», Саратов, pp. 268 - 272.
- МЕЧКОВСКАЯ, Н.Б. (2001): *Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков*. Флинта: Наука. Москва.
- РАХИЛИНА, Е.В. (2000): *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. Русские словари. Москва.
- САФИУЛЛИНА, Ф.С. (2007): *Татарско-русский словарь однокоренных слов: ок. 4000 гнезд, 19000 слов*. Казанский государственный университет. Казань.
- ТАШЛЫКОВА, М.Б. (2007): «Параметрические прилагательные как единицы измерения масштаба личности». В кн.: *«Русский язык: исторические судьбы и современность: Материалы III Международного конгресса исследователей русского языка»*, МАКС Пресс, Москва, pp. 151-152.
- ТИХОНОВ, А.Н. (1985): *Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т.* Русский язык. Москва.

УСМАНОВ, Р.Ш. (2009): «Ассоциативно-образные и аксиологические характеристики концепта «размер» (на материале английского, русского, башкирского и турецкого языков)», *Вестник Башкирского университета*, 1, pp. 152-156.

СЕМАНТИКА ЦВЕТОВЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ ХИНДИ В РАКУРСЕ РАССМОТРЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА.

К.С. ГАЛИЧЕНКО

Очевидно, что при сравнительном анализе устойчивых выражений, связанных с основными единицами цветообозначений в разных языках, обнаруживается некоторая общность в их символике и ассоциативности. Это, по-видимому, связано с универсальностью в психологическом восприятии цвета человеком.

Данная статья представляет собой фрагмент исследования, посвященного анализу возможных путей формирования переносных значений единиц цветообозначений в современном хинди. Основной проблемой на начальном этапе работы является выделение так называемых «основных» единиц. Многозначность и многофункциональность каждого цвета как в номинативном значении, так и в использовании его в ассоциативно-символическом плане, привела к установлению иерархии цветов. На основании таких критериев как частотность употребления, всеобщепотребительность, значимость для носителей языка и т.п. становится возможным выделить некоторые единицы цветообозначения как основные.

Основное внимание в работе уделяется 10 из 11 базовых терминов (basic color terms), выделенных Берлином и Кеем [Berlin, Kay, 1969]¹. Термины, соответствующие 5ти из этих цветов сопряжены с описанием эмоциональных состояний.

Особенностью хинди является наличие двух и более терминов разного происхождения для обозначения одного и того же цвета, которые имеют разную сочетаемость и стилевые характеристики, а также могут образовывать разные переносные значения.

1. Не выявлено употребления термина со значением «коричневый» в переносном значении.

Тем не менее, для каждого из упомянутых цветов можно выявить лексему (ы), которое, как правило, употребляется чаще других как в прямом значении, так и образуя круг переносных значений. Данное исследование было ограничено наиболее частотной лексикой. Внимание уделяется метафорическим и метонимическим употреблениям цветовых обозначений.

Чрезвычайно большое количество выражений, в состав которых входят цветочные прилагательные, ассоциативно связаны с разного рода эмоциями. Описания внутреннего состояния человека посредством колористической лексики невероятно разнообразны. Один и тот же цвет может быть использован для передачи сразу нескольких эмоциональных состояний. В то же время прилагательные, обозначающие разные цвета нередко дают отсылку к одному и тому же состоянию.

Отрицательные эмоции:

Исключительно негативные эмоции описывают черный, белый, синий и желтый цвета. При этом черный и белый, как крайние цвета спектра, более применимы к описанию сильных эмоций и чувств:

- (1) sainikon ko dekhkar vah dar se kaalaa paR gayaa: vah
ghar meⁿ bilkul
солдат увидев он страха от черный падать пошел (Comp.
Perf) он доме в совсем
akelaa thaa vah kyaa kar sakta thaa ?
один был он что сделать мог

Увидев солдат, он почернел от страха: дома он был совершенно один, что он мог сделать?

- (2) aSok ko yah pataa calaa ki us ke buuRhe maataa-pitaa
gariibii meⁿ rahte haiⁿ.
Ашоку это понимание пришло, что его старики
родители нищетеv живут.
use yaad aayii ki us ne un se do hii saal pahle baat
ему воспоминание пришло что он ними с два именно
года назад
(3) kii thii aur vah Saarm se safed ho gayaa(Comp.Perf).
разговаривал и он стыда от белый становится падать.

Ашок понял, что его старые родители живут в нищете. Он вспомнил, что в последний раз разговаривал с ними целых два года назад, и стал весь белый от стыда.

Что касается синего цвета, то прилагательные, существующие в хинди для обозначения этого цвета, несут в себе обычно отрицательные коннотации. Семантическое поле эмоций также не становится исключением. Практически

во всех случаях прилагательное *niīlaa*, служащее в хинди для обозначения «синего» употребляется вместо «черного» - *kaalaa*.

Во работах по семантике санскритских названий цветов (*niīlaa* – скр. заимствование) ведутся споры о значении прилагательного *niīlaa*. Однозначно истолковать значение слова на материале древних текстов сложно. *niīlaa* переводится как «темно-синий», «темно-зеленый», «темно-коричневый», «черный». Согласно некоторым предположениям это прилагательное описывает темный оттенок любого цвета, этим можно объяснить замену *niīlaa* на *kaalaa* практически во всех примерах.

- (4) *unheⁿ pahsaanna mere lie bhii bahut muSkil thaa. pati kii mrityu ke baad un kaa sehraa niīlaa/*
 ee uznať menya dlya dazhe ochen' slozno bylo. muzha smerti posle ee liĉo siniiy/
kaalaa paR gayaa.
 черн^{ый} падат^ь пошл^о (Comp.Perf)

Узнать ее даже мне было сложно. После смерти мужа, ее лицо посинело от горя.

- (5) *daadaa jii kaa sehraa kroddh se kaalaa thaa, aankhon men camak thii aur aavaaz gaRgaRahat*
 деда лиĉо гнева от черное было (Past) глазах в блеск был и голос грома
kii tarah thii:
 образ был:
 “*tum ko yah karne ki himmat kaise huii?!*”
 тебе это сделать мужество как случилось.

Лицо деда было черным от гнева, глаза блестели, а голос был похож на гром: «Как ты посмел это сделать?!»

Отрицательные эмоции могут описывать и эквиваленты хинди прилагательного «желтый». Интересна, например, ассоциация желтого цвета с расстроенным состоянием.

- (6) *pariikSaa men jab vah fail ho gayaa to us kaa sehraa piīlaa paR gayaa.*
 Экзамене на когда он провал случился то его лиĉо желтое падат^ь
 пошл^о (Comp.Perf).

Когда он провалился на экзамене, он расстроился.

«Пожелтеть» человек может также от стыда и испуга.

Положительные эмоции описывает зеленый цвет, в общем имплицитный коннотации свежести, обновления, процветания.

- (7) Us se aary-bhaaSii sammelan ke vises adhivSan kaa ud-ghaaTan

Ему арийских языков конференции специального заседания открытие karne ke lie praarthnaa kii gayii.

сделать для просьба сделана была.

is se us kii jii harii ho uThii.

От этого его душа зеленая становится поднялась. (Comp.Perf).

Его попросили совершить торжественное открытие конференции по арийским языкам, что его порадовало (букв. «сделало его зеленым»).

Оставшийся красный цвет сочетает в себе функции указания как на приятные, так и на неприятные ощущения.

Ср:

- (8) yah daaRim ke phuul kaa это граната цветков цвет есть
 ga^g hai граната плод созрев
 daaRim ke phal-saa pakkar лопается чье сознание
 phuuT rahaa hai jiskaa man это той женщины радостного сознания
 yah us strii ke prasann man kaa ga^g hai цвет есть

Это – цвет цветков граната,

Души счастливицы,

Что раскрывается,

Как его зрелый плод.

Цикл стихотворений о цветах Эканта Шривастава – Rang: Che Kavitaen – Lal.

Интересным представляется тот факт, в хинди закрепляется внешнее выражение негативных эмоций, наиболее вероятным при этом будет употребление прилагательных, описывающие такого рода состояния (черные, белый, желтый, синий, красный) с существительным лицо или при метонимическом употреблении с личными местоимениями. В противовес этому положительные эмоции как бы «прячутся» внутри, при этом «покраснеть» и «позеленеть» от радости/ воодушевления/ удовольствия могут сознание (man), сердце (dil) или душа (jii, jan). Таким образом, сема цвета явно ослаблена во втором случае. Вместе с тем, стоит усомниться и в том, что употребление эквивалентов «желтый», «синий», «черный», «белый» обусловлено внешним свидетельством физиологических процессов (кровь отливает от лица). Очевидно, сема цвета ослаблена во всех примерах употребления.

Таковыми примерами, например, могут служить многочисленные выражения с прилагательным «красный»: laal aankhen karnaа – («делать красные глаза») и laal angaaraа honaa («быть красным угольком») употребляются в значении «злиться».

- (9) jyotiSii jii kii baat sunkar mahaaraaj ko baRaa gussaa
 aaуaa. ve

Астролога речь услышав махарадже гнев пришел.
он красные-красные глаза сделав его в сторону смотреть начал.

laal-laal aaⁿkheⁿ karke un kii taraf dekhne lage.

Услышав слова астролога, Махараджа пришел в ярость. Сверкнув глазами (досл. «сделав красные глаза»), он посмотрел в его сторону.

Остальные прилагательные цвета (серый, розовый, оранжевый, коричневый) не употребляются в выражениях, кот. описывают эмоции. Они, однако, обнаруживают обширный ряд переносных значений, что для русского не характерно. Исключение представляет коричневый цвет, прилагательные которого не способны употребляться в переносном значении в хинди.

Хотелось бы также отметить, что в ходе работы неоднократно было отмечено единовременное использование пар цветообозначений, которое влечет за собой изменение значения выражения.

(10) mujh par phir se niilaa-piilaa hone kii zaruurat nahiiⁿ haai,
tum

меня на снова синим-желтым быть необходимости нет, ты goz
naaraaz ho jaate ho! каждый день обиженным становишься

Не обязательно опять обижаться на меня, ты каждый день на меня сердисься!

Таким образом, из 11 базовых цветообозначений 10 терминов способны образовывать переносные значений, и лишь 5 из них сопряжены с описанием эмоциональных состояний. При этом черный, белый, синий и желтый цвета описывают исключительно негативные эмоции, зеленый обнаруживает лишь употребления в положительном значении, а красный обнаруживает амбивалентность употребления. Можно также предположить, что употребление прилагательных «белый» и «черный» является более частотным при описании более длительных, более сильных эмоций и чувств(страх, злость, стыд)², желтый – кратковременных (раздражение, обида, испуг). Прилагательные со значением «синий» являются возможной заменой «черного» практически во всех контекстах, относящихся к описанию эмоций.

2. Черный цвет обнаруживает коннотации сильной степени проявления признака, в том числе вне семантического поля эмоций (syāh-mast - мертвецки пьяный). Белый же, вероятно воспринимается как нечто абсолютное, полное.

БИБЛИОГРАФИЯ

- DICTIONARY OF HINDI IDIOMS, 1984. Revised edition.
- MANAK HINDI KOSH. Ed. by R. Varma, Benares, Hindi Sahitya Sammelan Prayog. Ed. by K. Prasad, R. Sahay, M. Shrivastav (1984): Brihat Hindi Kosh. Gyanmandal limited, Benares.
- BERLIN, BRENT AND KAY, PAUL (1969): «Basic Color Terms: Their Universality and Evolution». Berkley: University of California Press.
- FILLIOZAT J. (1957): «Classement des couleurs et des lumières en Sanscrit. – Problèmes de la couleur// Laghu Prabahdah. Choix d'articles d' indologie». Ed by I. Meyerson. Paris. – pp. 303-308.
- KAPP DIETER В (1999): "Farbnamen im Hindi." Zeitschrift der Deutschen Morgenlaändischen Gesellschaft 149. - pp. 271–288.
- БЕСКРОВНЫЙ В.М. (1972): Хинди-русский словарь, Советская энциклопедия, Москва.
- НОРМАНСКАЯ Ю.В.: (2007) «Цветобозначения в санскрите // Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ /» Отв. ред. А.П. Василевич, КомКнига, Москва.
- ДЖАЙН Р.А. (2010): «Колористическая лексика в современном японском языке. Проблемы сочетаемости» МГУ, Москва.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
ГРАНИЦ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ
(НА ПРИМЕРЕ ПРИЗНАКОВ ‘ТОЛСТЫЙ’ И ‘ТОНКИЙ’)

М.В. КЮСЕВА, Д.А. РЫЖОВА, Л.С. ХОЛКИНА

В настоящей работе обсуждается относительно молодая – фреймовая – методика лексико-типологического исследования, которую разработала и использует Московская лексико-типологическая группа под руководством Е.В. Рахилиной (MLexT). В рамках этого подхода уже выполнено несколько крупных проектов, ср. Майсак, Рахилина (ред.) 2007, Брицын и др. (ред.) 2009, Круглякова 2010, Reznikova et al. 2012 и др. и ведется работа по описанию признаковой лексики, по которой был сделан целый ряд докладов на различных российских и международных конференциях (ср. Архангельский и др. 2011, Тагабилева, Холкина 2010, Кюсева, Рыжова 2010, Кюсева и др. 2012 и др.). Таким образом, на настоящий момент уже собрано достаточно материала, чтобы, с одной стороны, убедиться, что методы работают, а с другой – чтобы столкнуться с некоторыми теоретическими проблемами, нуждающимися в разрешении.

В данной работе нас будет интересовать проблема, которая возникает в процессе анализа практически любой семантической зоны в любом языке: определение границ исследуемого поля. В качестве основной иллюстрации мы будем использовать поля признаков ‘толстый’ и ‘тонкий’ в русском, английском, французском, китайском и хантыйском языках.

Суть подхода MLexT состоит в подробном описании отдельных лексическо-семантических зон на достаточно представительных языковых выборках. Главный принцип, на котором строятся исследования, восходит к идеям Московской семантической школы (см. прежде всего Апресян 1974) о том, что семантические свойства лексики любого языка проявляются в «языковом поведении» лексем, то есть могут быть обнаружены через различия в сочетаемости.

Так, например, русскому прилагательному *острый* в языке коми соответствуют два разных слова *ёсь* и *лэчюд*, которые используются для описания колющих и режущих предметов соответственно (ср. *лэчюд пурт* – ‘острый нож’, *ёсь пу* – ‘острая палка’). Разница в сочетаемости позволяет выделить семантический признак, настолько значимый для изучаемого поля, что в некотором языке (в данном случае, в коми) ситуации, различающиеся по этому признаку, описываются разными словами. Такие признаки мы называем параметрами, релевантными для данного поля значений. В данном случае релевантный для поля ‘острый’ параметр – различие объектов, являющихся носителями этого признака, по топологическому классу, ср. ‘острый край (=линия)’ vs. ‘острый кончик (=точка)’¹.

На основе таких параметров строится семантическая карта рассматриваемой области. Семантическое картирование в лексической типологии – явление достаточно новое. Оно следует традициям, заложенным в области типологии грамматических значений (подробнее об этом см. Татевосов 2002). Так, к методу составления семантической карты, вслед за Ж.Лазаром (Lazard 1981), прибегали при типологических исследованиях условных конструкций (Traugott 1985), эвиденциальности (Anderson 1986), неопределенных местоимений (Haspelmath 1993/1997), датива (Haspelmath 1999) и других категорий. В классическом понимании карта представляет собой геометрическое представление значений/функций, выражаемых данной категорией, при котором концептуально более близкие значения находятся рядом, а более далекие – на некотором расстоянии. При этом работает принцип смежности: «любые два значения на семантической карте кодируются одним и тем же средством тогда и только тогда, когда это же средство кодирует все значения, расположенные между ними» (Татевосов 2002:33). Таким образом, на семантической карте отражается информация как о том, какие значения могут объединяться в рамках одного формального средства выражения, так и о том, какие значения, вероятнее всего, не могут быть объединены.

В наших исследованиях этим методом удобно пользоваться при изучении организации прямых значений лексем². При сохранении общего принципа построения карты, функции/значения заменяются фреймами – ситуациями, которые отличаются друг от друга по тому или иному релевантному параметру, и, следовательно, чаще всего противопоставляются лексическими средствами в языках мира. Те из них, которые тяготеют к выражению в одной лексеме, расположены на карте близко друг к другу, другие же находятся на более значительном расстоянии.

1. Подробнее о понятии топологического типа объекта см. Talmy 2000

2. Здесь важно подчеркнуть, что и вообще проблема определения границ поля касается прямых, физических значений. Из этого не следует, что переносные значения мы совсем исключаем из рассмотрения: изучение семантических сдвигов – это особый аспект, который требует отдельного обсуждения и в рамках настоящей работы рассматриваться не будет.

Однако прежде, чем приступить к построению семантической карты, необходимо определить, какие фреймы относятся к данному семантическому полю, а какие лежат за его пределами. Тем самым, вопрос о том, какие фреймы мы считаем относящимися к изучаемому полю, а какие нет, достаточно принципиальный и на него необходимо уметь отвечать, если мы претендуем на тот уровень точности и сопоставимости результатов, который достигается в исследованиях по типологии грамматики.

Общее правило заключается в том, что все фреймы прямых значений, покрываемые словами, которые относятся к изучаемой понятийной области, должны быть включены в рассмотрение.

Часто поле оказывается более широким, чем предполагается носителем русского языка. Один из самых ярких примеров такого необычного русскому уху расширения семантической области – признаки ‘толстый’ и ‘тонкий’. Приведем список параметров, выделяющих фреймы, которые, по нашему мнению, должны быть включены в структуру поля. Подобно признакам ‘острый’ и ‘тупой’, ‘толстый’ и ‘тонкий’ чувствительны к топологическому типу объекта. Так, данные китайского, французского, хантыйского языков демонстрируют, что вытянутые и плоские предметы описываются разными лексемами. Иными словами, ‘слои’, ‘книги’, ‘одеяла’ сочетаются с одним прилагательным, а ‘канаты’, ‘ветки’, ‘пальцы’ – с другим. В китайском языке первый тип объектов описывается словами 粗 *cū* и 細 *xì* (‘толстый’ и ‘тонкий’ соответственно), а второй - 厚 *hòu* и 薄 *báo*, ср: 粗铁丝 *cū tiěsī* ‘толстая проволока’, 细棍子 *xì gùnzi* ‘тонкая палка’, 厚木板 *hòu mùbǎn* ‘толстая доска’, 薄纸 *báo zhǐ* ‘тонкая бумага’.

Второй основополагающий для этого поля параметр - различие между людьми и неодушевленными объектами. Тот факт, что толщина людей часто описывается отдельными лексемами, представляется абсолютно естественным и вытекающим из свойства антропоцентричности языка (подробнее об этом см., например, Рахилина 2000). Действительно, даже в русском языке используется много прилагательных, которые либо изначально предназначены для описания людей, либо попали в эту зону из других полей (ср. *худой, тощий, стройный, исхудалый* vs. *жирный, тучный, пышный, полный, крупный, тучный*). Такое обилие лексики для передачи, казалось бы, одного и того же свойства связано с тем, что при описании толщины людей начинают играть роль дополнительные параметры:

- оценка: *стройный* оценивается положительно, *тощий* – скорее, отрицательно;
- пол: *пышный* используют, в основном, для описания женщин;
- причина отклонения от нормы: *исхудалый* – человек, который похудел от болезни/недоедания и др. (см. НОСС 2003).

Однако в русском языке основные прилагательные поля, тем не менее, могут описывать и человека. В хантыйском и китайском языках это не так.

Например, в последнем для характеристики человека используются лексемы 胖 *pàng* и 瘦 *shòu* (胖孩子 *pàng hái zi* ‘толстый ребенок’ vs. 瘦姑娘 *shòu gū niang* ‘худая девушка’). Это дает нам основание для признания разделения по признаку ‘люди’ - ‘не-люди’ полноправным параметром.

Третье противопоставление, релевантное для рассматриваемой признаковой области – различие между вытянутыми «объемными» (канаты, ветки, палки) и вытянутыми «плоскими» объектами (лента, тропа, полоса). В русском языке вторая ситуация описывается лексемами *узкий* и *широкий*. В хантыйском же в зоне маленького размера происходит слияние двух фреймов – оба характеризуются одним прилагательным – *vas*’ (*vas*’ *ket* - ‘тонкая веревка’, *vas*’ *juoš* – ‘узкая дорога’). Никакого другого признакового слова для передачи смысла ‘узкий’ в хантыйском языке нет, а значит, этот фрейм должен быть включен в нашу структуру.

Еще более неожиданное расширение полей ‘толстый’/‘тонкий’ – добавление в них фрейма ‘консистенция’, который может быть выражен параметром ‘один объект’ vs. ‘много однородных объектов’. Соответственно, во второй тип входят предметы в твердом (лес, волосы), жидком (грязь, каша) и газообразном состояниях (туман, дым). В русском языке консистенция передается словами *густой* – *жидкий/редкий*. Наивному носителю связь этого фрейма с нашим полем кажется, по меньшей мере, неочевидной. Действительно, в чем схожесть толстой книги и, скажем, густой каши? Однако даже в русском языке есть примеры, показывающие, что связь между этими характеристиками есть – ведь толстый слой масла часто описывают именно с помощью лексемы *густой*, ср:

- Он намазал кусок белого хлеба толстым слоем масла. [Евгений Попов. Признания флейтиста (1970-2000)]
- На булки с густым слоем масла я зарабатывал тогда ремеслом «практикующего юриста», то есть частного детектива. [Валериан Скворцов. Каникулы вне закона (2001)]

Неслучайность этой связи в полной мере проявляется на материале французского языка, где основное прилагательное со значением ‘густой’ – *épais* – является также основным и наиболее естественным в контексте имен, обозначающих плоские предметы (слой, книга, одеяло): *d’épais sourcils* ‘густые брови’ vs. *une épaisse tranche de pain* ‘толстый ломоть хлеба’

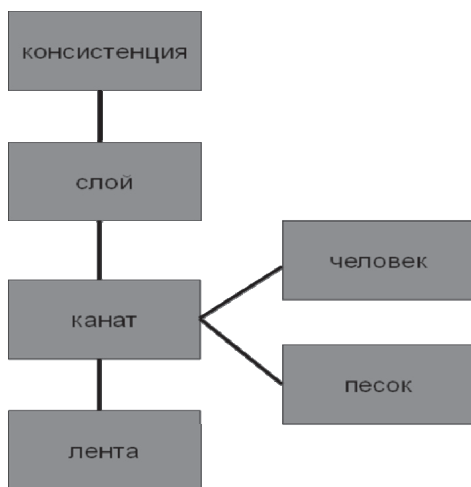
Безусловно, это значение лежит на периферии рассматриваемых полей, однако данные французского языка³ свидетельствуют в пользу того, что оно должно быть в них представлено.

Наконец, последний фрейм, который на данном этапе исследования включается нами в структуру признаковой области ‘толстый’ и ‘тонкий’ – это мелкий/

3. Объединение этих фреймов в рамках одного поля наблюдается и в английском, и в хантыйском языках, однако в этих случаях оно выражается менее ярко.

крупный размер однородных объектов (мелкий/крупный песок, сахар, крупа). Его добавление в наше поле вполне оправдано логически. Действительно, если мы вспомним первый параметр ‘плоские vs. вытянутые объекты’, то обнаружим, что у плоских объектов размер по двум измерениям большой, а по третьему – маленький; у вытянутых объектов размер большой только по одному измерению и маленький по двум другим; наконец, у крупных/мелких однородных веществ размер маленький по всем трем измерениям. Если в русском языке существуют отдельные прилагательные для описания третьего топологического типа предметов, то в китайском их нет, для этого используются основные признаковые слова со значением ‘тонкий’ - ‘толстый’ (粗沙子 *cū shāzi* ‘крупный песок’).

Итак, результирующая семантическая карта поля выглядит следующим образом:

Фреймы ‘канат’, ‘человек’, ‘слой’, ‘лента’ мы считаем центральными, фреймы ‘консистенция’ и ‘песок’ – периферийными. Важно отметить, что этот вариант карты не окончательный. Возможно, по мере исследования новых языков, фреймы будут добавляться, но мы ожидаем, что новые фреймы будут попадать в зону периферийных.

Как и в семантических картах грамматической типологии, в нашей карте действует принцип смежности: два несмежных фрейма могут покрываться одной лексемой только в том случае, если она

описывает и все фреймы между ними. Так, мы не ожидаем появления прилагательного, которое бы описывало толстые/тонкие слои и узкие/широкие ленты, но не покрывало бы фрейм ‘канат’.

Итак, как видно из структуры поля, оно шире, чем можно было бы предположить изначально. Однако на практике же такое «расширение» не всегда кажется приемлемым и оправданным, поэтому иногда мы устанавливаем границы поля искусственным путём. Примером может послужить поле глаголов плавания (Рахилина, Майсак 2007), в которое было решено не включать фрейм перемещения масс жидкости, несмотря на то, что в некоторых языках он выражается тем же словом, что и ‘плавание по течению’ (ср., например, хакасский глагол *агарга*, объединяющий значения ‘течь (о жидкости)’ и ‘плыть (по течению)’).

В проекте по изучению глаголов вращения из рассмотрения были исключены каузативы (ср. *закручивать*, *вворачивать*), несмотря на то, что они тоже

маркируются глаголами, относящимися к зонам, которые считаются для этой области базовыми.

Эти ограничения совершенно оправданы и даже необходимы с точки зрения сопоставимости результатов. Действительно, перемещение воды – действие, отличное от плавания, принципиально другой тип субъекта выводит этот фрейм за границы поля. Каузативы и вовсе меняют валентную структуру ситуации, привнося дополнительного участника.

Однако если при исследовании глагольной лексики можно наложить формальные ограничения на валентную структуру и тип субъекта, адъективная лексика такой возможности не предоставляет. Ведь большинство прилагательных являются одновалентными, что исключает критерий модели управления. Ограничивать тип субъекта ситуации также кажется неоправданным, ведь именно он и является основным ориентиром при изучении признаков слов (ср. ‘тонкий слой’ и ‘тонкий канат’: основные фреймы поля противопоставлены как раз по типу субъекта ситуации). Поэтому в этой зоне лексической типологии наиболее часто встречаются случаи, когда определить границы поля становится затруднительно.

Так, до конца не решен вопрос, стоит ли в поле ‘острый’ включать фрейм ‘колючая борода, кактус, одеяло’. Ведь, с одной стороны, в некоторых языках эти типы субъектов описываются лексемой со значением ‘острый’ (ср. в сербском *oštra čekinja* – ‘колючая (букв. «острая») шерсть’), однако, с другой, интуитивно более естественной точки зрения, этот фрейм не должен входить в поле функционального признака, хоть он и является близким к рассматриваемой понятийной области. Случай еще более интуитивно неприемлемого пересечения полей – связь признака ‘острый’ с понятием скорости. Так, основным прилагательным для описания острого ножа в китайском языке является прилагательное со значением «быстрый» (ср. 刀快 *dāo kuài* ‘нож острый’ vs. 动作快 *dòngzuò kuài* ‘движения быстрые’).

Аналогичным образом, неочевидно, насколько обоснованно включение в семантическое поле размеров ‘толстый’/‘тонкий’ фреймов консистенции (‘густой’/‘жидкий’) и размера однородных объектов (‘крупный’/‘мелкий’). Конечно, относительную близость этих фреймов мы можем так или иначе объяснить (см. выше), но объединение их в рамках одного семантического поля скорее противоречит исследовательской интуиции.

В качестве решения проблемы можно предложить ряд критериев, позволяющих с большей или меньшей степенью уверенности относить фреймы к тому или иному семантическому полю. Например, в качестве «диагностики» можно использовать данные языков с так называемыми «бедными системами»: если в некотором языке L данное поле покрывается только одним прилагательным с широким спектром значений (в то время как в большинстве языков из выборки эта зона обслуживается, по крайней мере, тремя-четырьмя лексемами), то можно автоматически включать фреймы, попавшие в сферу его действия, в состав исследуемого поля.

Ещё один критерий может формулироваться так: если некоторая лексема в языке L покрывает центральный фрейм семантического поля Q (т.е. фрейм, определяющий данное поле и составляющий его ядро в абсолютном большинстве языков в выборке; ср. 'толстый слой' для поля 'толстый') и в то же время покрывает некоторый другой фрейм, не имеющий в языке L других способов выражения, этот фрейм также автоматически должен быть присоединён к рассматриваемому полю (ср. французское прилагательное *épais*, являющееся основным средством описания как фрейма 'толстый слой', так и фрейма 'густой туман').

Такие критерии кажутся довольно эффективными. Однако возможен и ещё один взгляд на проблему определения границ семантического поля (по крайней мере, в признаковой лексике): если провести границу между фреймами естественным образом не удаётся, можно не проводить её совсем, а вместо этого, напротив, объединить зоны, оказавшиеся смежными, и рассмотреть их в качестве единого «макрополя». Для этого общего поля можно построить свою семантическую карту и выявить более общие ограничения. Так, например, в единой семантической карте признаков со значением размера с гораздо большей вероятностью окажутся смежными признаки 'тонкий/толстый' и 'мелкий/крупный', чем 'тонкий/толстый' и 'короткий/длинный'. На наш взгляд, такой подход не только не будет противоречить исследовательской интуиции, но и позволит семантической типологии признаковой лексики сделать шаг вперёд, в сторону обобщения полученного (на данный момент уже довольно обширного) материала.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АПРЕСЯН Ю.Д. (1974): Лексическая семантика: синонимические средства языка. М.: Наука.
- АРХАНГЕЛЬСКИЙ Т.А., ТАГАБИЛЕВА М.Г., ХОЛКИНА Л.С. (2011): Качественные признаки 'чистый', 'грязный', 'прозрачный', 'мутный': к построению семантической типологии. // Материалы Восьмой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб.: Изд-во «Наука». (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Д. В. Герасимов.Т. VII. Ч. 3)
- БРИЦЫН, В.М.; РАХИЛИНА, Е.В.; РЕЗНИКОВА, Т.И.; ЯВОРСКАЯ, Г.М. (ред.) (2009): Концепт БОЛЬ в типологическом освещении. Киев: Видавничий Дім Дмитра Бураго
- КРУГЛЯКОВА В.А. (2010): Семантика глаголов вращения в типологической перспективе. Дисс...канд. филол. наук. М.: РГГУ
- КЮСЕВА М.В., РЫЖОВА Д.А.. (2010): Признаковая лексика: прилагательные 'острый' и 'тупой' в типологической перспективе. // Материалы Седьмой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей.

- СПб.: Изд-во «Наука», 2010. (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. редактор Н. Н. Казанский. Т. VI. Ч. 3).
- КЮСЕВА М.В., РЫЖОВА Д.А., ХОЛКИНА Л.С. (2012): Прилагательные *легкий* и *тяжелый* в типологической перспективе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции Диалог 2012 (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012). Выпуск 11 (18): в 2 т. Т.1: Основная программа конференции. – М.: Изд-во РГГУ, 2012. Стр. 247 - 255
- МАЙСАК Т.А., РАХИЛИНА Е.В. (2007): (ред.) Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: "Индрик.
- НОСС Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, под ред. Ю.Д. Апресяна. М: Школа "ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ", - 2003
- ТАГАБИЛЕВА М.Г., ХОЛКИНА Л.С. (2010): Качественные признаки 'пустой' и 'полный' в типологическом освещении. // Материалы Седьмой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб.: Изд-во «Наука». (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. редактор Н. Н. Казанский. Т. VI. Ч. 3).
- ТАТЕВОСОВ С.Г. (2002): Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.
- ANDERSON L.D. (1986): Evidentials, path of change and mental maps: typologically regular asymmetries. In Chafe W. and Nichols J. (eds.) Evidentiality: The linguistic coding of epistemology. Norwood: Ablex.
- HASPELMATH M. (1993): A typological study of indefinite pronouns. Ph.D. dissertation, Freie Universität, Berlin.
- HASPELMATH M. (1997). Indefinite pronouns. Oxford: Clarendon Press.
- Haspelmath M. (1999). External possession in a European areal perspective. In Payne D. and Barshi I. (eds.) External possession. Amsterdam: John Benjamins.
- Lazard G. 1981. La quete des universaux semantique en linguistique. Le Bulletin du groupe de recherches semio-linguistiques 19.
- REZNIKOVA, T.; RAKHILINA, E.; BONCH-OSMOLOVSKAYA, A. 2012. Towards a typology of pain predicates // Linguistics. Volume 50, Issue 3, pp. 421–465.
- TALMY L. (2000): How language structures space // Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Vol. I. Cambridge, 2000.
- TRAUGOTT E.C. (1985). Conditional markers. In: Haiman, J (ed.) Iconicity in syntax. Amsterdam: John Benjamins.

ДИАЛИНГВАЛЬНЫЙ И ДИАКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО ПЛАНА ТЕКСТА И ДИСКУРСА

Д.Д. ШАЙБАКОВА

Переход от системно-структурного рассмотрения лексики к дискурсивному – это переключение с семантики на смысл. Но для исследователя единственным материалом являются конкретные единицы языка, формирующие речь. В любом случае мы представляем коммуникацию как порождение текста/дискурса из тех кирпичиков, которые дает нам язык. К этому прибавляем правила ситуативного общения, выработанные определенной культурой. В постижении смысла идем последовательно от нормы – языковой, речевой, ситуативно-прагматической, от известного признания трех сторон языкового знака – семантики, синтактики, прагматики. Такая общая структурированная схема представления семантики и смысла может быть весьма эффективна в учебном процессе. Носителям языка она дает возможность понять оттенки смысла, возможности манипулирования им. При освоении неродного языка, т.е. в ситуации языковых контактов, позволяет сравнить способы категоризации, оценки в родном и неродном языках. Часто языковой контакт рассматривают как влияние одного языка на другой и говорят об интерференции в речи на одном из контактирующих языков. Но взаимодействие языков – это взаимонаправленный процесс, и исследователь может предсказать лексическую интерференцию в речи на каждом из контактирующих языков, что важно для практики обучения языкам. Понять межъязыковые и межкультурные соответствия поможет диалингвальный и диакультурный анализ. Это четырехступенчатая исследовательская процедура, цель которой – определить различия (несовпадения) в семантической и смысловой структуре знака (см.: Карлинский 2007: 225-237).

На первом этапе, этапе знакомства с языковой нормой, из словарей выписываем базовые значения слов. Для установления парадигматических значений слова удобно пользоваться матрицей, в которой указываются

словарные значения. Затем каждый элемент отобранных тематических групп подвергается диалингвальному анализу (см.: Карлинский 2007). Необходимо:

- описать в одинаковых терминах лексические единицы контактирующих языков;
- сопоставить полученные данные;
- определить поле потенциальной интерференции;
- произвести экспериментальную проверку полученных результатов

Чтобы определить возможные ошибки при недостаточно хорошем владении вторым языком (Я2), исследователь должен сопоставить состав семем слов обоих языков. Совпадение значений слов обоих языков облегчает их усвоение. Несовпадающие семемы составляют поле потенциальной интерференции. Для примера возьмем лексемы русского и казахского языков (см. таблицу 1). Таким образом можно предсказать ошибки в русской речи казаха. Возможны сочетания: *тяжелый человек* в значении *уравновешенный*; *тяжелая женщина* в значении *беременная женщина*; *тяжелые слова* в значении *обидные слова*. Соответственно в казахской речи русского можно предсказать интерференцию *ауыр климат* – “тяжелый климат” вм. “суровый климат” и т.п.

Заключительная стадия – проверка полученных данных. Наблюдалось употребление лексемы *тяжелый* в речи 25 информантов при переводе казахских сочетаний *қатты ауру* (*тяжелая болезнь*), *шатақ мінез* (*тяжелый характер*). Фактическая интерференция выявила процент неправильных переводов: в первом случае – 48, во втором – 92 (Копыленко 1987: 49-50).

В таблице 2 даны примеры из русского и английского языков. Можно предположить интерференцию в русской речи англичанина (американца): (2) лицо здания, (3) лицо земли, лицо монеты; (4) лицо часов; (7) лицо собаки и т.д. Потенциальная интерференция в английской речи русского - (5) *juridical face* – юридическое лицо.

Так по единому образцу описывается семная структура слов. Межъязыковые соответствия устанавливаются по основной семеме, которая определяется путем изолированного представления данной лексемы информантом. Таким информантом может быть и сам исследователь. Примеров можно приводить множество, я показываю лишь модель.

Рассмотренный этап анализа – это этап парадигматики, т.е. выбора слова, значения из потенциально возможного. Но реальное значение появляется, как известно, в употреблении. Еще А.А.Потебня указывал на то, что всякое употребление слова есть новое слово. Второй этап – анализ синтагматики. Она (как линейные отношения), конечно, уже предстает и при анализе первого. Язык дает модели сочетаемости, речь эти модели корректирует, приспособливает к пониманию. В речи выступает и коннотативное значение, обусловленное контекстом, сочетаемостью. Здесь кристаллизуются речевые нормы. Например, словарь дает синонимы *экспорт* и *вывоз*. Мы можем сказать *экспорт товара*, *вывоз товара*, адекватно передавая содержание, но

есть только *вывоз мусора*, не *экспорт мусора*. Выбор определения в данном случае обусловлен не ситуацией, а объемом семантики слов. Эти объемы не совпадают в подавляющем большинстве случаев. Я попросила немецкого студента выразить просьбу – попросить книгу. Он сформулировал ее так: *Ты можешь мне арендовать книгу?* Прагматический ли это дефект? Вероятно, это незнание сочетаемости, синтагматики, речевой нормы. Ср.: *аккуратный человек и чистоплотный человек, но только аккуратный почерк; узкая женщина* – словосочетание в речи американского студента.

Выявление синтагматической интерференции также происходит поэтапно. Необходимо:

1. Выписать основные типы сочетаний с рассматриваемыми лексемами.
2. Проверить эквивалентность сочетаний в двух (и более) языках (по словарям). Ср. глагол *пить* в трех языках:
 рус. *пить воду, лекарство, чай*;
 каз. *işu – су (вода), сорпа (бульон), тамак (еда)*;
 англ. *drink water, milk, air (жадно глотать воздух)*.
3. Установить бинарные отношения и выявить потенциальную интерференцию при помощи текстуального перевода и затем пословного:
To find a common language – найти общий язык – отсутствие интерференции
A drop in the ocean – капля в море - a drop in the sea – возможность интерференции.
4. С помощью информантов представить случаи реальной интерференции. Основное упражнение – перевод словосочетаний различного типа с родного языка (Я1) на иностранный (Я2). Например: работать как лошадь – *to work like a horse*, убить двух зайцев – *to kill two birds with one stone*, сводить концы с концами – *to make both ends meet*, ломать себе голову – *to rack one's brain*.

В таблице 3 представлены примеры синтагматики лексем трех языков. Несовпадение сочетаемости лексем позволяет предсказать потенциальную интерференцию: возможна интерференция в русской речи казаха – *пить суп, хлеб*, в русской речи американца – *пить воздух*.

Третий этап – усвоение коммуникативно-прагматической нормы посредством диакультурного анализа. Данная норма реализуется в выборе единиц в зависимости от ситуации общения. Она связана не только с традициями сочетаемости единиц языка, но и с нормами культуры и социума. Здесь включается множество экстралингвистических факторов, которые не всегда известны и понятны даже носителю языка и культуры. Принцип опоры на родной язык и культуру, использование метода контрастивного анализа способствует лучшему пониманию различий. На этом этапе мы переходим от значения к смыслу, от структурной единицы к концепту. Определяя отличие смысла от значения, сошлемся на авторитетное мнение В.И.Карасика: значение – это закрепленное в содержании языкового знака коллективное символическое

освоение того или иного фрагмента действительности, а смысл – это выделение лично-значимых и ситуативно-актуальных характеристик окружающего мира (Карасик 2010: 5). И в плане содержания предстают не только логическая составляющая (понятие), вербальный знак – его материальная форма и значение, но и смыслы, порождаемые ассоциативной памятью, культурными, религиозными, социальными предписаниями или ограничениями и т.п. К форме и значению здесь добавляется оценочность, очень важная сейчас не только в плане перлокуции, но и в плане политкорректности, толерантности. В целом понимание содержания – это путь от семантических инвариантов к прагматическим вариантам.

Наиболее трудны для понимания прагматика эмоциональной оценки, качественная семантика, образность, символика. Здесь также возможно построение матрицы. Рассмотрим несколько примеров. В контрастивной фразеологии может быть сопоставление культурно специфичных объектов сравнений, образов, эмоциональной лексики. Так, в таблице 4 даны примеры устойчивых сочетаний лексем со значением эмоциональной реакции. Подобным же образом можно в простой по исполнению таблице представить оценочное отношение, например к животным, в разных лингвокультурах. Матрица сопоставления лингвокультурем применима и во многих других случаях. Так сравниваются особенности этикета, например, «разрешенные» и «запрещенные» темы «дежурных разговоров», оценочность невербальных знаков, символы разных культур, отношение к цвету, цветам, числам и прочее. Подобная информация важна для предотвращения коммуникативных неудач. Диакультурный анализ применим для рассмотрения смешанного кода. В таблице 5 представлены параметры описания русскоязычного общения в инокультурной среде.

Таким образом, диалингвальный и диакультурный анализ помогают выявить лакуны в каждом из контактирующих языков и при общении избегать многих языковых, речевых, коммуникативно-прагматических ошибок. Представление единиц анализа в матрице облегчает поиск потенциальной интерференции, позволяет избежать некорректных, коммуникативно-ущербных высказываний. Это лаконичный способ представления сравнения при знакомстве с нормами коммуникации в практике преподавания языков.

Таблицы к тексту

Таблица 1 Семемы русского слова в сравнении с казахским

Язык	Лексема	Семема										
		имеющий большой вес	требующий большого труда	грузный	напряженный	суровый	опасный	неприятный	мощный	уравновешенный	беременная женщина	обида
		11	22	33	44	55	66	77	88	99	110	111
русс.	тяжелый	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-
каз.	ауыр	+	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+

Таблица 2 Семемы русского слова в сравнении с английским

Язык	Лексема	Семема							
		передняя часть головы	главная сторона предмета	поверхность	циферблат	юридическое лицо	наружная передняя сторона	морда животного	выражение лица
		1	2	3	4	5	6	7	8
англ.	face	+	+	+	+	-	+	+	+
русс.	лицо	+	-	-	-	+	+	-	+

Таблица 3 Синтагматика лексем

Язык	Лексема	Семантика объекта		Специфические словосочетания
		жидкость	не жидкость	
русс.	пить	воду, чай, молоко		
каз.	ішу	су, шай, сүт	тамақ (еда)	тамақ ішу - есть
англ.	drink	water, tea, milk	air	drink air – жадно глотать воздух

Таблица 4 Эмоциональная реакция

Язык	Негативная реакция		Позитивная реакция
Русс.	Зеленеть от злости	Нос задрать	Быть на седьмом небе (от радости)
Каз.	Қөк беттену – посинеть от злости	Мұрнын көкке көтерді - поднять нос до небес	-
Англ.	Green with envy – зеленеть от зависти	With one's nose in the air – смотреть на других свысока	To be in seventh heaven

*В казахском *қөк* – *зеленый, синий*.

**В мусульманской лингвокультуре выражение *Быть на седьмом небе от радости* некорректно. Седьмое небо – это уровень Аллаха.

Таблица 5. Смешанный культурный код

Вербальный код	Предметный код	Акциальный код
здравствуй (русс.)		казахское рукопожатие
спасибо (русс.)		молельный жест казахов (руки, подносимые к лицу)
болды (каз.)	перевернутая пиала (при чаепитии)	молельный жест казахов (руки, подносимые к лицу)
суйюнши (каз.)	предмет, деньги, преподносимые в качестве подарка	объятия, рукопожатие

*Вербальный код – речевые формулы, реальный код – предметы, акциальный код – жесты, действия.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ИСЛАМ, А. (2003): Язык в контексте национальной культуры. Алматы-Астана.
 КАРАСИК В.И. (2010): Языковая кристаллизация смысла. Издательство «Гнозис». Москва

- КАРЛИНСКИЙ А.Е. (2007): “Диалингвальный анализ и его применение в обучении второму языку”. В кн.: Карлинский А.Е. “Избранные труды по теории языка и лингводидактике”. Алматы.
- КОПЫЛЕНКО М.М. (1987): “Лексическая интерференция”. В кн.: “Лексическая и морфологическая интерференция в русской речи казахов”. Алма-Ата:Наука
- ШАЙБАКОВА Д.Д. (2005): “Функционирование русского языка в Казахстане: вчера, сегодня, завтра”. Алматы.
- BLOUNT B. *Anthropological linguistics // Culture and Language Use*. Ed. By Gunter Senft, Jan-Ola OSTMAN, JEF VERSCHUEREN. (2009): Volume 2. John Benjamins Publishing Company.

CONTENIDO

(resúmenes)

INTRODUCCIÓN.

О МОСКОВСКОЙ ЛЕКСИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУППЕ (MLEXT)

Е.В. Рахилина

CAPÍTULO I.

LA SEMÁNTICA DE LOS VERBOS QUE EXPRESAN “ROTACIÓN”

LA TIPOLOGÍA LÉXICA Y LA SEMÁNTICA DE LOS VERBOS
QUE EXPRESAN “ROTACIÓN”

Rafael Guzmán Tirado

rguzman@ugr.es

Universidad de Granada

En el trabajo se presenta el proyecto de comparación de la semántica de los verbos que describen el movimiento en una trayectoria circular en español y ruso. Estos verbos son un objeto muy apropiado para las investigaciones léxico- tipológicas, debido al hecho de que son específicos, describen fenómenos físicos bastante simples, presentes en los idiomas de las distintas áreas y no dependen de la identidad cultural de un pueblo.

В данной работе представлен опыт сопоставления семантики глаголов, описывающих движение по круговой траектории в испанском и русском языках. Глаголы вращения являются удобным объектом лексико-типологического исследования в связи с тем, что они конкретны, описывают достаточно простые физические явления, присутствуют в языках различных ареалов и не зависят от культурной специфики того или иного народа.

Clave palabras: сопоставление, семантика глаголов, глаголы вращения, лексико-типологическое исследование.

МЕСТО ХИНДИ В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ДИХОТОМИИ
«ГЛАГОЛЬНЫЕ – САТЕЛЛИТНЫЕ» ЯЗЫКИ

Л.В. Хохлова

khokhl@iaas.msu.ru

Московский государственный университет (МГУ)

The paper is aimed at determining the position of Hindi in L.Talmy's typological dichotomy verb framed vs. satellite framed languages. The following main features of motion event description in Hindi will be discussed below: 1) the usage of manner verbs in telic path phrases, especially in phrases describing boundary crossing; 2) lexical resources; 3) salience of manner of movement; 4) the way of describing "complex path".

В статье делается попытка определить место хинди в предложенной Л. Талми типологической дихотомии «вербальные – сателлитные языки». Рассматриваются основные характеристики «вербальной» и «сателлитной» моделей лексикализации: 1) возможность/невозможность употребления глаголов способа действия в конструкциях, выражающих предельный процесс, в особенности в конструкциях, описывающих пересечение границы; 2) лексическое богатство той или иной семантической зоны; 3) отнесение способа движения к фоновой или специально выделенной информации; 4) возможность/невозможность выражения сложных маршрутов при одном глаголе движения.

Ключевые слова: глаголы движения, вербальные языки, сателлитные языки, глаголы способа действия в конструкциях с предельным предикатом, описание «сложной» траектории.

ГЛАГОЛЫ ВРАЩЕНИЯ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ:
ДИАХРОНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

В.А. Круглякова

v.kruglyakova@gmail.com

Российский Государственный Гуманитарный Университет (РГГУ)

La ponencia presenta una investigación semántica del grupo de verbos con el significado de rotación en español desde el punto de vista de su desarrollo histórico, se analizan los cambios claves en el significado de cada verbo a lo largo de los siglos a partir de los verbos correspondientes de latín.

В докладе предлагаются результаты исследования лексического поля глаголов вращения в испанском языке с точки зрения его исторического становления, представляются ключевые изменения в значении составляющих его элементов, вплоть до восхождения к соответствующему полю латинского языка.

Ключевые слова: лексико-семантическая типология, историческое развитие.

О НЕКОТОРЫХ ПАРАМЕТРАХ ГЛАГОЛОВ ВРАЩЕНИЯ В
ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

К.А. Сванидзе

ksvanidze@mail.ru

Батумский государственный университет Шота Руставели

Статья посвящается некоторым параметрам грузинских глаголов с семантикой вращения, каковыми являются скорость движения при вращении, возвратность (обратное направление) вращения и субъектно-объектной градации вращения.

The article is devoted to some parameters of Georgian verbs with semantics rotation - speed of rotation, reflexivity (reverse) rotation, as well as the subject-object gradation of rotation.

Ключевые слова: глаголы вращения; параметры вращения; скорость движения, возвратность вращения, субъект и объект вращения.

ГЛАГОЛЫ ВРАЩЕНИЯ КАК ОДНА ИЗ ВАЖНЫХ ПОДГРУПП ГЛАГОЛОВ
ДВИЖЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

И.А. Вотякова

irinavot@ugr.es

Гранадский Университет, Удмуртский государственный университет

В данной работе рассмотрены глаголы вращения с точки зрения особенностей обучения их употребления в рамках русского языка как иностранного. Особое внимание уделяется словообразовательному анализу специфики данной группы глаголов движения, в частности выделяются факторы, играющие значимую роль при образовании глагольных производных вращения.

Ключевые слова: глаголы вращения, русский язык как иностранный, словообразование

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕНОСЫ ГЛАГОЛОВ ВРАЩЕНИЯ

В.А. Круглякова

v.kruglyakova@gmail.com

Российский Государственный Гуманитарный Университет (РГГУ)

El artículo presenta los resultados de una investigación dedicada a los cambios semánticos de un restringido grupo léxico, los verbos con el significado de “rotación”, en varias lenguas que dan muestras de los cambios más significativos con vistas a la universalidad.

В данной статье предлагаются результаты, отражающие опыт изучения семантических переносов компактной лексической группы глаголов вращения на материале нескольких языков, которые отражают самые значимые сдвиги, претендующие на универсальность.

Ключевые слова: лексико-семантическая типология, семантические переносы.

CAPÍTULO II TIPOLOGÍA LÉXICA Y TRADUCCIÓN

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВОССОЗДАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ МЕТАФОР В ПЕРЕВОДЕ

Л.Ю. Мирзоева

mirzoeva@list.ru

Университет им. Сулеймана Демиреля, Алматы, Казахстан

The report deals with the main peculiarities of metaphors containing evaluative meanings, and problems of their translation from Russian into English. The typological approach is considered to be a productive way in order to settle the problem, and different types of metaphors and metaphorical equivalence are described here from the point of view of translation and theory of evaluation.

Ключевые слова: метафора, оценочность, эмотивность, перевод, типология.

ПАРОНОМАЗИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПЕРЕДАЧИ В КНИГЕ «ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ»

Е.Ш. Наврозашвили

ekaterinenavrozashvili@gmail.com

Тбилисский Государственный Университет им. Ив. Джавахишвили

Н.Г. Гонджилашвили

nanagonjilashvili@yahoo.com

Тбилисский Государственный Университет им. Ив. Джавахишвили

In Georgian translations of the text “The Songs of Songs”) paronomasia is represented with four structural models. 1. Basic construction in which the structure of the original is preserved: 2. Paronomasia in which despite the use of the words root, the formula: initial form+ personal verb is preserved: 3. Triple construction in which personal verb has two initial forms: 4. Personal form of the verb in which paronomasia utterance in Georgian translation is compared with one verb form.

В современных грузинских переводах книги «Песнь Песней» паронимазия представлена четырьмя структурными моделями: 1. Корневой конструкцией, в которой сохранена структура оригинала; 2. Паронимазией, в которой несмотря на использование слов с различной основой, сохранена формула: начальная форма + личный глагол; 3. Трехчленной конструкцией, в которой личный глагол сопровождается двумя инфинитивами; 4. Личной формой глагола, когда паронимическое выражение в грузинском переводе соотнесено с одной формой глагола.

Ключевые слова: религиозная литература; перевод.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ КОРПУСА В СОСТАВЕ НАЦИОНАЛЬНОГО
КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНСТРУМЕНТ
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ¹

Д.В. Сичинава

mitrius@gmail.com

Институт русского языка РАН

The paper deals with some examples of using the parallel corpora within the Russian National Corpus for the cross-linguistic analysis of grammar and lexicon in translated texts.

В статье приводятся примеры применения параллельных корпусов Национального корпуса русского языка для решения задач сопоставления грамматики и лексики в переводных текстах.

Ключевые слова: параллельный корпус, лексическая типология, грамматическая типология, перевод, корпусная лингвистика, corpus paralelo, tipología léxica, tipología gramática, traducción, lingüística de corpus.

К ВОПРОСУ О СТИЛИСТИЧЕСКИХ ДЕФЕКТАХ ПЕРЕВОДА
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Ю.Г. Смирнова

dorter2012@gmail.com

Алматинский университет энергетики и связи

Classification of frequent stylistic mistakes made by students in the process of scientific and technical texts translation is given in the article. Stylistic mistakes are treated here due to teaching Russian as a foreign language.

В статье дана классификация распространенных стилистических ошибок научно-технического перевода, допускаемых студентами в процессе изучения русского языка как иностранного.

Ключевые слова: научно-технический перевод; культура речи.

1. Статья подготовлена при поддержке программы Президиума РАН № 36-П «Корпусная лингвистика» и гранта РФФИ № 12-06-33038 "Контрастивные корпусные исследования русских и французских глагольных категорий в поливариантных параллельных текстах"

CAPÍTULO III. TIPOLOGÍA LÉXICA Y DIDÁCTICA

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКОЙ (В ОБУЧЕНИИ ЧТЕНИЮ БИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)

Ж.В. Проконина

veraprok@rambler.ru

Белорусский государственный университет (БГУ)

The object of the research is biographical text, which plays not only a role of educational text, but also as a means of learning foreign culture (Russian, Belorussian, global).

Объектом исследования является биографический текст, который выступает не только как учебный текст, но и как средство постижения иноязычной культуры (русской, белорусской, мировой).

Ключевые слова: лексические единицы с национально-культурной семантикой, биографический текст.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ОПИСАНИЯ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В МЕТОДИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

Г.В. Вариченко

vargalina@mail.ru

Белорусский государственный университет (БГУ)

The novelty of this article constitutes the research of the presentation of Belarusian artifacts in the language learned and their influence on the motivation of learning.

В данной статье рассматриваются вопросы отбора и презентации белорусских социокультурных единиц. Предлагаемая методика отбора и презентации социокультурных единиц обеспечивает более глубокое усвоение русского языка иностранными учащимися.

Ключевые слова: социокультурные единицы, белорусский социокультурный компонент.

CORPUS-BASED DATA-DRIVEN EXERCISES FOR EXPLORING GRAMMAR THROUGH AUTHENTIC TEXTS

N. Godinho Soares Vieira

nataligsv@gmail.com

NOVA University of Lisbon (UNL)

This paper provides an overview of some theoretical and practical issues related to data-driven learning and proposes series of corpus-based data-driven exercises that help to put English and Russian grammar into action through authentic texts samples retrieved from online corpora, such as the British National Corpus and the Russian National Corpus.

В статье проводится обзор некоторых теоретических и практических вопросов, связанных с обучением иностранных языков на основе поиска информации в базах данных электронных корпусов и предлагается ряд упражнений, которые позволяют наглядно объяснить грамматику английского и русского языков посредством аутентичных примеров из различного рода текстов, извлеченных из некоторых онлайн корпусов, таких, как Британский Национальный Корпус и Национальный Корпус Русского Языка.

Key words: corpora, corpus-based data-driven exercises, grammar, authentic samples.
Ключевые слова: корпуса, упражнения, основанные на корпусе, аутентичские примеры.

CAPÍTULO IV: LA SEMANTICA DE LOS ADJETIVOS

RELATIVITY IN LEXICAL SEMANTICS

N. Gronskaya

ngronskaya@hse.ru

National Research University "Higher School of Economics"

The paper deals with comparative analysis of two groups of polysemantic words in Russian and in English proving the idea of relativity of the structural scheme of the polysemantic word. The specificity of the lingual unit is always relative and depends on the background against which the comparison is performed.

В статье излагаются результаты компаративного анализа двух групп многозначных прилагательных в русском и английском языках, подтверждающего идею относительности структурной схемы многозначного слова. Специфичность полисеманта всегда относительна и зависит от структуры коррелята, с которым проводится сопоставление.

Key words: lexical semantics, polysemy, semantic structure, relativity.

Ключевые слова: лексическая семантика, полисемия, семантическая структура, релятивность.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ОПИСЫВАЮЩИЕ СВОЙСТВА ПОВЕРХНОСТЕЙ: К ПОСТРОЕНИЮ ТИПОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ НАЛИЧИЯ НЕРОВНОСТЕЙ В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ)²

Е.В. Кашкин

egorka1988@gmail.com

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

This article deals with the semantics of adjectives denoting roughness on a surface in the Uralic languages. The research is carried out within the framework of lexical typology.

2. Исследование выполнено при поддержке РФНФ, грант № 12-04-18024е.

Semantic distinctions between the direct uses are analyzed, as well as polysemy patterns typical of the domain in question.

В статье в рамках направления «Лексическая типология» рассматривается семантика прилагательных наличия неровностей на поверхности объекта в уральских языках. Анализируются семантические противопоставления в зоне прямых употреблений, а также модели полисемии обсуждаемых лексем.

Ключевые слова: семантика, лексическая типология, признаковая лексика, свойства поверхностей, уральские языки.

АТРИБУТИВЫ КАК ИСТОЧНИК ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ:
‘ПРЯМОЙ’ И ‘РОВНЫЙ’ В РУССКОМ, НЕМЕЦКОМ И ФИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Е.С. Лучина, Т.И. Резникова, И.А. Стенин

luchina-lena@yandex.ru, tanja.reznikova@gmail.com, ystein88@gmail.com

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Всероссийский институт научной и технической информации (ВИНИТИ) РАН,
Институт языкознания РАН*

В настоящем исследовании особенности диахронических процессов в атрибутивах анализируются на примере лексем со значением ‘прямой’ и ‘ровный’. Материалом для нашей работы послужили данные русского, немецкого и финского языков. Общая тенденция развития интересующих нас лексем связана с их превращением в частицы. В работе показано, что обращение к источнику грамматического значения позволяет чётко очертить пространство семантических возможностей, открытых для единиц заданного класса, и тем самым построить системные, сопоставимые друг с другом описания частиц в каждом конкретном языке.

Ключевые слова: прилагательные, дискурсивные слова, частицы, грамматикализация, типология.

ДВА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ОСТРЫЙ»
В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

А.С. Панина

panina-anna@yandex.ru

Институт востоковедения РАН

Of the two adjectives of sharpness in modern Japanese, *surudo* ‘sharp’ and *togatta* ‘pointed’, *surudo* conceptualizes sharpness as a property of an instrument from the point of view of the user, i.e. the ability to make impact quickly and with little effort. Consequently *surudo* develops metaphoric senses of quickness, intensity and efficiency, and some of its usages carry positive connotations. On the other hand, *togatta* describes non-functional pointed shape, passive but potentially dangerous. Both its metaphorical senses, ‘irritating’ and ‘angry’, inherit the idea of ‘traumatic contact’ and mostly negative connotations.

Из двух японских прилагательных остроты, *surudoī *"острый" и *togatta*"остроконечный", первое представляет остроту как свойство инструмента с точки зрения пользователя: способность к быстрому, интенсивному воздействию при малом усилии. Соответственно, *surudoī *развивает значения быстроты, интенсивности и эффективности, нередко с положительной оценкой. Напротив, *togatta*описывает нефункциональную, но травмоопасную форму предмета. Метафора травмирующего контакта присутствует и в переносных значениях "вызывающий раздражение" и "раздраженный", а коннотации в основном негативны.

Ключевые слова: японский язык; прилагательные; острый.

CAPÍTULO V. TERMINOLOGÍA Y TIPOLOGÍA LÉXICA

MARITIME TERMINOLOGY AND TYPOLOGICAL PARALLELS: CLASSIFICATION OF LEXEMES ACCORDING TO 'THE GEORGIAN DICTIONARY'
BY SULKHAN-SABA ORBELIANI

Irine Chachanidze
ir.chachanidze@hotmail.com
Akaki Tsereteli State University

В данной статье рассматривается пути происхождения и развития мореходство в Грузии. Развитию мореходства способствовало то, что античная Колхида располагала большим количеством портов, о чём свидетельствует широкое развитие внешней торговли, которая, в основном, осуществлялась морским путём. В работе главное внимание уделено лексикографическому описанию судоходных терминов и соответственно, усановлена классификация лексем по толковому словарю великого грузинского прсветителя, дипломата и лексикографа Сулхан – Саба Орбелиани (1658 – 1725). В статье проанализирована богатая и многообразная терминология, значительная часть которой грузинского происхождения. *Ключевые слова: мореходство, терминология, Сулхан – Саба Орбелиани.*

ВЛИЯНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ЛОГИСТИКИ НА
НЕМЕЦКОЯЗЫЧНУЮ: ЗАИМСТВОВАНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
МОДЕЛЕЙ И ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Ю.Э. Дорохова
jdorokhova@hse.ru

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

The report is considering loan words in logistics terminology of German. The peculiarity is seen in a large amount of loan words from English. The loan words come into German along with logistics technologies from the USA, they retain their meaning but

assimilate to German grammar (gender and plural of nouns) and partially to orthography (upper case).

Ключевые слова: терминология логистики, заимствования, калькирование, ассимиляция.

LEXICALIZACIÓN DIFERENTE DE LOS MISMOS CONCEPTOS ESPECIALIZADOS EN RUSO Y ESPAÑOL

Olga Koreneva

okoreneva@ugr.es

Departamento de Traducción e Interpretación / Universidad de Granada

Las distintas lenguas reflejan en su léxico diferentes perspectivas de la percepción y la comprensión (conceptualización) de los mismos conceptos (Wierzbicka 1997). Pero mientras que existen muchos estudios del lenguaje general, al lenguaje especializado (la terminología) no se le ha prestado mucha atención. Los términos codifican y transmiten el conocimiento especializado (CE). La lexicalización diferente de los mismos conceptos especializados en distintas lenguas plantea un problema para los traductores y terminólogos, crea lagunas terminológicas y entorpece la comunicación especializada. La nueva orientación lingüístico-cognitiva en Terminología - Terminología Basada en Marcos (TBM) (Faber et al. 2005, 2006; Faber 2011) - ofrece una metodología de organización del CE subyacente a los términos que ayuda a detectar y resolver los problemas terminológicos a nivel multilingüe.

El presente estudio de la terminología ruso-española³ se basa en los postulados de la TBM que propone recurrir a la Lingüística de Corpus para estudiar los términos en su contexto. El CE será extraído de la terminología mediante el análisis léxico de los términos. Gracias a la estructuración de los conceptos en unidades cognitivas supralingüísticas (marcos) se determina su posición en los sistemas conceptuales reflejados en cada lengua. Esto ayuda a establecer la equivalencia interlingüística de los términos y a detectar y solventar las lagunas terminológicas a nivel multilingüe para la eficaz transmisión y representación del CE.

Palabras clave: terminología, conceptualización, lexicalización de conceptos especializados, estructuración del conocimiento, vacíos terminológicos.

Ключевые слова: Терминоведение, концептуализация, лексикализация научных понятий, структурирование знаний, терминологические лакуны.

3. Esta investigación ha sido realizada en el marco del proyecto RECORD: Representación del Conocimiento en Redes Dinámicas [FFI2011-22397] financiado por el Ministerio de Ciencia e Innovación.

ХРИСТИАНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ АРЕАЛОВ
SLAVIA ORTHODOXA И SLAVIA LATINA: НЕКОТОРЫЕ ПРИЧИНЫ РАЗЛИЧИЙ

С.А. Никифорова

snikif@seznam.cz

Университет Масарика г. Брно

The article presents the causes of the structural and semantic differences Christian terminological units in Russian and Czech. Lexemes originally date back to the Old Slavonic terminological tradition. But today, they are structurally and semantically relate to different fragments of religious world view on the actual linguistic and extralinguistic reasons.

В статье рассматриваются причины структурных и семантических расхождений терминологических единиц области христианства в близкородственных русском и чешском языках. Изначально восходящие к старославянской терминологической традиции, структурно и семантически близкие лексемы соотносятся с разными фрагментами религиозного мировоззрения в силу как собственно лингвистических, так и экстралингвистических факторов.

Ключевые слова: христианство, терминология, русский и чешский языки.

CAPÍTULO VI.
MODELOS DE CONCEPTUALIZACIÓN LINGÜÍSTICA

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И СМЕЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

А.Д. Шмелев

shmelev.alexei@gmail.com

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

The paper discusses the relationship between the semantic typology and cultural typology. It draws distinction between the disciplines that study this relationship and claims that a thorough semantic analysis is an essential prerequisite for any research in the area.

Ключевые слова: языковая картина мира, культура, перевод.

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ МЕМА «ДЖЕНТЛЬМЕН» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ
ЯЗЫКАХ КАК ПРИМЕР КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ**

Н.С. Аристова

Natalie_aristova@mail.ru

*Казанский национальный исследовательский технический университет
им.А.Н. Туполева*

The article considers verbalization means of the meme “gentleman” in the English and Russian languages as a dynamic unit of linguistic-cultural analysis. It presents a diachronic

comparison of the components of its semantic fields clarifying the mechanisms of cross-cultural interaction of units belonging to these unrelated languages.

В статье рассматриваются средства вербализации мема «джентльмен» в английском и русском языках, как динамической единицы лингвокультурологического анализа; проводится диахроническое сопоставление компонентов его семантических полей, уточняются механизмы кросс-культурного взаимодействия единиц данных неродственных языков.

Ключевые слова: мем, джентльмен, кросс-культурное взаимодействие.

КОНЦЕПТ «ЯЗЫК» В РУССКИХ И ГРУЗИНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ
(ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА)

Н.Г. Бобохидзе, Р.С. Сагинадзе

nb999@list.ru, r_saginadze@yahoo.com

Государственный университет им. Ак.Церетели

In the article “Concept “language” (“tongue”) in Georgian and Russian phraseology (translating difficulties)” is presented the problem of the idiomatic constructions translation. It is given with the examples from Georgian and Russian languages using the concept “language” (or “tongue”).

The most interesting and useful is a compartment of the languages from the different “families”.

The similarities as well as the differences give us a chance to learn more about these languages and cultures development. And although some meanings of the phrases can be the same never be the same their internal extend. This is the most important problem in the translating works.

В статье «Концепт язык» в русских и грузинских фразеологизмах (проблемы перевода) даются практические примеры трудностей при переводе фразеологических конструкций с грузинского на русский язык. Такого рода сравнительная характеристика интересна тем, что берутся языки, относящиеся к различным языковым семьям – нахождение общего между ними повышает эффективность их усвоения.

Как общие, так и отличительные особенности данных языков дают нам возможность больше узнать о природе их развития, о том культурном пути, который они проходили. И хотя перевод многих фраз может совпадать, никогда не совпадет их внутренний приращенный смысл.

Ключевые слова: концепт «язык», проблема перевода фразеологизмов, русские фразеологизмы, грузинские фразеологизмы.

МОДЕЛИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОТОТИПА В
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Н.В. Габдреева

n.gabdreeva@mail.ru

*Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н.
Туполева-КАИ*

This article focuses on the reception of foreign language prototype model of genetically related languages (Russian, Polish, Ukrainian) in diachronic perspective. Analyzes the linguistic changes that can be traced to the structure and semantics of interlanguage correlates that accompany the process of borrowing and assimilation.

В данной статье рассматриваются модели рецепции иноязычного прототипа генетически родственными языками (русским, польским, украинским) в диахроническом аспекте. Анализируются лингвистические изменения, которые прослеживаются в структуре и семантике межязыковых коррелятов, сопутствующие процессу заимствования и ассимиляции.

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ В ПЕРЕВОДАХ
А.ЧЕХОВА НА ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ КОНЦЕПТА «ТОСКА»)

Л.В. Соколова

Гранадский Университет

The article concentrates on the national concept *toska* in prosaic texts of A.Chejov in the process of translation in Spanish. Linguistic analysis of dominant concepts helps to determine its hidden semantics.

В докладе рассматриваются способы передачи национально-маркированного концепта «тоска» в переводах Чехова на испанский язык, анализируются различные коннотации данного концепта в структуре художественного текста и способы передачи этих коннотаций на испанский язык.

Ключевые слова: концепт, языковая картина мира, эмоция тоски, проза Чехова
Key words: concept "toska", interpretation, prose of Chejov.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ
ЛЕКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

Н.Д. Каджая

nadejdakajaia@mail.ru,

Государственный университет А. Церетели (ГУАЦ)

С.А. Муджири

s_mudshiri@yahoo.com

Государственный университет И. Джавахишвили (ГУИДЖ)

Research problem is not only display of an author's plan which is shown in sense of the text, as an author's idea, but also studying of language person of the writer, large-scale and impressionable, her lexical filling by Russian and lexemes foreign (including West European). The ethnic moment is projected on the text of work of the writer, as result of speech activity. In this case us interests not only the in itself art text, but also the lines of ethnoculture expressed through lexical filling shown in it. The Caucasian subject made the most direct impact on an ethnic perspective: intense interaction of the nature, human souls and the world of ethnic laws arises in quite concrete household situations, K. Paustovsky's memories of stay in Georgia.

Задачей исследования является не только раскрытие авторского замысла, который проявляется в смысле текста, как авторской задумки, но и изучение ЯЛ писателя, масштабной и впечатлительной, её лексического наполнения русскими и иноязычными лексемами (в том числе и западноевропейскими). Этнический момент проецируется на текст произведения писателя, как результат речевой деятельности. В данном случае нас интересует не только сам по себе художественный текст, но и проявленные в нём черты этнокультуры, выраженные через лексическое наполнение. Кавказская тема оказала самое непосредственное влияние на этническую проблематику: напряженное взаимодействие природы, человеческих душ и мира этнических законов возникает во вполне конкретных бытовых ситуациях, воспоминаниях К. Паустовского о пребывании в Грузии.

Ключевые слова: языковая личность; текст; лексическое наполнение.

THE EMERGENCE OF SATELLITE-FRAMED PATTERNS IN ROMANCE
LANGUAGES: A TYPOLOGICAL CHALLENGE?

M. Martínez Vázquez

mmarvaz@upo.es

Universidad Pablo de Olavide (España)

Talmy's typology of motion expressions (Talmy 1985, 2000) has been maintained with minor refinements during the last decades. Verb-framed (VF) languages encode path in the verb and tend to leave manner unexpressed. Satellite-framed (SF) languages encode path in a satellite and manner in the verb. Recent studies show a growing number of naturally occurring examples of SF patterns in VF languages, and vice versa. This evidence forces

a revision of the typology: languages within one of the typologies may show a mixed behavior, allowing both VF and SF patterns. In this paper I analyze corpus examples of SF patterns in Spanish and attempt an explanation for the emergence of these lexicalization patterns that fall outside the typology.

Plabaras clave. movimiento, tipología, Talmy, español.

МЕТАФОРА В НОМИНАЦИИ ЛИЦА ПО ПРИЗНАКУ ВОЗРАСТА
В ИСПАНСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

И.Ю. Проценко

protsent2002@mail.ru

Донецкий национальный университет (ДонНУ)

De los modos semánticos de la formación de los sustantivos que nombran a la persona atendiendo a la edad el más popular es la metáfora que se base en las realidades de la flora y fauna (zoo-biorealidades) y las realidades de la vida cotidiana (realidades socio-vitales) de los pueblos. En la reapreciación metafórica de los objetos que participan en el modo de la formación semántica de las palabras se revela la individualidad de cada idioma. El fundamento de este proceso es «metáfora básica» en la que se base el cuadro lingüístico del mundo.

Наиболее распространенным семантическим способом словообразования имен существительных, называющих человека по признаку возраста в испанском и украинском языках, является метафора, которая базируется на зоо-био- и социально-бытовых реалиях. В метафорическом переосмыслении объектов, которые участвуют в семантическом словообразовании, проявляется индивидуальность каждого языка. Основой этого процесса является «базисная метафора», являющаяся фундаментом национальной картины мира.

Ключевые слова: зоо-биометафора, социально-бытовая метафора, национальная картина мира.

РЕДУПЛИКАЦИЯ, КАК ОДНА ИНТЕРЕСНАЯ ОБЛАСТЬ
ЛЕКСИКОТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ГРУЗИНСКОГО ЯЗЫКА)

И.Т. Саникидзе, Т.Т. Шарабидзе

ingasani@yahoo.com, shagno12@mail.ru

Тбилисский Государственный Университет им. Ив. Джавахишвили

In Georgian language the reduplication by its form can be less assessed as purely grammatical category; it's rather a phenomenon considered on lexical level. It'll be better to allocate it among the semantic categories; However it found its own verbal icon and this, in sounds' duplicated data is realized through transfer of simple root (sound)

into complex root. Thus, a lexical image modified into a language, in its turn frequently forms a binary opposition, one member of which expresses non-intensive sound, a neutral content at some extent, and the other – expresses the intensity of this sound and on the lexical level creates a marked reduplicated root. From typological point of view the fact is interesting that a semantic confrontation of an aspect of Slavonic languages reveals a resemblance to semantic part of a morphological category of Georgian language.

В грузинском языке редупликация по своей форме может быть менее оценена, как чисто грамматическая категория, она, скорее, явление, рассматриваемое на лексическом уровне. Будет лучше, если мы поставим её в ряд семантических категорий; Хотя, она действительно тоже нашла собственную словесную икону и это, в дуплетных данных звуков осуществляется переносом простого корня (звука) в сложный корень. Таким образом, лексический образ превращенное в язык, со своей стороны часто образует бинарную оппозицию один член которой передаёт неинтенсивный звук, до некоторой степени нейтральное содержание, а другой – изображает интенсивность этого звука и на лексическом уровне создаёт маркированный редулицированный корень. С типологической точки зрения интересным является тот факт, что семантическое сопоставление вида славянских языков проявляет сходство с семантической частью морфологической категории вида грузинского языка.

Ключевые слова: редупликация; звукоподражающие слова; грузинский язык.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЕМКОСТЬ КОНСТРУКЦИЙ, ВЫРАЖАЮЩИХ КАТЕГОРИЮ СОСТОЯНИЯ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Д.С. Шмарев

shmarev1984@hotmail.com

Университет Овьедо (Испания)

En el presente artículo se examina la diversidad semántica de las construcciones que expresan la categoría de estado en español, en relación con su campo semántico.

В настоящей статье рассматривается смысловое разнообразие конструкций, выражающих категорию состояния в испанском языке, в зависимости от их семантического поля.

Palabras clave: categoría de estado, campo semántico, carga semántica.

Ключевые слова: категория состояния, семантическая поле, смысловая нагрузка.

ЛЕКСИКА ПАРЕМИЙНЫХ ТРАНСФОРМ КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ
АКТУАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ СИНХРОНИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Т. Шутковски

tszutkowski1@wp.pl

Щецинский университет, Польша

This paper contains an issue of new lexis functioning in Russian paremiological transformations. A general use of computer technology, technical devices and economical terms is reflected in lexical resources of contemporary language. In Anti-proverbs is seen a phenomenon of decreasing language norm.

Ключевые слова: паремийные трансформы, лексика, синхроническая динамика.

МОДЕЛЬ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ, ИСПАНСКОЙ И
ИТАЛЬЯНСКОЙ КАРТИНАХ МИРА

Е.Ю. Булыгина, Т.А. Трипольская

bulyginalena2010@mail.ru, tr_tatiana@mail.ru

Новосибирский государственный педагогический университет (НГПУ)

The article is a part of a comparative research "Language of the urban space: vocabulary, map, text." The work is based on Russian, Italian, French and Spanish. The names of urban areas are characterized by ethnic and cultural component in the lexical meaning. To compare the spatial patterns of fragments of the world picture we elected city loci, on the one hand, common to all European cultures, on the other hand, having a bright national identity, "dominant point" of the city (boulevards, quays, squares and courtyards). Relying on the lexical system of the language an invariant spatial scheme of a town square is modeled, which is embodied in a number of variants of urban areas, different in size, shape, location, purpose and belonging to a specific city.

Ключевые слова: пространственная картина мира, сопоставительная лексикология.

CAPÍTULO VII ¿TIPOLOGÍA SEMÁNTICA O TIPOLOGÍA LÉXICA?

ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКИХ И ТАТАРСКИХ ПАРАМЕТРИЧЕСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В АСПЕКТЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

В.Г. Фатхутдинова

favenera@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет

En la ponencia se presentan los resultados del analisis comparative del potencial derivacional de los adjetivos parametricos de las lenguas rusa y tartara. Los rasgos comunes y diferentes de las palabras derivadas se investigan en el area de tipologia semantica.

В докладе представлены результаты сопоставительного анализа деривационного потенциала параметрических прилагательных русского и татарского языков. Сходства и различия в составе производных слов рассмотрены в аспекте семантической типологии.

Ключевые слова: параметрические прилагательные, словообразовательное гнездо, дериват, семантическая типология.

СЕМАНТИКА ЦВЕТОВЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ ХИНДИ В РАКУРСЕ РАССМОТРЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА.

К.С. Галиченко

kseniagalichenko@gmail.com

Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова (МГУ)

The research is determined to the analysis of transferred meanings of color terms which are used to describe the emotional state of a person. Most color terms refer to negative emotions of varying degree, others describe positive emotions. Some colors can also detect opposite meanings. The existence of several terms referring to a particular color in Hindi, implies difficulties into the progress of the study.

Исследование посвящено анализу переносных единиц цветообозначения, используемых для описания эмоционального состояния человека. Большинство цветowych терминов употребляется для указания на отрицательные эмоции разной силы, другие описывают позитивные эмоции или обнаруживают способность употребления в противоположных значениях. Наличие в хинди нескольких терминов, указывающих на один цвет, затрудняет ход исследования.

Ключевые слова: цветообозначения, прилагательные, эмоции.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ
СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ
(НА ПРИМЕРЕ ПРИЗНАКОВ 'ТОЛСТЫЙ' И 'ТОНКИЙ')

М.В. Кюсева, Д.А. Рыжова, Л.С. Холкина
pegas@nm.ru, daria.ryzhova@mail.ru, kholkina@gmail.com
МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

This paper discusses the problem of defining the borders of the semantic fields in qualitative lexicon. We suggest that a situation should be included into the investigated semantic field if in some language this situation can only be described with the use of some word which definitely belongs to the investigated semantic field. The possibility of constructing macro-semantic fields is also discussed.

В данной работе обсуждается проблема определения границ семантического поля в признаковой лексике. В качестве критерия для включения некоторого фрейма в рассматриваемое семантическое поле предлагается возможность употребления в нем лексемы, описывающей центральные фреймы рассматриваемого поля, при отсутствии другого способа его описания. В работе также рассматривается возможность построения макрополей.

Ключевые слова: лексическая типология, границы семантического поля, признаковая лексика, толстый, тонкий.

Key words: lexical typology, borders of the semantic fields, qualities, thick, thin.

ДИАЛИНГВАЛЬНЫЙ И ДИАКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО
ПЛАНА ТЕКСТА И ДИСКУРСА

Д.Д. Шайбакова
damina.Shaibakova@slavistik.uni-giessen.de
Justus –Liebig Universität, Giessen, Germany

The report is considering the opportunities of dialingual and diacultural analysis in representation semantic structure of the words. This method helps to predict a possible interference on foreign language speech. Lexical meanings and senses are analyzed according to three kinds of the communicative norm: the language, speech and pragmatic.

В докладе рассматриваются возможности диалингвального и диакультурного анализа в представлении семантической структуры лексем и сочетаний лексем. Этот метод помогает предсказать возможную интерференцию в речи на иностранном языке и понять различия в выражении значения и смысла в обоих контактирующих языках. Лексические значения и смыслы проанализированы в соответствии с тремя типами коммуникативной нормы: языковой, речевой и прагматической.

Ключевые слова: коммуникативная норма, диалингвальный и диакультурный анализ

ÍNDICE

PRÓLOGO	7
<i>Rafael Guzmán Tirado</i>	

INTRODUCCIÓN

О МОСКОВСКОЙ ЛЕКСИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУППЕ (MLEXT)	9
<i>Е.В. Рахилина,</i>	

CAPÍTULO I.

LA TIPOGRAFÍA LÉXICA Y LA LA SEMÁNTICA DE LOS VERBOS QUE EXPRESAN “ROTACIÓN”

LA TIPOLOGÍA LÉXICA Y LA SEMÁNTICA DE LOS VERBOS QUE EXPRESAN “ROTACIÓN”	19
<i>Rafael Guzmán Tirado</i>	

МЕСТО ХИНДИ В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ДИХОТОМИИ «ГЛАГОЛЬНЫЕ – САТЕЛЛИТНЫЕ» ЯЗЫКИ	25
<i>Л.В. Хохлова</i>	

ГЛАГОЛЫ ВРАЩЕНИЯ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ: ДИАХРОНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ	31
<i>В.А. Круглякова</i>	

О НЕКОТОРЫХ ПАРАМЕТРАХ ГЛАГОЛОВ ВРАЩЕНИЯ В ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ	39
<i>К.А. Сванидзе</i>	

ГЛАГОЛЫ ВРАЩЕНИЯ КАК ОДНА ИЗ ВАЖНЫХ ПОДГРУПП ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	45
<i>И.А. Вотякова</i>	
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕНОСЫ ГЛАГОЛОВ ВРАЩЕНИЯ	53
<i>В.А. Круглякова</i>	

CAPÍTULO II. TIPOLOGÍA LÉXICA Y TRADUCCIÓN

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВОССОЗДАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ МЕТАФОР В ПЕРЕВОДЕ	63
<i>Л.Ю. Мирзоева</i>	
ПАРОНОМАЗИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПЕРЕДАЧИ В КНИГЕ «ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ»	71
<i>Е.Ш. Наврозашвили, Н.Г. Гонджилашвили</i>	
ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ КОРПУСА В СОСТАВЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНСТРУМЕНТ ЛЕКСИКО- ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ	77
<i>Д.В. Сичинава</i>	
К ВОПРОСУ О СТИЛИСТИЧЕСКИХ ДЕФЕКТАХ ПЕРЕВОДА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА	83
<i>Ю.Г. Смирнова</i>	

CAPÍTULO III. TIPOLOGÍA LÉXICA Y DIDÁCTICA

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКОЙ (В ОБУЧЕНИИ ЧТЕНИЮ БИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)	91
<i>Ж.В. Прокопина</i>	
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ОПИСАНИЯ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В МЕТОДИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ	97
<i>Г.В. Вариченко</i>	

ÍNDICE	293
--------	-----

CORPUS-BASED DATA-DRIVEN EXERCISES FOR EXPLORING GRAMMAR THROUGH AUTHENTIC TEXTS	101
<i>N. Godinho Soares Vieira</i>	

**CAPITULO IV.
LA SEMÁNTICA DE LOS ADJETIVOS**

RELATIVITY IN LEXICAL SEMANTICS	109
<i>N. Gronskaia</i>	

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ОПИСЫВАЮЩИЕ СВОЙСТВА ПОВЕРХНОСТЕЙ: К ПОСТРОЕНИЮ ТИПОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ НАЛИЧИЯ НЕРОВНОСТЕЙ В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ)	115
<i>Е.В. Кашкин</i>	

АТРИБУТИВЫ КАК ИСТОЧНИК ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ: ‘ПРЯМОЙ’ И ‘РОВНЫЙ’ В РУССКОМ, НЕМЕЦКОМ И ФИНСКОМ ЯЗЫКАХ	123
<i>Е.С. Лучина, Т.И. Резникова, И.А. Стенин</i>	

ДВА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ОСТРЫЙ» В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ	131
<i>А.С. Панина</i>	

**CAPÍTULO V.
TERMINOLOGÍA Y TIPOLOGÍA LÉXICA**

MARITIME TERMINOLOGY AND TYPOLOGICAL PARALLELS: CLASSIFICATION OF LEXEMES.ACCORDING TO ‘THE GEORGIAN DICTIONARY’ BY SULKHAN-SABA ORBELIANI	139
<i>Irine Chachanidze</i>	

ВЛИЯНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ЛОГИСТИКИ НА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНУЮ: ЗАИМСТВОВАНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ И ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ	143
<i>Ю.Э. Дорохова</i>	

LEXICALIZACIÓN DIFERENTE DE LOS MISMOS CONCEPTOS ESPECIALIZADOS EN RUSO Y ESPAÑOL	149
<i>Olga Koreneva</i>	

ХРИСТИАНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ АРЕАЛОВ SLAVIA ORTHODOXA И SLAVIA LATINA: НЕКОТОРЫЕ ПРИЧИНЫ РАЗЛИЧИЙ	155
<i>С.А. Никифорова</i>	

**CAPÍTULO VI.
MODELOS DE CONCEPTUALIZACIÓN LINGÜÍSTICA**

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И СМЕЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ	165
<i>А.Д. Шмелев</i>	
ВЕРБАЛИЗАЦИЯ МЕМА «ДЖЕНТЛЬМЕН» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ КАК ПРИМЕР КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ	175
<i>Н.С. Аристова</i>	
КОНЦЕПТ «ЯЗЫК» В РУССКИХ И ГРУЗИНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ (ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА)	183
<i>Н.Г. Бобохидзе, Р.С. Сагинадзе</i>	
МОДЕЛИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОТОТИПА В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	187
<i>Н.В. Габдреева</i>	
СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ В ПЕРЕВОДАХ А. ЧЕХОВА НА ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ КОНЦЕПТА «ТОСКА»)	191
<i>Л.В. Соколова</i>	
ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ	197
<i>Н.Д. Каджая, С.А. Муджири</i>	
THE EMERGENCE OF SATELLITE-FRAMED PATTERNS IN ROMANCE LANGUAGES: A TYPOLOGICAL CHALLENGE?	203
<i>M. Martínez Vázquez</i>	
МЕТАФОРА В НОМИНАЦИИ ЛИЦА ПО ПРИЗНАКУ ВОЗРАСТА В ИСПАНСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ	209
<i>И.Ю. Проценко</i>	

ÍNDICE	295
--------	-----

РЕДУПЛИКАЦИЯ, КАК ОДНА ИНТЕРЕСНАЯ ОБЛАСТЬ ЛЕКСИКОТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ГРУЗИНСКОГО ЯЗЫКА)	213
--	-----

И.Т. Саникидзе, Т.Т. Шарабидзе

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЕМКОСТЬ КОНСТРУКЦИЙ, ВЫРАЖАЮЩИХ КАТЕГОРИЮ СОСТОЯНИЯ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ	219
---	-----

Д.С. Шмарев

ЛЕКСИКА ПАРЕМИЙНЫХ ТРАНСФОРМКАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ СИНХРОНИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА	225
---	-----

Т. Шутковски

МОДЕЛЬ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ, ИСПАНСКОЙ И ИТАЛЬЯНСКОЙ КАРТИНАХ МИРА	231
---	-----

Е.Ю. Булыгина, Т.А. Трипольская

CAPÍTULO VII. ¿TIPOLOGÍA SEMÁNTICA O TIPOLOGÍA LÉXICA?

ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКИХ И ТАТАРСКИХ ПАРАМЕТРИЧЕСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В АСПЕКТЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ	241
--	-----

В.Г. Фатхутдинова

СЕМАНТИКА ЦВЕТОВЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ ХИНДИ В РАКУРСЕ РАССМОТРЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА	249
--	-----

К.С. Галиченко

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРИЗНАКОВ 'ТОЛСТЫЙ' И 'ТОНКИЙ')	255
--	-----

М.В. Кюсева, Д.А. Рыжова, Л.С. Холкина

ДИАЛИНВАЛЬНЫЙ И ДИАКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО ПЛАНА ТЕКСТА И ДИСКУРСА	263
--	-----

Д.Д. Шайбакова

CONTENIDOS	271
------------------	-----

